

Викторъ Смольниковъ
Шанхай

14-го ноября 1938

П. В. СМОЛЬНИКОВ
РОССИЯ, 115191-МОСКВА
СЕРПУХОВСКИЙ ВАЛ. 6. 87

ВИКТОРЪ СМОЛЬНИКОВЪ

О КОНТРОЛѢ ДѢТОРОЖДЕНІЙ

ИЗДАНИЕ Б.И. СТЕПАНОВА ШАНХАЙ 1938.

ALL RIGHTS RESERVED BY THE AUTHORS

The book was printed
at the “INVALIDS” PRESS”
by Nicholas A. STARKOFF
Shanghai, China

ВИКТОР СМОЛЬНИКОВ

О КОНТРОЛЕ
ДЕТОРОЖДЕНИЙ

МОСКВА

Издательство МБА

2014

УДК 314.335.044

ББК

С51

Выражаем искреннюю благодарность за финансовую помощь и вдохновение в истории переиздания книги коллективам сотрудников АНО «Центр Медико-Биологических Инноваций» г. Москва (Россия) и Инновационного Центра ОКР, отделения анестезиологии – реаниматологии и интенсивной терапии ГБУЗ ГКБ № 51 ДЗМ, отдела анестезиологии и реаниматологии ФГБУ «ГНЦ Лазерной медицины ФМБА России», отделения анестезиологии и реаниматологии ФГУ «Научного Центра Акушерства – Гинекологии и Перинатологии им. В. И. Кулакова Росмедтехнологий», ЗАО «АТОМ – МЕД ЦЕНТР» г. Москва (Россия), факультета гуманитарных технологий, иностранных языков и межкультурных коммуникаций Российского Нового Университета г. Москва (Россия).

Спасибо! 16 октября 2014 года.

Текст книги подготовлен по шанхайскому изданию 1938 года.

Смольников В.П. Контроль деторождений. – М.:
ООО Издательство МБА, 2014. –

ISBN 978-5-906325-95-2

УДК 314.335.044

ББК

- © . В. Смольников, 2014
- © Редакционная подготовка
и оформление издания
ООО "Издательство МБА", 2014
- © Дизайн обложки
А. Никулин, 2014

ISBN 978-5-906325-95-2

К 100-летию со Дня Рождения
Виктора Прокофьевича Смольникова

”Прошу тебя, Господи, благослови эти руки и этот ум, дабы они смогли заботиться о безопасности тех, кого доверили им в этот день. Сохрани руки мои умелыми, ум мой острым и глаза мои зоркими, чтобы никакие осложнения анестезии не случились с моими пациентами! Хотя они в моих руках, но руки мои в твоих, управь их, Господи, ко благу. Аминь.“

*Составил J.G. Converse, USA,
Оригинал хранится в Музее истории анестезиологии
г. Сан-Хуан, Порто-Рико,
Перевёл академик С.П. Капица.*

МОЕМУ ДРУГУ
ВЛАДИМІРУ МАРІАНОВИЧУ
ДОМБСКОМУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

R. P. G. GERMAIN, S. J.,

РЕКТОРА УНИВЕРСИТЕТА «АВРОРА».

(Переведено с французского автором)

Мой дорогой Смольников,
Вы просили меня написать несколько слов к Вашему труду «О контроле деторождений», и я охотно исполняю Вашу просьбу. Даже больше, я чувствую себя обязанным сделать это.

И не потому только, что чувство искренней дружбы связывает Ректора «Авроры» с одним из его лучших студентов, не только из-за общности идей, которые дают нам возможность созерцать духовно великие проблемы жизни, не только потому, что убеждённому поклоннику Вашей национальной литературы доставляет удовольствие написать предисловие к русской книге... всё это вложено здесь, но здесь имеется и гораздо большее: я совершенно реально ощущаю себя крестным отцом Вашей книги.

Когда весной 1936-го года обескураженный пропагандой контроля деторождения, наводнившей главные центры Китая, и Шанхая в частности, я издал против этой аморальной доктрины журнал на четырёх языках, Вы пришли ко мне и выразили желание написать на русском языке то, что было сделано нами на китайском, французском, английском и немецком. Я одобрил Вас, и Вы приступили к работе.

В течение двух с половиной лет Вы разбирались с поразительным терпением в многотомной литературе, посвящённой этому вопросу; Вы собирали материал у экспертов, которые могли дать Вам его из первых рук; Вы не поколебались отправиться к Вашим интеллектуальным противникам, чтобы услышать из их собственных уст доводы неомальгузианства. После этой первоначальной работы, проведённой с совестью и беспристрастием, Вы сделали своё заключение.

Вы были правы распространиться об экономической стороне вопроса после исторических справок, данных в начале Вашего труда, также как и затронули социальный и политический его аспекты. Как будущий врач, Вы не могли пренебречь медицинскими последствиями контроля деторождений, но я Вас поздравляю главным образом за то, что Вы посвятили целую главу моральной трактовке вопроса.

Ибо проблема контроля деторождений, — и здесь нельзя переусердствовать,

повторяя это, — является прежде всего моральной проблемой. Все другие аспекты вопроса в конце концов носят эмпирический характер, о котором Ваши противники могут писать без конца. И только нравственная точка зрения и святые принципы, на которых она покоится, дают всю силу и ценность доктрине спиритуализма, которую Вы излагаете и защищаете с правом.

Поверьте мне, что я был очень счастлив констатировать наличие единомыслия у Православной и Католической Церквей, которые осуждают применение противозачаточных средств без всякого исключения.

Позвольте мне все же подчеркнуть чрезмерность и поэтому самому ошибочность некоторых из утверждений проф. Покровского. „Брачная жизнь, — пишет он, — имея своей целью деторождение, никак не есть средство служения плотским пожеланиям...“

Я очень сомневаюсь, что моралисты Православной Церкви могли бы подписаться под этой фразой, могущей обескуражить людей доброй воли.

Почему бы не различать в вопросе о браке **ГЛАВНУЮ ЦЕЛЬ**, которая действительно есть рождение детей и их воспитание, от **ЦЕЛЕЙ ВТОРОСТЕПЕННЫХ**, как взаимная поддержка супругов, сношения „во избежание блуда“? Почему бы и не стремиться к этим второстепенным целям, добрым и честным, если главная цель брака не обойдена? Также, мысль о том, что „отсутствие

детей, если оно не зависит от родителей, всегда понималось и понимается как неблаговоление Божие“, может ещё иметь место в языческом обществе, но она не имеет никакого основания в христианской морали.

Эти некоторые преувеличения, являющиеся взглядом одного богослова, не представляют собой — я в этом уверен — общего мнения Православной Церкви и не умаляют ценности Вашей прекрасной книги.

Я верю, что такова как она есть, Ваша книга откроет глаза многим на серьёзную проблему продолжения жизни, и помогая им освободиться от материалистического взгляда на вопрос, разделяемого широко-ми массами, явится одним из факторов, способствующих достижению — не без жертв иногда — чистых вершин евангельской нравственности.

Я желаю самого широкого распространения Вашему труду.

R. P. G. Germain, S. J.
Ректор Университета «Аврора»
6-го сентября 1938 г. Шанхай

ОТ АВТОРА

Автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность R. P. Germain, S.J., — Ректору Университета «Аврора», который с самого начала тепло отнёсся к мысли автора написать эту книгу, в течение всего времени, пока велась работа, неоднократно интересовался её судьбой, и, по её окончании, удостоил её своего серьёзного и благосклонного внимания.

Для студента, дерзнувшего написать свой первый труд, предисловие его Ректора не может не быть лавровым венком — классическим символом поощрения.

RPP Javorka, Payen, Kekessy, de Raucourt, Игумену о. Нафанаилу, проф. Н.П. Покровскому, В.И. Несвадьба и Н.А. Барсукову за их книги, присланный материал, критику отдельных фаз работы, и весьма ценные советы и указания автор приносит свою благодарность.

Своим родителям Н.П. и А.К. Ильковым автор весьма признателен за всю колоссальную и скучную работу по подготовке его рукописи к печати.

Своему другу детства и издателю настоящей книги Б.И. Степанову автор глубоко благодарен за интерес, проявленный к его труду, и за выраженное пожелание издать его.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о контроле деторождений принадлежит к тем сложным вопросам, которые не укладываются в рамки какой-нибудь одной науки; поэтому, освещая его с точки зрения одной дисциплины, мы не только рискуем не понять его, не охватив его во всей его сложности, но и совершенно исказить настоящее отношение вопроса к той жизненной обстановке, в которой он возник.

Попытка оценить его подобным образом осуждена заранее на ряд ошибок в ту или другую сторону, т. к. процесс оценки предполагает прежде всего всестороннее сравнение. Из этих первоначальных соображений создается убеждение, что подобный вопрос должен быть рассмотрен с точек зрения всех тех наук, интерес для которых он может представлять тем или иным своим аспектом. В противном случае его изучение не представляет совершенно никакой, более или менее абсолютной ценности. Все труды, пытающиеся дать окончательную оценку вопроса с точки зрения одной или двух дисциплин, являются в лучшем случае интересным материалом для более полного исследования, и на этом их роль должна быть признана законченной. Мы можем утверждать это априорно, основываясь просто на определении самого процесса оценивания, предполагающего, как мы уже сказали, тщательное всестороннее сравнение всех отдельных элементов между собой и с известным нам каким-нибудь общим критерием.

Изучая вопрос о контроле деторождений, мы прежде всего наталкиваемся именно на его многогранность. Это не просто узко технический вопрос, затрагивающий физиологию брачных отношений и связанную с ним проблему возможных патологических изменений в организме. Тем менее он является простым вопросом о соответствии или несоответствии народонаселения и продуктов существования, или о влиянии противозачаточных средств на количество разводов в Соединенных Штатах.

Вопрос о контроле деторождений включает все эти мелкие вопросы, так же как и десятки других, и уже с самых первых шагов приобретает в глазах исследователя формы вопроса, долженствующего по своим размахам охватить многие из областей биологических, политических, социальных и философских наук. Действительно, сам факт неразрывности этого вопроса с личностью человека вообще заставляет нас предполагать, что все науки, изучающие человека под разными углами зрения, должны будут столкнуться с ним, в соответствующей и пропорциональной мере измененным.

Человек, как физиологическая или психологическая единица, рассматриваемый в связи с применением им противозачаточных средств, представляет собой интерес для медицины, психологии и, может быть, даже для психиатрии.

Становясь членом семьи, он привлекает к себе внимание социологии. Как член нации, им интересуется и евгеника, и политическая экономия. Такова грубо набросанная схема, которая дает нам представление о сложности взаимоотношений изучаемого вопроса с науками, его изучающими.

Исходя из вышеизложенного, мы поставили себе цель рассмотреть с возможно большей полнотой эти взаимоотношения и определить отношения отдель-

ных дисциплин к изучаемому вопросу. Далее, имея на руках рассмотренный материал, мы постараемся вывести соответствующие заключения.

Цель настоящей книги указать на ошибочность выводов неомальтузианцев и даже на некоторую несерьезность в их методе изучения вопроса.

Здесь мы хотим указать на другой интересный вопрос, который мы не пытались разрешить, т. к. он выходит из рамок поставленной нами себе задачи, а именно: на вопрос о влиянии женщины, о влиянии феминизма на неомальтузианство. Неомальтузианство не было вызвано к жизни женщиной, но женщина повсеместно поддерживает его. Очень и очень многие писательницы защищали за последние годы, и не без таланта, его основоположения.

Их труды не пропали даром, и значительная часть общественного мнения была завоевана ими с помощью простых и легкозапоминаемых лозунгов, требующих раскрепощения женщины от тягот неразумного материнства. Пропаганда феминисток в Англии и Соединенных Штатах была настолько успешной, что англосаксы поставили под вопрос ценность общих положений биологии о физиологии материнства и его влиянии на организм и психику женщины. Женщина легко и быстро впитала в себя самые материалистические, самые бездушные идеалы неомальтузианства, и с тем же врожденным вкусом и умением девочки, одевающей свою куклу в пышное, разноцветное платье, она облекла их в сентиментальные формы, придала им шарм и кажущуюся убедительность и по-женски умело прикрыла внешней красотой их философскую пустоту. Люсьен Ромье в своей замечательной книге „Объяснение нашего времени“(*), указывает на то, что в наше время жен-

(*) Lucien Romier: Explication de notre temps.

щина царит повсюду и вся пресса, наш театр, наша общественная жизнь старается примениться к ней, понравиться ей. Мужчина заражается её пустотой, и она отрывает его от вещей классически ценных, заставляя его следовать за прихотями моды, и тем самым подвергая его опасности опустошения души. Ромье прав. Философия неомальтузианства, особенно его англо-саксонское оформление, пропитано женственностью. Вычурное мышление, невероятные выводы, отсутствие продуманности, не доведённые до конца исследования, фантастика, иногда просто экзальтированная чувшь и сладкий, липкий сентиментализм, которыми пропитаны лучшие работы неомальтузианцев, — суть не мужские качества!

И если представители сильного пола в лагере неомальтузианцев рассуждают подобным образом, то приходится согласиться с Ромье: „Они отравлены токсином женственности“.

Мы не пытались ответить на этот вопрос, и лишь указываем на него как на один из многочисленных факторов, с которыми приходится сталкиваться при изучении вопроса о контроле деторождений.

Убедившись при сравнении выводов, сделанных различными науками, изучающими данный вопрос, в невозможности примирить подчас совершенно противоречивые заключения, мы полагаем, что выход из создавшегося положения должно искать в окончательном философском анализе всего вопроса, и потому, что философии принадлежит роль сверхнауки, и потому, что ей принадлежит по неоспоримому праву звание науки об оценке ценностей *par excellence*.

При сборе материала для данной книги мы заметили, что русская литература, посвященная вопросу о контроле деторождений, чрезвычайно мала. Мы имеем несколько книг о физиологии брака, с указа-

нием противозачаточных средств; большей частью переведённых с иностранных языков.

Наши экономисты и социологи лишь слегка касались его в связи с вопросом о народонаселении, но не пытались осветить его с должной полнотой.

Иностранная литература значительно богаче и может похвастаться некоторыми весьма ценными и полными исследованиями вопроса, как, например, труд бельгийского врача Гутенеере „Ограничение рождений“. Иностранное общество живо реагирует на этот вопрос и Запад знает немало столкновений двух противных лагерей по поводу искусственного контроля деторождений. Западные церкви не могли остаться в стороне от движения, приобретшего все признаки перманентного социального явления, и заняли ту или иную позицию по отношению к нему.

Как отнеслась Россия к неомальтузианству, мы увидим ниже. Здесь же скажем несколько слов об отношении к нему нашей эмиграции. Мы представляем из себя довольно странную социальную группу в этой области. Практически мы мало чем отличаемся от других взятых наугад группировок. У нас приблизительно то же число бездетных браков, разводов и аборт, приблизительно тот же процент больных венерическими болезнями, и соответствующие рекламы в газетах заставляют предполагать, что если не на словах, то на деле, мы ничуть не уступаем употребляющим противозачаточные средства иностранцам. Теоретически же у нас замечается какое-то инфантильно-филистерское отношение к вопросу. О нем или не говорят, или говорят несерьёзно. Подобная психология смешивает физиологию размножения и связанные с нею вопросы с порнографической литературой и видит в обоих лишь стимул для полового инстинкта. Несомненно, что подобное отношение к искусственному контролю деторождений значи-

тельно затрудняет положение Православной Церкви, которую этот вопрос должен интересовать постольку, поскольку он вообще является вопросом христианской морали. Не имея возможности подойти к обсуждению вопроса вплотную на спокойной, научной платформе, как это сумели сделать Католическая и прочая западные Церкви, Православная Церковь принуждена ограничиваться притчами и приличными намёками, и вынуждена сохранять внешний декор полутьмы там, где требуется ровное, спокойное освещение. На это отсутствие подготовки, на эту узость взглядов должны были бы обратить внимание те, кому поручено воспитание юношества. И в этой области роль таких руководителей сводилась бы не к изложению самих фактов, которые современному подростку известны иной раз лучше, чем наставнику, а к правильному их освещению.

Мы нарочно заканчивали каждую главу серией общих выводов, представляющих собой конспект критики неомальтузианства. Те из читателей, которых не интересуют детали, могут ограничиться прочтением этих выводов, (если их вообще интересует это) и составить себе общее понятие о затронутом нами вопросе.

Заметим также, что при всём нашем желании дать полное исследование вопроса, мы оказались не в силах сделать это. Два года, потраченные на сбор материала и на обработку его, чересчур малый срок для осуществления этой цели. Мы боялись также чересчур обременить нашу книгу статистическими данными. Весь материал, собранный здесь, однако, вполне достаточен для того, чтобы дать нам право говорить о правильном методе изучения вопроса об искусственном контроле деторождений, и для того, чтобы попытаться дать серьёзную критику неомальтузианства. Насколько эта цель была достигнута, пусть судит сам читатель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

КОНТРОЛЬ ДЕТОРОЖДЕНИЙ НА ПРАКТИКЕ

Стремление человека взять под контроль свою способность размножаться — не ново. Оно не является продуктом современной научной мысли, да и по существу своему никогда не имело непосредственной связи с наукой в начале.

С тех пор как человек смог установить связь между половым актом и зачатием — примитивные народы и до сих пор не видят причинной связи между этими двумя моментами, приписывая беременность вмешательству духов и богов (*) — дорога для искусственного контроля рождаемости стала открытой, по крайней мере теоретически.

Аборты и детоубийство также существовали с незапамятных времен и должны были несомненно предшествовать искусственному контролю деторождений.

Египтяне употребляли крокодиловый кал и медь с этой целью. *Coitus interruptus* упоминается ещё в Библии как противоестественный порок. Известна, например, своеобразная операция у некоторых австралийских племён, состоящая из продольного разреза уретры с нижней стороны, благодаря чему семя вытекает наружу, не попадая во

(*) A. Goldenweiser: Sex and primitive society.

влагалище(*). Искусственный аборт также процветал в те времена по мере развития цивилизации каждого народа.

Греческий историк Полибий, живший во II в. до Р.Х. пишет: „В мое время вся Греция страдала от бездетности, главным образом от недостатка людей; ибо люди предавались лёгкой жизни и комфорту; они не желали больше жениться и иметь по несколько детей. Не вражеский меч истребил античные государства, но недостаток в потомстве“.

Рим, забывший свои древние добродетели, страдал тем же недугом, и меры, предпринятые императорами, не смогли остановить уже развращённый в корне народ. Как заметила, ядовито, Тэффи в своей юмористической древней истории, обработанной Сатириконом: „Народ вымирал. Беспечные матроны резвились, не заботясь ни мало о деторождении. Кончилось плохо. Несколько лет подряд рожали одни весталки“.

Санскритская книга Ананга-Ранга даёт массу рецептов, долженствующих сделать женщину навсегда бесплодной. Появившийся в VIII в. Коран, осуждая детоубийство, допускает аборты.

Смит в своем труде „Футуна и её обитатели“ (1892 г.) говорит: „Не считалось даже постыдным делом для матери убивать своих детей. Некоторые из этих матерей имели до шести детских жизней на своей совести. Обычно плод убивался до рождения накладыванием на тело матери тяжелых камней, или же детей душили при рождении, а то просто закапывали живыми в песок“ (**).

Французский перевод с арабского, под многообещающим заглавием „Искусники любви“, поя-

(*) Iwan Bloch: Das Sexuelleben unserer. Zeit S. 759.

(**) Marie Stopes: Contraception pp. 250–265.

вившийся в XVI в., сообщает любознательному читателю некоторые противозачаточные средства.

Испания XVI и XVII веков тоже страдала от этого. Колоссальные богатства, приобретенные в Новом Свете, толкали людей к исканию личного удовлетворения; семья и долг забывались. Результатом этого эгоизма явились отвращение к браку и падение рождаемости. Народонаселение Испании сократилось до девяти миллионов душ, и правительство, чтобы поднять рождаемость, давало дворянские грамоты всем, имевшим четырёх детей (*).

Нельзя сказать, чтобы общество не боролось с этим злом. В 1695 г. в Лондоне появляется книга: „Популаидиас или рассуждение о многодетности в которой предрассудки касающиеся имён многих отпрысков разрушаются и противные доводы объясняются“. В 1723 г. Фило Каститатис в Лондоне, отвечая на книгу, проповедывающую онанизм, пишет свой труд: „Исследование и раскрытие Онании, или опубликование невежества, ошибочности, наглости и противоречие книги, именуемой Онанией“, в котором между прочим говорит:

„Это действие в брачном состоянии с беременной женщиной поистине направлено на разрушение рода человеческого и подрывает самый акт созидания. Это до известной степени та же мерзость, что и вырывание плода из чрева матери и умерщвление его. Ибо если это и не разрушение настоящего существа, созданного законно и благопристойно, всё же это самая низшая и самонадеянная нечестивость, которую недостойно упоминать христианам“.

(*) Iwan Bloch.: op. cit. p. 759

В XVIII в., на заре неомальтузианства, аборты открыто процветают в Англии, и лица, посвятившие себя этому доходному ремеслу, свободно рекламировались в газетах. Противозачаточные средства также предлагались широкой публике.

Неизменная связь между падением рождаемости и кризисом цивилизации при внимательном сопоставлении фактов приобретает всю силу исторического закона. Падение нравственности, эгоизм, отказ от семьи ради большого комфорта, искусственный контроль над деторождением, аборты — лишь вытекающие отсюда следствия — всегда вели за собой ослабление и конечное падение нации. Отказ от суровой и простой жизни всегда увел за собой народы по ложному пути. Именно этот факт, наблюдаемый и в наше время, заставил Карреля, выдающегося биолога и серьезного мыслителя, сказать: „Необходимо спросить себя, наконец, какое влияние на будущее развитие расы окажет наша новая манера жить. На все эти изменения, внесенные в обычаи наших предков, женщины ответили немедленно и решительно. Рождаемость упала тотчас же. Это столь важное явление было более быстрым и серьезным в тех общественных слоях и нациях, которые первыми вкусили, непосредственно и косвенно, плодов прогресса, порожденных наукой. Искусственное бесплодие женщин вещь не новая в истории народов. Оно появлялось уже в определенных периодах в истории исчезнувших наций. Это классический симптом. Мы понимаем его значение“ (*).

(*) Alexis Carrel: L'homme cet inconnu, p. 24.

КОНТРОЛЬ ДЕТОРОЖДЕНИЙ В ТЕОРИИ

Доктрины народонаселения до Мальтуса

Если контроль деторождений может похвастаться многовековым существованием в действительности, то он был не менее известен и теоретикам прошлого, хотя и в несколько иной форме. Заглянув в историю экономических доктрин, мы видим, что уже Платон, Аристотель и другие философы древности выдвигали свои доктрины народонаселения. Тут мы сталкиваемся впервые с чисто экономическим аспектом вопроса.

Платон, пытаясь найти условия для существования идеального государства, требует как одно из важных положений не меняющееся численно население. Для его гармонически функционирующей республики достаточно около 20.000 душ. Меры к сохранению этого числа разнообразны: регламентация браков чиновниками, почести или наказания много семейным от государства, в зависимости от того, нуждается ли государство в людях или нет, натурализация иностранцев или же, наоборот, изгнание излишка из пределов республики.

Аристотель тоже, в своём стремлении создать совершенный государственный аппарат, видит в определённом количестве людей одно из условий политической и эстетической пропорции государства. Он не останавливается ни перед детоубийством, ни перед искусственным абортom. Для него существование целого выше и прежде, чем существование одной из его частей.

В то время подобный взгляд на народонаселение уживался с абсолютным этатизмом; в наше время мы наблюдаем его уживающимся с полным индивидуализмом.

Но и в то время понятие о ценности государства не пользовалось всеобщим признанием.

Софисты — по духу своему могущие быть родоначальниками неомальтузианцев сегодняшнего дня — представляли собой индивидуализм, возмущившийся против государства, как пишет Ренэ Гоннар в своей книге (*). Их школа была антитрадиционной и антигосударственной; основа их философии строго индивидуальной. Индивидуум является мерилем всего; индивидуальный разум становится критерием истины, результатом чего явилось отрицание всех догматов, религиозных, нравственных, политических и социальных. В средние века мы встречаем диаметрально противоположный взгляд. Несмотря на то, что аристотелианская философия является доминирующей школой мысли, доктрины Аристотеля о народонаселении не разделяются. Церковь, а за ней и государство, требуют многочисленную семью и боятся недостатка в людях. Писатели того времени все придерживаются этого господствующего мнения. Один только Рауль де Прель считает, что мир уже перенаселён, и требует нравственного воздержания как единственно в то время мыслимого способа понизить рождаемость.

XV в. приносит с собой новую экономическую доктрину — меркантилизм, порождённую последними открытиями новых земель (Васко де Гама, Магеллан, Колумб). Средневековая экономика требовала презрения к увеличению богатств, к наживе и т. д. Меркантилизм, наоборот, провозглашает стремление к наживе достойным для человека занятием. Все эти перемены, однако, не затрагивают по существу классическую теорию о народонаселении. Повыше-

(*) Rene Gonnard: *Historie des doctrines économiques*, p. 22.

ние рождаемости рассматривается как благоприятный для величия и политической силы страны факт.

Но уже вопрос о соотношении народонаселения и продуктов первой необходимости возникает в уме итальянского экономиста Ботеро (1540–1617 гг.), который таким образом на полтора века опережает Мальтуса. Он говорит о «размножительной потенции человека и питательной потенции государства» и признаёт, что продолжение рода человеческого находится в прямой зависимости от недостатка или избытка пищевых продуктов. Он ищет, однако, способа увеличить эту «питательную потенцию государства» улучшениями в области земледелия и индустрии. В крайнем случае он предвидит необходимость эмиграции, в те времена казавшейся неограниченной. Другие экономисты говорят почти то же самое: возрастающее население — увеличение мощи и богатства государства. К их числу принадлежат Жан Боден (1560–1596 гг., один из крупнейших экономистов XVI в., и Уильям Петти (1623–1687 гг.), известный своими серьёзными статистическими трудами. Он считает Англию недонаселённой и предлагает транспортировать всех ирландцев в Англию для увеличения населения, сделав из Ирландии громадный парк для разведения скота.

Итальянские экономисты в огромном большинстве придерживаются того же взгляда на народонаселение и рождаемость, требуя учреждения штрафов на холостяков и премий за новорождённых.

Рэнэ Гоннар приводит имена следующих экономистов, писавших между 1762 и 1800-ми годами: Горани, Беккариа (1738 — 1794 гг.); Занон Вильяно, Паррука, Маркезини, Бристолони, делла Маллери, Фирентино, Константины, Пальмиери, Бандини, д'Арко, Васко, Карли, Пекори, Пла, Тедески, Боттонэ, Казентино и др. Немногие среди итальянских

экономистов были другого лагеря и являлись предтечами мальтузианства; таковы Риччи, Бриганти, Филанджиери, Джаннуариа.

Ортез в своем труде „Размышления о народонаселении“, появившимся в 1790 году, признаёт существование постоянного соотношения между потребляемыми продуктами и народонаселением. В противоположность Ботеро, он не видит возможности улучшить положение бедноты увеличением количества продуктов первой необходимости и предлагает воздержание как способ понизить рождаемость. Томас Мор, автор знаменитой Утопии, также как и классики философии, требовал ограниченного числа жителей в государстве, и даже больше: в его утопии все семьи должны были иметь одинаковое число членов; дети наиболее многочисленных семейств приписывались к семьям, недотянувшим до установленной философом квоты. Излишек населения подлежал, как и у Платона, экспатриации.

Прусские монархи XVIII века были ярыми сторонниками увеличения рождаемости.

Франсуа Кенэ (1694–1774 гг.), французский медик и экономист, основатель экономической школы физиократов, придерживался того мнения, что накопление богатств в стране ведет к увеличению населения, и скептически относился к тому, что сила государства лежит в его населённости. Но в своих взглядах на народонаселение он не был мальтузианцем, а, скорее всего, приближался к Ботеро.

Адам Смит, выдающийся шотландский экономист своего времени, утверждал, что повышение заработка вызывает соответствующее повышение рождаемости. Это же утверждал и Рикардо (1772–1823 гг.), современник Мальтуса.

После Мальтуса — о нём мы будем говорить ниже — целая плеяда английских экономистов

высказывалась по этому вопросу, но они уже все находились под сильным влиянием Мальтуса и Рикардо, — влияние, под которым английская политическая экономия, по-видимому, находится и до сих пор. Их труды не пропали даром, и общественное мнение стало настолько сильно пропитанным идеями мальтузианства, что Ричард Джонс (1790—1855 гг.), последователь индуктивного метода в политической экономии и критик Рикардо, написавший свою книгу, разбившую одну из основных предпосылок Мальтуса, не имел успеха.

Джемс Милл, Маккюлок, Хариет Мартино и другие являются явными последователями Мальтуса и Рикардо. В начале XIX в. к ним примыкает и Стюарт Милл (1806—1873 гг.), английский философ, разделявший рикардо-мальтузианские взгляды на народонаселение и мечтавший о совершенном и точном числе людей в государстве Платона.

Этот краткий очерк доводит нас до середины XIX в., т. е. до того момента, когда первоначальная теория Мальтуса под влиянием главным образом психологических причин облеклась в новые для неё одежды неомальтузианской идеологии.

Прежде чем приступить к её рассмотрению, мы познакомимся с её невольным отцом Мальтусом и с теми экономическими факторами, которые, несомненно, были одной из главных причин успеха его учения.

МАЛЬТУС И МАЛЬТУЗИАНСТВО

В своем замечательном предисловии к переведённой им книге Мальтуса «Опыт о народонаселении» де Молинали даёт яркую картину экономических условий в Англии начала XVIII века (*).

(*) de Molinari: Malthus.

XVIII столетие было началом зарождения крупной английской индустрии. Текстильная промышленность механизмуется. Харгривс в 1767 г. изобретает трикопрядильную машину, которая позволяет ребёнку выпрясть в восемь раз больше взрослого за рабочий день.

Аркрайт в 1768 г. изобретает первую бумагопрядильную машину. В 1779 г. Кромтон совершенствует прядильную машину, комбинируя открытия, сделанные его предшественниками. Усовершенствование парового двигателя Уаттом в 1782 г. позволяет заменить ручной труд паром. Все эти индустриальные реформы не замедлили сказаться прежде всего на рабочих руках. Ткачи, жившие до сих пор ручным трудом, не могли конкурировать с машиной. Массовые увольнения рабочих с фабрик, переходивших на механизированный труд, страшно повысили число недовольных и безработных, и открытые возмущения против нововведений были нередким явлением. Параллельно с развитием текстильной промышленности улучшались и пути сообщения.

В 1759 г. Бриндли приступил к прорытию канала, соединившего впоследствии Ливерпуль с Манчестером — факт огромного экономического значения.

Тельфорд с 1802 по 1820 г. строит 920 миль хороших дорог с 1200 мостами. Адам Смит проповедует принцип невмешательства в экономическую жизнь страны со стороны правительства, результатом чего явилась недостойная эксплуатация рабочих предпринимателями. Дети семилетнего возраста работали в ужасных условиях, по четырнадцать часов в день (*). Капитал превращает небольшие провинциальные городки в крупные индустриальные центры. Города разбухают от притока населения

(*) Wm. Edwards: Notes on British History. pp. 626—635.

из деревень, которое к тому же значительно возросло в течение XVIII в. Англия быстро превращается из сельскохозяйственной страны в государство, живущее главным образом индустрией.

Этому способствовали еще, и в значительной мере, земельные реформы 1760–1800 гг., которые повели к обнищанию мелких фермеров (*yeomen*), к вздорожанию земли и к скупанию земель крупными капиталистами.

Благодаря высокой цене на землю мелкие землевладельцы продавали свои участки и стекались в города. Те из них, которые оставались на своей земле, постепенно разорялись, не имея возможности конкурировать с крупными землевладельцами, и превращались в наемных рабочих. Хлеб дорожал, а заработная плата оставалась почти прежней. Всё это означало голод для деревенского населения и для рабочих, среди которых число безработных неуклонно возрастало (*).

В 1857 г. в главных отраслях английской промышленности было занято 5.061.050 человек. В 1881 г. число рабочих осталось почти прежним, но население увеличилось за это время на 9.000.000 душ (**). Правительство боролось, но безуспешно, со вздорожанием предметов первой необходимости и возрастающим числом безработных. Люди, имеющие заработок, облагались податью на бедных. Этот налог с £ 1.720.316 в 1776 г. возрос до £ 2.167.749 в 1783 г. и дошёл до солидной суммы в £ 5.348.205 в 1803 г. (***). Рабочие волновались и заставляли английскую интеллигенцию искать какого-то выхода из создавшегося положения. Наука была не в состоянии помочь,

(*) Wm. Edwards: Op. cit., pp 634–635.

(**) А. Боровой: Популярный курс полит. экономии, стр. 47.

(***) de Molinari: Malthus.

и богатые воображением умы стали искать новых путей в области социальных реформ.

Французская революция 1789 г. подлила масла в огонь. Общественное мнение ожидало наступления новой эры, и в 1793 г. Годуин пишет статью против правительства вообще. Его выступление не было единственным, и ряд других писателей был настроен не менее воинственно. Французский террор несколько охладил их пыл, но не настолько, чтобы убить дух реформы, зародившийся под влиянием невозможных экономических условий.

Вот в этот-то период, когда был поставлен вопрос о ценности существовавшего социального и политического строя, появляется второй и главный труд Мальтуса „Опыт о народонаселении“, который косвенным образом сложил бремя ответственности с плеч правящего класса и явился апологией правительственной экономической политики.

Томас Роберт Мальтус, второй сын Даниила Мальтуса, зажиточного землевладельца, родился в 1766 г. Поступил в Оксфордский Университет в 1784 г. и принял священнический сан. В 1796 г. появляется его первая книга: „Кризис“. В 1798 г. знаменитый „Опыт о народонаселении“, который он переиздает в значительно видоизмененном виде в 1803 г. С 1805 по 1834 гг. состоит преподавателем истории и политической экономии в Хэйлберийском колледже. В 1804 г., в 38 лет, женился на Харриет Эккерстол, от которой имел трех детей. Его противники уверяли, будто бы, несмотря на проповедуемую им теорию воздержания, Мальтус был отцом двенадцати дочерей; но это следует признать неверным. В своей жизни он был глубоко верующим и нравственным человеком, очень простым и, судя по некоторым мыслям его, даже наивным. В его несерьезном подходе к изучаемому вопросу должно винить его чисто

пуританскую сентиментальность, присущую англо-саксонскому характеру той эпохи, и отсутствие серьезной научной тренировки, а не преднамеренное искажение фактов. Его нравственные взгляды являются достаточной тому гарантией. Он умер от болезни сердца в 1834 г.

Уже до этого был поднят вопрос о том, увеличилось ли народонаселение Мира за последние века. Монтескье, Уоллес и другие утверждали, что оно уменьшилось. Юм опровергал это. Но это всё были праздные разговоры, т. к. статистика находилась ещё в эмбриональном состоянии, а труды по демографии ограничивались переписью населения в Швеции, таблицами Варгентина, изысканиями Зюссмих и вычислениями Эйлера, также как и сообщениями Смита, указавшего на то, что в прошедшем веке население Новой Англии удваивалось каждые 25 лет. Основываясь на этих совершенно неполных и, с точки зрения современной науки, ненаучных данных, связанных, по всей вероятности, чисто интуитивным путем с голодом, царившим в Англии, Мальтус вывел свой знаменитый закон о постоянно возрастающем несоответствии между численностью народонаселения и продуктами первой необходимости. Он утверждает, что в то время как земля может увеличивать свою плодородность лишь в арифметической прогрессии, народонаселение возрастает в геометрической прогрессии. С этим выводом, приобретшим в его глазах всю ценность постулата, Мальтус доказывает, что все экономические и социальные меры ни к чему не приведут, т. к. корень зла лежит в самом населении. Он утверждает (*):

1) Народонаселение необходимым образом ограничено средствами к существованию.

(*) de Molinari: Op. cit., p. 28.

2) Народонаселение неизменно возрастает там, где возрастают средства к существованию, если только могущественные и явные препятствия не остановят его роста.

3) Эти особые препятствия и все те, которые, останавливая прирост населения, заставляют его уменьшаться до уровня средств существования, могут быть сведены к трем видам; «нравственное воздержание, порок и стихийные бедствия».

Он требует предотвратить появления на «празднике жизни» нежеланных гостей, и в этой склонности рода человеческого к размножению видит такую силу, с которой не могут справиться никакие реформы.

Понятно, что вся реакционная часть общества с радостью встретила эту книгу. Предприниматели могли спать спокойно, т. к. ответственность за невыносимые условия падала не на них, а на самих рабочих, которые позволяли себе размножаться, не считаясь с законами неумолимой природы в интерпретации Мальтуса.

Наш экономист А. Боровой говорит по этому поводу (*): „В этой, казалось, непогрешимой логике не было места ни состраданию, ни чувству справедливости. Бедняки должны были пенять сами на себя; ни правительство, ни частные лица не могли приходить к ним на помощь, ибо всякое временное улучшение положения бедных создавало более благоприятные условия для заключения браков, деторождений, а последнее и было тем коренным злом, из которого проистекали все остальные человеческие несчастья. Привилегированные классы английского общества, говорит Феррара, с энтузиазмом приняли новую доктрину... те, кому принадлежала почти вся земля Англии, и кто жил среди утончённой роскоши аристократического образа жизни, почувство-

(*) А. Боровой: Популярный курс полит. экономии, стр. 100.

вали сразу облегчение... Они отныне без стыда могли смотреть на несчастных крестьян, всю жизнь проводивших под ярмом тяжелого труда, и получили право отвечать на их жалобы, что те обязаны своим несчастьем лишь собственной непредусмотрительности и несут на себе последствия неблагоразумных браков, обременив себя многочисленными семьями. На все заявления о недостаточности налога на бедных они имели возможность возражать, что его не только не следовало увеличивать, а, напротив, надо было уменьшать и довести до полного уничтожения — одним словом, все существовавшие несправедливости находили в теории Мальтуса оправдание и извинение“.

Мальтузианцы, а почти вся Англия стала мальтузианской, не замедлили пустить в ход наиболее кричащие и в то же время наиболее неверные доводы Мальтуса. От воздержания, которое Мальтус предлагал как единственно нравственное средство уменьшить рождаемость, скоро дошли до безболезненного удушения новорождённых, предложенного известным филантропом (sic!) Росси, и до кастрации. Кстати, этот последний метод был выдвинут немцем Вайнхольдом.

Реформаторы, жаждущие широких изменений, проклинали Мальтуса, как сторонника реакции, и обвиняли его в безнравственности. В период этой борьбы двух лагерей Мальтус предпринимает поездку по Дании, Норвегии, Швеции, России, Швейцарии и Савойи, чтобы пополнить свои знания в этой области. По своему возвращению он переиздаёт свой „Опыт о народонаселении“ и выдвигает принцип нравственного воздержания. До этого он не видел никакого способа предотвратить надвигающуюся катастрофу. Мальтус хорошо видел, что нравственное воздержание и более позднее вступ-

ление в брак дело нелёгкое, но, тем не менее, считал это единственным возможным средством. В его главных положениях он с нравственной точки зрения безупречен. Он говорит (*): „Итак, мы должны приложить свои усилия для того, чтобы направлять принцип народонаселения (т. е размножение), а не изменять или ослаблять его. И, если нравственное воздержание является единственным законным средством для избежания вышеописанных зол, мы всё же не менее обязаны придерживаться этой добродетели, как и всякой другой, польза которой нам ясна из наблюдений и размышлений... если долг не легко исполнить, его необходимость все же должна быть признаваема“. В заключении своей книги Мальтус суммирует свои выводы, которые интересны тем, что резко отмежевывают его от неомальтузианской идеологии. Здесь даны наиболее характерные выдержки:

„Я имел в виду показать, что зло, которое несёт с собой принцип народонаселения, по существу своему совершенно такое же, как и всякое другое зло, порождённое бесконтрольным непротивлением голосу любой страсти...

...Я вполне признаю все выгоды принципа народонаселения; мое глубочайшее убеждение, что природная склонность рода человеческого увеличиваться численно быстрее, чем это могут сделать продукты питания, не могла бы быть искоренена или значительно ослаблена без того, чтобы уменьшить надежду на возвышение и страх на падение в обществе,— чувства, столь необходимые для развития способностей и для прогресса благополучия человека... я всегда считал принцип

(*) de Molinari: Op. cit., p. 44.

народонаселения за закон, особенно приложимый к состоянию дисциплины и испытания“ (*).

Мальтус признавал сам, что его изыскания в области демографии далеко не безупречны, в чем он чистосердечно признаётся и наивно добавляет: „...Возможно, что, найдя дугу, сильно согнутую в одну сторону, и желая её выпрямить, я перестарался и чересчур перегнул её в другую. Но я всегда буду готов зачеркнуть всё то, что в моём труде покажется компетентным судьям вредящим распространению истины и идущим против цели“.

Свой труд он заканчивает словами, которые при всей своей искренней простоте приобретают несколько иронический оттенок теперь, когда автору теории приходится быть косвенно ответственным за безнравственную идеологию неомальтузианства. Мальтус говорит: „Практическая цель, которую поставил себе автор прежде всего, не говоря о тех ошибках, которые он мог совершить, есть улучшение судьбы и увеличения счастья низших классов общества“.

КРИТИКА ТЕОРИИ МАЛЬТУСА

Мальтус оказал колоссальное влияние на экономическую мысль XIX века, и даже в наше время его выводы цитируются иногда вполне искренне, иногда с тенденциозной целью доказать необходимость контроля деторождения (**). Дарвин признавался, что книга Мальтуса оказалась плодотворной в его собственных изысканиях. Социалисты пользовались

(*) de Molinari: Op. cit., p. 203.

(**) Проф. Роледер: «Как предупредить беременность». Книга эта издана в Москве неизвестно кем в 1909 г. и является, по всей вероятности, не совсем чисто плотной попыткой прикрыть именем учёного рекламу распространителей противозачаточных средств.

его теорией, чтобы отрицать право на владение землёй. Социологи превозносили её, также как и экономисты.

Прежде всего рассмотрим, в чём заслуга Мальтуса перед экономической наукой. Он первый, если не считать Ботеро, указал на то, что размножению рода человеческого поставлен определённый предел самим фактом ограниченных средств к существованию, и что поэтому, во избежание экономических затруднений, надлежало бы сохранять известное отношение между производительной силой данной местности и его народонаселением. Все его выводы и заключения были не точны. Он грешил как и в самом методе своего исследования, так и в недостаточно серьёзной обработке собранного им материала.

Современные экономисты в большем своём числе осудили мальтузианство как теорию по следующим пунктам:

1) отсутствие серьёзных научных данных:

Статистика была, как мы уже говорили, в зачаточном состоянии. Мальтус не мог доказать, что народонаселение страны стремится перегнать её плодородность. Он только предполагает это.

2) Недостаточность дедуктивного метода.

Мальтус идёт от созданного им закона, к тому же неверного, к выводам вместо того, чтобы вывести свои заключения из методичного наблюдения интересующих его фактов.

3) Закон об удвоении населения через каждые 25 лет не точен.

Этот закон давно отброшен самими последователями Мальтуса. Современная демография показывает, что каждая страна имеет свой собственный

период, необходимый для удвоения её народонаселения. Фуанье приводит следующие цифры (*):

Соединённые Штаты	через	60	лет
Германия	"	65	"
Англия	"	80–85	"
Бельгия	"	80	"
Япония	"	80	"
Франция	"	256	"

- 4) Закон об увеличении продуктов питания в арифметической прогрессии не точен:

Этот закон, как и предыдущий, не имеет серьёзного фундамента. Прогресс агрокультуры и применение химии перевернули все расчеты Мальтуса, повысив плодородие земли до колоссальных размеров. (Цифровые данные по этому поводу даны в главе IV.)

- 5) Закон об увеличении населения при благоприятных экономических условиях не точен:

Это положение формально противоречит доказанному в наше время факту: благоприятные экономические условия и прогресс цивилизации способствуют понижению народонаселения в такой мере, что цивилизованным народам приходится скорее бояться грядущей недонаселённости своих территорий, чем противоположного бедствия. Причиной этому, по Фуанье, являются ненасытная жажда личного благополучия, толкающая на искусственное уменьшение семьи и физиологический фактор: экономическое благополучие порождает массу посто-

(*) Foignet: Manuel elementaire d'economie politique, p. 227.

ронных интересов, которые затушёвывают инстинкт размножения. Статистика падения рождаемости в западноевропейских странах подтверждает это.

- 6 Возведение физиологической и математической возможности перенаселения в существующую опасность преждевременно.

Мальтус предвидит день, когда вся земля будет заполнена людьми, т. к., согласно его теории, род людской должен будет беспрестанно увеличиваться. Шарль Жид дает нам примеры вычислений, которые в свое время сделали из Мальтуса пессимиста:

„В среднем годичный прирост населения в культурных странах можно считать в 1%, что даёт период удвоения населения в 72 года. Правда, и при таком, с виду небольшом приросте в 1%, размножение было бы ужасающих размеров и могло бы оправдать наихудшие предсказания Мальтуса. Если мы, в самом деле, допустим, что население земного шара, определяемое теперь в 1500 млн. жителей, увеличивается ежегодно на 1%, то к середине будущего века XX оно достигло бы 3 млрд, а в 2660 году — 48 млрд. Достаточно продолжать дальше эти вычисления, чтобы иметь полное право утверждать, что через каких-нибудь 800 лет вся Земля будет заселена так, как теперь центр Парижа, а через 1200 лет будет приходиться 1 человек на каждый квадратный метр, так что людям негде будет даже двигаться.“(*)

В IV главе мы ещё раз вернемся к этому вопросу, сейчас же заметим, что, несмотря на несуразность подобного однобокого вычисления, есть и в наше время немало экономистов, которые подвержены этой своеобразной математической диарее.

(*) Шарль Жид: Основы политической экономии, стр. 179.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВА

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Англия XIX в. была достаточно подготовлена, по крайней мере высшие классы, к восприятию неомальтузианской идеологии (*). Экономически падение рождаемости среди населения было на руку правительству и земельным магнатам. Мы уже видели, как удобно этот способ разрешил бы их затруднения, сохраняя существующий порядок вещей. Нравственно интеллигенция тоже была готова вкусить безнаказанно все прелести, которые им сулило (не открыто, конечно) неомальтузианство. Англия XIX в. не была больше ни догматически строгой, католической Англией, ни нравственно суровой Англией пуритан. Мальтус с предложенным им воздержанием был уже старомоден, и его оппонент Франсис Плэйс открыто советовал применять противозачаточные средства для сокращения рождаемости в своей книге „Принципы народонаселения“, изданной в 1822 году. Это единственная книга, которой Плэйс дал свое имя. В следующем году в открытом обращении к публике, в так называемой „Дьявольской листовке“, сообщаются противозачаточные средства. Г-жа Стопс приписывала эту анонимную листовку Плэйсу. Плэйс в письме к своему

(*) Stopes: Contracepton, pp. 280–288.

другу, Ричарду Карлайлу, сообщает свои взгляды на искусственный контроль деторождений — взгляды, которые в сущности и являются теперь главными тезисами неомальтузианства. „Уменьшив народонаселение, — говорит он, — все смогут найти себе работу. Комфорт и благосостояние каждого увеличатся, и человек станет больше нравственным. Проституция существует только благодаря переизбытку женщин, которые, не имея возможности найти работу, принуждены торговать собой... Противозачаточные средства в конце концов принесут с собой целомудрие“. Дальше он требует контроля над природой, при чём замечает, что „природа, это слепая, грязная, старая жаба должна управляться разумом в тех случаях, когда она может вредить роду человеческому“ (*).

В 1826 он проповедует *coitus interruptus* и всё время работает анонимно за спиной Карлайля и других.

Английская общественность, однако, отнюдь не была склонной отбросить все свои традиционные взгляды на нравственность, и против Плэйса восставали многие. Так, например, „Бульдог“ помещает открытое письмо Карлайлю на своих страницах: „Станете ли Вы, и можете ли Вы отрицать, что Плэйс находился с Вами в постоянной переписке во все время Вашего тюремного заключения? Не давал ли он материал для каждой статьи, которые появлялись в „Республиканце“ под Вашей подписью? Не убеждал ли он Вас в течение почти двух лет разработать и опубликовать его самые гнусные предложения для того, чтобы превратить молодых людей Англии в..., а молодых женщин в проституток. Разве он не снабжал Вас деньгами во многих случаях? Действительно, все эти вещи могут быть доказаны из писем, написанных Вашей собственной рукой“.

(*) Stopes: Contracepton, pp. 280—288.

В 1823 г. немецкий врач Хуфеланд пишет книгу, осуждающую *coitus interruptus*, который усиленно, и во всех деталях, проповедует в Англии Плэйс, как всегда анонимно.

Ноултон в 1833 г. пишет книгу „Плоды философии“, в которой разбирает вопрос контроля деторождений. В 1838 г. немец д-р Фридрих Адольф Вильде предлагает пессарий, предупреждая таким образом Менсинга на 40 лет.

В 1866 д-р Тролл выпускает первую книгу в Америке, в которой дает советы для контроля деторождений.

В семидесятых годах известный в Англии атеист, Чарльз Брадло, основывает Мальтузианскую Лигу, секретарём которой является Анна Безант, обратившаяся позже на путь теософии в 1889 г. и хорошо известная русской публике уже на этом поприще.

В 1877 г. английское правительство начало свой нашумевший процесс против обоих инициаторов, обвинив их в распространении непристойной литературы. Согласно г-жи Стопс, ни Брадло, ни Безант якобы не были виноваты в этом, т. к. печатали строго научные труды по этому вопросу. Поводом к судебному преследованию якобы послужили многие их брошюры, изданные частными предпринимателями и снабжённые красноречивыми иллюстрациями.

В 1878 г. д-р Драйдэйл становится президентом Мальтузианской Лиги, которая и просуществовала до 1922 г.

В 1881 г. первая Неомальтузианская Лига основывается в Голландии.

В 1887 г. д-р Оллбат издает свою книгу „Руководство для жены“, в которой сообщает противозачаточные средства. В этом же году его имя было вычеркнуто из списков Британской медицинской ассоциации... г-жа Стопс утверждает, что это было

сделано только потому, что он продавал свою книгу чересчур дёшево и рекламировал свои собственные изобретения.

ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ В XX ВЕКЕ

XX век в первом своем десятилетии увлекался *quasi*-научным аспектом контроля деторождений. Не имея достаточно проверенных данных и идя всё той же проторенной дорожкой дедуктивного метода, английские и американские врачи оправдывали и предписывали контроль деторождений. Он рисовался им безупречным со всех точек зрения.

Хотя не все были так оптимистичны. Сидни Уэбб в 1907 г. пишет свою книгу „Падение рождаемости“, в которой доказывает, что причина бездетности кроется в добровольном контроле зачатия и что этим страдают главным образом лучшие классы общества.

Форель в 1908 г., д-р сэр Клиффорд Олибат и профессор биологии и генетики Бэйтсон в 1912 г., председатель Британской медицинской ассоциации сэр Барр и д-р Джэкоби, председатель Американской медицинской ассоциации, в этом же году высказываются в пользу искусственного контроля деторождений.

Мальтузианская Лига продолжает свою работу, распространяя листовки среди женатых, содержащие безусловно вредные для здоровья указания, по уверению самих сторонников искусственного контроля деторождений. В 1914 г. Маргарита Сэйнджер начинает свою работу в Америке в этой же области, но, встретив сопротивление властей, бежит нелегально в Англию. Сэйнджер является в наше время одной из крупных фигур неомальтузианского движения в Америке и председателем Американской Лиги контроля деторождений.

Маргарита Сэйнджер, урождённая Хиггинс, родилась в Нью-Йорке в 1883 г. в семье каменотёса. Она была шестым по счёту ребёнком из одиннадцати. Получила диплом сестры милосердия в Манхетанском госпитале ушных и глазных болезней. Работала в рабочих кварталах и, возмущённая количеством искусственных абортов, начала искать противозачаточные средства в 1913 г. Издаёт журнал «Женщина-Повстанка». В 1915 г. бежит в Англию, где изучает неомальтузианское движение. В голландских клиниках знакомится с применением противозачаточных средств. В 1916 г. открывает первую клинику в Нью-Йорке, которую полиция закрывает несколько дней спустя и арестовывает её возглавительницу. Её биограф восхищается её энергией и силой: «При аресте два тюремных служителя не смогли снять отпечатка с её пальцев». В 1918 г. американский суд признает право давать советы для предупреждения беременности в известных патологических случаях. В 1922 г. она посещает Японию и открывает клинику. В 1933 г. посещает инкогнито Италию, где останавливается в маленькой деревушке, становящейся местом паломничества, по словам её биографа. Муссолини издает бурный манифест против контроля деторождений, чем заинтересовывает публику. Год спустя рождаемость Италии упала до небывалого уровня. (Оставим эти сведения на совести её биографа.) Недавно г-жа Сэйнджер вернулась из Индии, основав по пути 50 клиник для контроля рождаемости. Её клиника регистрирует до пятисот новых пациенток каждый месяц. Г-жа Сэйнджер — автор нескольких книг о браке и искусственном контроле деторождений. О её идеологии мы скажем несколько слов ниже (*).

В 1919 г. г-жа Мэри Уэр Деннетт основывает Лигу Добровольного Материнства в Америке,

(*) Genevieve Parkhurst: Children Wanted.

имеющую своей целью распространение контроля деторождений и уничтожение закона Комстока, который запрещает распространения сведений по этому вопросу. Этот закон, изданный в 1873 г. в США, предусматривает штраф не свыше \$ 5.000 или тюремное заключение, не превышающее пяти лет. Закон находится в силе до наших дней (кажется, имеются некоторые исключения), и главный почтамт может, по уверению г-жи Стопс, даже вскрывать частные письма подозреваемых в безнравственном, с точки зрения закона, содержании.

К этому периоду губительные результаты неомальгузианства стали сказываться во многих цивилизованных странах, и в 1920 г. Франция запрещает распространение сведений о противозачаточных средствах, подкрепляя этот закон наказанием от одного до шести месяцев тюремного заключения, или штрафом от 100 до 5.000 франков.

Англия, никогда не знавшая запрещений в этой области, продолжает быть плацдармом неомальгузианства, и в 1921 г., при участии г-жи Стопс, основывается „Общество Созидательного Контроля Деторождений и Расового Прогресса“. её новое общество ставит себе целью:

„А) ознакомить каждого с сущностью реформ, проводящихся в области сознательного и созидательного контроля зачатия, и осветить половую жизнь как основу расового прогресса;

Б) изучить индивидуальный, национальный, международный, расовый, политический, экономический, научный, духовный и другие аспекты вопроса путем собраний, лекций и т. д.;

В) сообщать каждому, кто ещё нуждается в этом, все сведения о здоровых физиологических методах контроля. В 1922 г. английский врач Садерланд

пишет свой труд, осуждающий неомальтузианство, критикуя при этом и апостола неомальтузианцев г-жу Стопс. (В Англии, проникнутой новым учением, это удовольствие стоило Садерланду 100 английских фунтов, присуждённых в пользу г-жи Стопс).

В 1923 г. г-жа Сэйнджер открывает свою первую клинику искусственного контроля деторождений в Нью-Йорке.

В 1923 г. Международная конференция по борьбе с порнографической литературой при Лиге Наций пыталась включить распространение противозачаточных средств в параграф наказуемых поступков против общественной нравственности. Предложение это было принято представителями 34 стран, за исключением Англии, но всё-таки в жизнь проведено не было.

В 1927 г. одна из самых крупных английских газет „Морнинг Пост“ отказалась помещать объявления о противозачаточной клинике г-жи Стопс, несмотря на то что до этого её объявления печатались шесть лет подряд. Объяснение этому надо искать, по всей вероятности, в сильном движении против контроля деторождений, начавшемся в католической Ирландии, в которой эта газета имела много подписчиков.

В 1929 г. Ирландия объявляет искусственный контроль деторождений вне закона и за распространение сведений о противозачаточных средствах устанавливает штраф, не превышающий 50 \$, или тюремное заключение не свыше шести месяцев.

В Англии, наоборот, в 1930 г. Британское Общество Врачей признаёт право за каждым врачом при родовспомогательной клинике давать советы против зачатия. В этом же году VII Интернациональный Конгресс Контроля деторождений собирается в Цюрихе под председательством г-жи Сэйнджер.

В 1931 г. ирландские фармацевты выносят резолюцию, запрещающую членам ассоциации торговлю противозачаточными средствами. В 1932 г. Гильдия Св. Луки, Косьмы и Дамиана — общество католических врачей Англии — посылает протест специальной комиссии при секретариате Лиги Наций, требуя изъятия параграфа, предписывающего врачам давать советы с целью предупреждения зачатия искусственным путем.

Англия в настоящее время покрыта сетью клиник, имеющих своей задачей распространение противозачаточных средств. Главной вдохновительницей движения является все та же г-жа Стопс. Америка ничуть не отстаёт от Англии, и так же, как и во времена „сухого“ закона — когда она была чуть ли ни самой „мокрой“ страной в Мире, — она теперь славится широким применением противозачаточных средств, несмотря на существование закона Комстока. Американский иезуит Керни говорит, что в Америке сейчас функционирует свыше 300 фирм, фабрикующих противозачаточные средства (*). По признанию американского врача Лаца, число выпускаемых противозачаточных приспособлений, по всей вероятности, превышает 5 млн в день, а их употребление доходит до 27 млн в неделю (**).

В Голландии подобная клиника существует с 1881 г., основанная первой неомальтузианской лигой. Советы даются акушерками, изучившими контроль деторождений чисто практическим путем и живущим за счёт своих клиенток, которым они так-

(*) Kearney: Birth Control for China.

(**) Dr. Latz: The Rhythm of Sterility and Fertility in Women, p. 133.

же сбывают противозачаточные средства, зарабатывая на этом от 200 до 300%.

В России нашего времени искусственный контроль деторождений сильно распространен и официально признан. Советы для предупреждения беременности даются на бесплатных консультациях желающим, при учреждениях по охране материнства и младенчества, или, как их называют — органы охматмлада. Эти учреждения находятся в ведении комиссариата народного здоровья. На этих консультациях даются любые советы по соответствующим вопросам. По-видимому, эти институты теоретически близки к подобным же клиникам Англии. Популярно изданные книги также сообщают открыто противозачаточные средства, как и способы произведения аборт. Там это называется „раскрепощением женщины“ (*). По всей вероятности, в связи с провозглашением „святости брака“ в прошлом году произойдут некоторые изменения в сторону более здорового взгляда на этот вопрос.

Китай в данное время тоже имеет свои клиники для контроля деторождений — результат посещения Китая г-жей Сэйнджер в 1935 г. Сейчас в Шанхае функционирует Китайская Лига Контроля деторождений под председательством доктора Амоса Уонг, имеющая 3 клиники. Подобные клиники имеются в Нанкине и Пекине. В апреле 1935 г. местный журнал на английском языке „China Critic“ выпускает один номер, всецело посвященный контролю деторождений и апологии неомальтузианства.

(*) Малиновский, Шварцманъ: Гигиена женщины, стр. 210—239.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВА

Теперь, когда мы просмотрели в общих чертах историю развития движения, необходимо ознакомиться с основными его положениями, хотя бы в той наиболее распространённой форме, в которой мы встречаем их повсюду.

Американская „Лига Контроля Деторождений“ в своём манифесте, выпущенном в 1922 г., по поводу её признания штатом Нью-Йорк говорит: „Мы видим повсюду, что бедность и многодетность идут рука об руку. Те, кто наименее способны обеспечить будущность расы, плодятся больше других. Церковь и государство поощряют плодovitость семей, которые не имеют средств к существованию. Большое количество детей, рождённых в подобной обстановке, больны или слабоумны: многие становятся преступниками. Поддержка этого нежелательного элемента ложится на плечи здоровой части населения. Средства, которые могли бы послужить поднятию уровня нашей цивилизации, расплываются в поддержке жизни этих индивидуумов, которые вообще не должны были рождаться. К этому прибавляется скандальная трата здоровья и жизни женщин благодаря чересчур частым беременностям.

Эти нежелательные беременности ведут часто к преступным абортam, если только не к увеличению детского труда и к уменьшению благополучия рабочего класса. Чтобы создать расу здоровых детей, необходимо увеличить достоинство функций материнства, что невозможно до тех пор, пока зачатие остается бесконтрольным.

...Вот почему каждая женщина должна иметь право и свободу препятствовать зачатию, когда условия ему неблагоприятствуют, а, следовательно, и право получать научные и практические сведения о контроле деторождений“.

Этот манифест характерен и по подбору своих главных положений, и по силе слога, и по его кажущейся убедительности.

Знаком этого движения и его убеждённый противник, бельгийский врач Рауль де Гутенеере резюмирует общие положения сторонников контроля деторождений следующим образом (*):

1. Добровольный контроль деторождений необходим для того, чтобы сохранить здоровье, достоинство и жизнь женщины от угрозы повторяющихся и нежелательных беременностей; он (контроль) будет иметь своим следствием уменьшение болезней и значительной детской смертности, которые обязаны своим существованием многодетным семьям.

2. Так как наименее интересные слои населения множатся быстрее всего, тогда как высшие классы почти не увеличиваются, контроль деторождений необходим для восстановления равновесия, для обеспечения будущности расы и для облегчения общества от этого большого количества нежелательных элементов, содержание которых давит его.

3. Многодетным семьям сопутствует бедность. Искусственный контроль деторождений — единственный действительный способ для борьбы с нуждой рабочих классов; понижая их рождаемость, он увеличит их благосостояние и даст им ту часть счастья, на которую они имеют право.

4. Контроль деторождений стремится увеличить размеры благополучия индивидуума и коллектива; он укрепляет брачные узы, уменьшает количество разводов и аборт; поднимает состояние здоровья и достоинство женщины; наконец, он служит наиболее насущным интересам общества и нации; следовательно, правильно будет заключить, что контроль деторождений является нравственной теорией, достойной всяческой поддержки.

Вокруг этих основных утверждений группируются другие, разнящиеся немного от этих и являющиеся, главным образом, вариантами тех же первоначальных мыслей. Все они будут рассмотрены в соответствующих главах по мере того, как мы будем знакомиться с различными аспектами вопроса.

Здесь ещё необходимо добавить несколько слов о данном нами переводе английского термина "Birth Control". Мы переводим его как "контроль рождаемости" и "контроль деторождений". На русском языке имеется некоторый нюанс между обоими выражениями. Рождаемость есть отношение числа рождений к числу жителей — чисто демографический термин. Контроль деторождений имеет более широкий смысл. Оба термина будут применяться в соответствии с этим толкованием.

Далее противники неомальтузианства справедливо называют контроль деторождений искусственным контролем деторождений. С физиологической точки зрения этот последний термин правилен (что бы об этом ни говорила г-жа Стопс), и поэтому всякое противоестественное вмешательство в детородные функции организма с целью предупреждения зачатия нужно рассматривать, по крайней мере, как искусственный контроль деторождений.

Всякий раз, когда упоминается контроль деторождений, надо понимать под ним именно его искусственный аспект. В противном случае будут даны соответствующие определения.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Даже такой беглый обзор главнейших этапов развития неомальтузианства, так же как и предшествующих ему теорий, позволяет сделать несколько весьма ценных наблюдений. Контроль деторождений существовал очень давно. Это следует признать. Искать, однако, в факте его существования некое оправдание теперешнему движению, как это

чувствуется в работе г-жи Стопс, невозможно. Преступные аборты, детоубийство, проституция тоже существуют с незапамятных времён, это, однако, не оправдывает их нисколько в глазах культурного человека.

Чересчур крикливые заявления некоторых экономистов и социологов, поддерживающих неомальтузианство, теряют значительную часть своей убедительности после того, как мы видели, что подобные мысли приходили не раз на протяжении веков и не имели абсолютной ценности. Первые строки, написанные по этому вопросу, увидели свет свыше пяти веков до Рождества Христова. Обычно экономисты меняли свои взгляды в зависимости от того, к какой школе они принадлежали, а отнюдь не от беспристрастного изучения фактов. Дальше мы увидим, что абсолютного мнения по поводу перенаселения не существует. Английские экономисты все предсказывают скорую гибель Мира от перенаселённости; их французские собратья поддерживают противоположное мнение. В обоих случаях учёные обобщают и преувеличивают положение вещей данной страны и возводят его в закон. Об этом мы будем говорить дальше.

История говорит, что падение рождаемости являлось уже не раз симптомом заката народов и цивилизаций. Над этим стоит призадуматься.

Если контроль деторождений процветал раньше и имел своих приверженцев, то и представителей более строгих взглядов было немало, и с ним боролись как со злом с очень давних времен в цивилизованных странах. Контроль деторождений, в более грубой форме детоубийства, существовал безнаказанно и, не шокируя общественного мнения, только у самых примитивных и низкостоящих племён, так же как и его более цивилизованная и приукрашенная

форма признана общественным мнением в Англии и не встречает юридического преследования.

И здесь, и там цель оправдывала средства: экономические затруднения и эгоизм заставляли идти путём наименьшего сопротивления.

Мы видим также, что Мальтус, невольный родоначальник неомальтузианства, был неправ, и ссылки на него теперь не имеют ценности. Неомальтузианцы сами признают это.

История упрекает его современников в том, что они поддержали ученье, которое было направлено к сохранению несправедливого социального строя, и заставляет нас также подозрительно относиться к тем экономистам и социологам нашего времени, которые в контроле деторождений видят разрешение всех экономических затруднений. Тут могут быть и близорукость, и неискренность, смешанная с несправедливостью, и трусливая лень, боящаяся социальных реформ. Неомальтузианство не было научно разработанной теорией. С самых первых своих шагов оно предлагало вредные противозачаточные средства, о которых сами сторонники искусственного контроля деторождений отзываются как о варварских методах.

Успех неомальтузианства лежит в основной жажде человека к наслаждениям без ответственности, без последствий. Трудно заставить человека отречься от чего-то реального, доставляющего ему наслаждение, ради отвлечённого блага. Гораздо легче объявить, что всё запретное дозволено. Катиться вниз по наклонной плоскости и легче, и приятнее, особенно в компании. Таким же успехом пользовался некогда весёлый, будоражащий призыв: «Грабь награбленное».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

Мы знакомы уже с неомальгузианской трактовкой вопроса. Для них очевиден факт несоответствия между народонаселением некоторых стран и средствами существования. Голод является неизбежным следствием подобного экономического неравновесия, и скорейшим и радикальнейшим средством его устранения есть только контроль деторождений.

В настоящей главе мы ставим себе целью изучить экономический аспект затронутого нами вопроса, и для этого рассмотрим по очереди те группы проверенных данных, предоставленных нам статистикой, которые имеют непосредственное отношение к народонаселению и к средствам существования. Мы сознательно ограничим себя этими двумя важнейшими факторами экономического статуса любой страны, оставив для последующего исследования психологические и прочие моменты. На основании сопоставленных фактов мы попытаемся дать объективную оценку экономической теории неомальгузианства.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Статистические сводки дают нам много достаточно точных сведений о народонаселении как Земли, так и отдельных государств, также как и о рождаемости и смертности в этих странах. В данное время население земного шара определяется

в 1,9 млрд жителей. Доктор Сикар де Плозоль даёт следующие цифры роста народонаселения земного шара:

В	1650	году	465.000.000
"	1750	"	660.000.000
"	1800	"	840.000.000
"	1846	"	1.100.000.000
"	1920	"	1.800.000.000
"	1935	"	1.900.000.000

По Фуанье 1.800.000.000 жителей были распределены следующим образом в 1920 году.

Европа	450.000.000
Азия	950.000.000
Африка	130.000.000
Америка	200.000.000
Океания	70.000.000

В европейских странах народонаселение неуклонно возрастало, и, начиная с XVIII столетия, у нас имеются следующие цифры, определяющие его развитие:

Года	Россия	Франция	Англия	Германия	Италия
	(В миллионах жителей)				
1750	14	—	—	—	—
1789	36	26	12	28	—
1900	—	—	—	—	—
1815	45	—	—	—	—
1861	69	—	—	—	—
1880	—	—	—	—	28
1894	—	—	—	—	31
1897	129	—	—	—	—
1906	149	39	—	—	34
1910	—	—	—	—	—
1920	103	41	47	59	41
1935	170	41	46	65	41

Соединённые Штаты Америки и Япония также значительно возросли численно за последнее столетие:

	США	ЯПОНИЯ
	(в миллионах жителей)	
1789	4	—
1800	5	—
1815	9	—
1846	—	27
1861	31	—
1880	50	—
1894	62	—
1900	76	—
1910	96	—
1920	106	—
1835	130	—
1931	—	64
1936	—	68

В отношении России и США необходимо указать, что колоссальный прирост населения обуславливается не только биологическими, а и политико-экономическими факторами.

Приобретённые путем завоевания земли в XVIII и XIX веках повысили общее число жителей Российской Империи. Иммиграция, как мы уже видели, сильно увеличила народонаселение США. Эти факты необходимы для правильного понимания причин увеличения народонаселения в отдельных странах.

Доу (*) даёт следующие цифры процентного увеличения народонаселения в некоторых европейских странах за последнее столетие (1800—1900):

США	1,331,6%	Швеция	118,6%
Бельгия	...	204,3	Италия	88,4
Дания	163,4	Португалия	...	85,1
Соед. Корол.		155,9	Швейцария	...	84,1
Норвегия	...	154,6	Австрия	81,6
Германия	...	143,2	Испания	75,6
Голландия	...	143,1	Франция	42,5

Несмотря на абсолютное увеличение числа жителей Земли, цивилизованные страны констатируют неуклонное падение рождаемости за последние несколько десятков лет.

Следующая таблица даёт ясное представление об этом факте.

(*) Dow: Society and its problems, p. 80.

ТАБЛИЦА РОЖДАЕМОСТИ
(на 1000 жителей)

Года	Россия	Франция	США	Англия	Германия	Япония	Италия
1770	...	38
1810	...	32,5
1820	...	31,6
1830	...	30,9
1840	...	28,9
1850	...	27,4	36,1
1860	...	26,7	35,3
1870	...	26,4	...	35,2	37,2
1880	...	25,4	...	35,4	39,1	25,6	...
1885	33,3	...	26,9	...
1890	...	23,9	...	30,5	36,8	28,3	...
1895	...	22	...	29,3	...	29,5	...
1900	...	21,4	...	28,2	36,1	31,7	...
1905	44,8	20,6	...	26,3	...	30,6	...
1910	...	20,6	...	24,4	32,9	34,2	...
1915	40	...	25,1	23,9	27,6	...	31,7
1920	24,6
1923	...	19,1
1925	...	19	...	18,3	20,7
1926	...	18,8	...	17,8	19,5
1927	...	18,2	...	16,6	18,4	...	27,5
1928	40	18,3	20,7	16,7	18,6
1929	...	17,7	18,9	16,3	17,9	...	25,2
1930	...	18,1	...	16,3	17,5
1931	...	17,4	...	15,6	16
1932	17	32,9	...
1933	14,4	14,7
1934	...	16,1	18,0
1935	...	15,7	...	14,7	18,9	31,6	23,3
1936	17,6(?)	19,0	31,6	...
1937

Мы видим, что только Япония может похвастаться возрастающей рождаемостью до 1932 г., и Германия с 1934 г., т. е. со времени прихода Гитлера к власти.

В промежуток между 1913 и 1935 гг. число новорождённых по отношению к 10.000 жителям уменьшилось следующим образом.

Япония	на	5%
Португалия	"	12%
Ирландия	"	14%
Испания	"	16%
Италия				
Румыния				
Голландия				
Шотландия				
Бельгия			на 25—32%	
Швейцария				
Дания				
Германия				
Финляндия				
Венгрия	"	37%
Англия	"	39%
Швеция				
Норвегия				на 41%
Австралия				
Австрия	на	45%

Рождаемость в 1935 г. в европейских странах была следующей (*):

(*) La denatalite en France et a l'etranger. Dossiers de l'Action populaire, № 389.

Австрия 13,2 %	Чехословакия 17,9%
Швеция 13,8	Финляндия 18,5
Норвегия 14,6	Германия 18,9
Англия 14,7	Ирландия 19,5
Франция 15,3	Голландия 20,2
Бельгия 15,4	Венгрия 21,2
Швейцария 16,0	Италия 23,3
Нов. Зеландия 16,2	Испания 25,5
Австралия 16,5	Польша 26,1
Дания 17,7	Португалия 29,2
Шотландия 17,8	Румыния 30,7

Россия, стоявшая на первом месте среднеевропейских стран, переживает в данное время колоссальное падение числа деторождений. Современная русская статистика не признает этого официально, и цифрой в 17,6 деторождений мы обязаны французскому экономисту Рэнэ Саватье (*), который на основании неосторожного заявления „Правды“ сделал соответствующие выводы. И действительно, в своём номере от 19 мая 1936 г. советский официоз, комментируя новый закон о коммунистической семье, заявил: „Благодаря этих забот рождаемость в СССР в 3 млн. детей в год, значительно превосходит рождаемость капиталистических стран“. Так как по статистическим данным народонаселение Союза достигает 170.000.000 жителей, не трудно вычислить число деторождений на тысячу жителей, что и даёт цифру в 17,6%. Таким образом за 8 лет рождаемость упала с 40% до 17%. Для подобного падения числа деторождений Франции потребовалось 166 лет.

Факт, что такое повсеместное падение деторождений до сих пор не дало абсолютного уменьшения народонаселения, хотя бы той же Европы,

объясняется значительным падением смертности в этих странах. Прогресс медицины и гигиены, падение детской смертности и более тщательное наблюдение за условиями работы на фабриках способствовали общему падению смертности. Абсолютный прирост населения обуславливается не просто высокой рождаемостью, но превосходством общего числа рождений над смертностью данной страны.

Следующая таблица дает нам представление о соотношении рождаемости и смертности в некоторых из европейских странах в 1927 году (*):

	Рождаемость, %	Смертность, %	Избыток
Россия	47	25,9	+ 21,1
Италия	27,5	16,6	" 10,9
Испания	29	19	" 10
Германия	19,5	11,7	" 7,8
Англия	17,8	11,7	" 6,1
Франция	18,8	17,5	" 1,3

Параллельная таблица рождаемости и смертности в 1935 г. в некоторых странах дает нам следующую картину (**):

28 Dow: Society and its problems, p. 81.

29 La denatalite en France et a l'etranger. Dossiers de l'Action populaire, № 389, pp. 1583—1588.

	Рождаемость%	Смертность	Разница
Австралия	16,5	9,5	+ 7,0
Австрия	13,2	13,6	— 0,4
Англия	14,7	11,7	+ 3,0
Бельгия	15,4	12,8	" 2,6
Венгрия	21,2	15,3	" 5,9
Германия	18,9	11,8	" 7,1
Голландия	20,2	8,7	" 11,5
Дания	17,7	11,0	" 6,7
Ирландия	19,5	14,1	" 5,4
Испания	25,5	15,5	" 10,0
Италия	23,3	13,9	" 9,4
Нов. Зеландия	16,2	8,2	" 8,0
Норвегия	4,6	10,2	" 4,4
Польша	26,1	14,0	" 12,1
Португалия	29,2	17,6	" 11,6
Румыния	30,7	21,2	" 9,5
Финляндия	18,5	12,0	" 6,5
Франция	15,3	15,7	" 0,4
Чехословакия	17,9	13,5	" 4,4
Швейцария	16,0	21,1	" 3,9
Швеция	13,8	0,7	" 2,1
Шотландия	17,8	13,2	" 4,6
Япония	31,6	16,8	" 14,8

Ни французские, ни австрийские демографы не довольны этими цифрами, т. к. в 1935 году смертность в этих двух странах превысила рождаемость.

Поразительный в сравнении с европейскими странами прирост населения даёт Япония: 14,8 новорожденных на 1000 жителей.

Все эти перемены существенно отразились на составе народонаселения. Нации начинают стариться, т. к. благодаря уменьшающемуся числу новорождённых и всё время увеличивающейся средней продолжительности жизни (во Франции средняя продолжительность жизни равна 50,018 годам) образуется переизбыток пожилых людей и недостаток молодой крови. Для Франции подобное положение характерно, чем и объясняется отчасти высокий процент смертности в этой стране, т. к. очевидно, что большая смертность сопутствует более пожилому возрасту. Для страны с развивающейся индустрией чрезвычайно важен большой процент людей производительного возраста, т. е. от 20 до 60 лет. Пока что контингент рабочей силы не изменился, но лет через десять недостаток в молодых руках может стать весьма заметным.

Возьмем для примера ту же Францию с её 41 млн жителей. По статистическим таблицам американских страховых обществ (American Experience Tables of Mortality) на миллион жителей разных возрастов приходится около 192.000 душ в возрасте 50, 55 и 60 лет: таким образом около 8.000.000 человек в течение десяти лет будут окончательно или частично потеряны для французской индустрии. С теперешней рождаемостью, выражающейся в 630.059 детей в год, Франция даст всего 6 млн заместителей в 10 лет и будет принуждена растить их до производительного возраста. В этой грубой выкладке не был принят в расчёт процент смертности, который в возрасте от 1 — 20 лет равен приблизительно 0,76%.

Трудно, конечно, говорить заранее, каким образом переизбыток людей пожилого возраста повлияет на нацию, но предположив, что массовая психология является общей слагаемой, можно ожидать, что вся духовная жизнь нации приобретет некоторый отпечаток старческого мирозерцания.

Плотность населения данной страны также является экономическим и даже политическим фактором, имеющим соответствующее значение.

В 1920 году плотность населения на всем земном шаре, по Фуанье, составляла 13 душ на квадратный километр. Причём разные части света, как и страны, являются более или менее заселёнными.

Европа	...	45	душ	на	кв. км
Азия	...	23	"	"	"
Африка	...	4	"	"	"
Америка	...	5	"	"	"
Океания	...	6	"	"	"

В Европе наиболее населёнными странами являются Бельгия и Голландия. В 1930 — 1931 гг. приводятся следующие цифры плотности населения:

США	...	16	душ	на	кв. км
Испания	...	45	"	"	"
Югославия	...	56	"	"	"
Франция	...	76	"	"	"
Австрия	...	80	"	"	"
Польша	...	83	"	"	"
Швейцария	...	98	"	"	"

Чехословакия	...	105	"	"	"
Италия	...	133	"	"	"
Германия	...	138	"	"	"
Великобритания	...	162	"	"	"
Голландия	...	232	"	"	"
Бельгия	...	266	"	"	"

В прочих частях света плотность населения следующая:

Китай	...	160	душ	на	кв. км
Япония	...	187	"	"	"
Мексика	...	7	"	"	"
Бразилия	...	3,6	"	"	"
Аргентина	...	3	"	"	"
Канада		0,8	"	"	"
Океания и Нов. Зеландия	...	4,7	"	"	"
Австралия	...	0,7	"	"	"

Что касается России, то сейчас трудно дать какие-либо более или менее проверенные цифры. Заключение Ренэ Саватье о демографическом положении России теперь заставляет предполагать наличие очень значительного падения рождаемости и уменьшение народонаселения вообще.

Согласно исследованию датского демографа Доринга, Россия потеряла около 2.500.000 людей в период 1914—1919 гг. Сколько погибло в междоусобной борьбе, мы не знаем.

Необходимо также вычесть из общего числа жителей подданных новых государств: Польши, Финляндии и т. д. Все эти области были довольно плотно

заселены. В 1906 году Польша имела 98,1 души на квадратную версту и была одной из самых густонаселенных областей России. В 1906 году плотность населения всей России равнялась 7,8 души на квадратную версту, т. е. мы занимали первое по малонаселенности место среди европейских стран. Если принять цифру в 170.000.000 жителей, как правильную, плотность населения России должна быть около 9,1 души на квадратную версту.

ДАННЫЕ О СРЕДСТВАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Теоретически, наиболее простым способом определить достаточность или недостаточность средств существования было бы подвести итог всем продуктам питания земного шара и разделить их сумму на количество жителей земли. Дальше сосчитать в определённых единицах богатства Земли, которые признаются необходимыми для поддержания некоторого среднего уровня жизни, и поступить с этой суммой подобным же образом.

После этого, имея на руках физиологически проверенные данные о средней сумме питательных веществ, необходимых для среднего человека в течение года (36,5 кг белков, 29,2 кг жиров, 146 кг углеводов, 10,95 кг солей), и разделив соответствующим образом эти цифры, мы увидели бы, действительно перенаселена Земля или нет.

Подвести точный итог всем средствам существования, которые Земля производит в течение года, невозможно, и на практике подобная математическая точность не нужна.

Данные, собранные в настоящей главе, достаточно полны для нашего исследования и позволяют нам сделать соответствующие выводы с относительной и достаточной точностью.

В основе всех продуктов питания всего человечества лежит хлеб, и вопрос об урожае пшеницы является достаточно интересным для того, чтобы мы на нём остановили наше внимание.

Этот вопрос был изучен несколько лет тому назад венгерским дипломатом Павлом де Хевеши (*), который статистически доказал наличие перепроизводства пшеницы на земном шаре и подчеркнул вытекающие отсюда экономические затруднения.

За последние 30 лет количество взрошенной пшеницы во всем Мире неуклонно возрастало, в то время как цифры указывают на то, что потребление пшеницы остается на одном и том же уровне, несмотря на то, что наука открывает всё новые и новые питательные вещества, которые могли бы частично заменить этот злак.

УРОЖАИ ПШЕНИЦЫ ВО ВСЕМ МИРЕ						
В млн квинталов						
1903 — 1913 (в среднем)	1,034
1923	1,080
1924	0,971
1925	1,122
1926	1,173
1927	1,200
1928	1,289
1929	1,131
1930	1,289
1931	1,200
1932	1,217
1933	1,237

(*) Paul de Hevesy: Le probleme mondial du ble.

Между 1927 и 1931 гг. мировое потребление пшеницы выражалось в среднем в 1.210.000.000 квинталов, со средней цифрой урожая в 1.230.000.000 квинталов. С каждым годом непроданные запасы зерна увеличивались на хлебных биржах, вызывая этим самым падение цен.

Последнее обстоятельство должно было бы вызывать сокращение посевов и тем самым поднятие цен на зерно до нормального уровня.

УВЕЛИЧИВАЮЩИЕСЯ МИРОВЫЕ ЗАПАСЫ ПШЕНИЦЫ в МИЛЛИОНАХ квинталов							
1926-27	67
1927-28	85
1928-29	134
1929-30	129
1930-31	151
1931-32	154
1932-33	180

На практике наблюдается повсеместно противоположное явление. Потерпев убыток в связи с падением цен на зерно, фермер старается увеличить свои посевы, чтобы в следующем году, продав большее количество зерна по новым, низким ценам, удержать свой заработок на прежнем уровне. Получается заколдованный круг: падение цен вызывает усиленные засева и новое падение цен. В течение последних 10 лет мировой урожай пшеницы превосходит на 2%, в среднем, её потребление, что к концу 1934 года составляло около 159 млн. квинталов непроданной пшеницы. Кроме этого перепроизводства пшеницы де Хевеши указывает на другое, более печальное явление: несправедливое распределение заработков

между производителем пшеницы и биржевым маклером, который взял в свои руки продажу хлеба обывателю.

В 1931 году сумма, полученная фермерами всего Мира за пшеницу, выразалась в 16 млрд. золотых франков. В этом же самом году потребители истратили на покупку хлеба 66 млрд. франков. Колоссальная разница в 50 млрд. ушла в карманы посредников. В 1933 году цена на хлеб осталась прежней, цена же на зерно упала ещё больше, что уменьшило значительно заработок производителя и увеличило разницу в пользу посредника.

В ноябре 1933 года цена на килограмм хлеба варьировала, в зависимости от страны, между 20 и 123 золотыми сантимами. В то же самое время килограмм пшеницы на ливерпульской бирже котировался в 7 золотых сантимов!

Еще один интересный факт, на который де Хевеши обращает внимание: урожай пшеницы каждой страны сильно разнятся друг от друга из года в год, в то время как общее количество пшеницы, взращенной во всем Мире, остается более или менее постоянным и превышает общее потребление.

СРЕДНИЙ УРОЖАЙ ПШЕНИЦЫ ВО ВСЕМ МИРЕ						
в квинталах на гектар,						
	включая СССР,			исключая СССР.		
1909-1913	...	9,4	10,3
1923	...	9,7	10,5
1924	...	8,6	9,5
1925	...	9,5	10,2

(продолжение)							
1926	9,5	9,9
1927	9,3	10,3
1928	10,1	10,8
1929	8,9	9,7
1930	9,6	10,0
1931	8,8	10,2
1932	9,9	10,0
1933	9,3	10,0

(Исключая Китай, Персию и Турцию.)

Исходя из этих соображений, де Хевеши предлагает координировать мировые посевы пшеницы путём создания международного института, что, по его мнению, разрешило бы создавшееся тяжёлое экономическое положение, ибо перепроизводство пшеницы и уменьшение народонаселения грозят всё новыми и новыми затруднениями в мировом масштабе.

Если урожаи пшеницы возрастали в течение последнего десятилетия, а, вероятно, и ещё того раньше, то и другие хлебные злаки увеличились в значительной мере.

Гутенеере (*) говорит, что если между 1895 и 1912 гг. население Земли увеличилось на 12 1/2%, то в этот же период урожаи пшеницы возросли на 45%, урожаи маиса — на 43%, овса — на 52% и риса — на 40%.

Фуанье ** указывает на то, что громадные пространства ещё не были ни разу вспаханы в России, в Сибири, в Центральной Азии, в Африке, в Америке

(*) Guchteneere: La limitation des naissances, p. 39.

(**) Foignet: Manuel elementaire d'economie politique, pp. 225–228.

и в Океании. Гектар земли давал от 10 — 12 гектолитров пшеницы в 1820 — 1845 гг. во Франции. Теперь тот же гектар, удобряемый и тщательно культивируемый, дает от 20 — 25 гектолитров. Причем 350.000 гектаров плодородной земли во Франции остаются невспаханными из-за отсутствия рабочих рук, т. е. потенциальные 7 миллионов гектолитров зерна пропадают.

В своей книге «Nations can live at home» Вилкокк утверждает, что современная агробиология может прокормить 51 человека в течение года на одном акре земли, или же 35.630 душ на квадратной миле: 45 млн. англичан могли бы жить, питаясь продуктами, выращенными в пределах их острова, а в случае блокады, отрезавшей их от всего Мира, агробиологи могли бы прокормить 612.000.000 людей!

Профессор Томази, работающий в Институте Аграрной Химии в Риме, добился урожая в 171 бушель пшеницы с акра земли, т. е. 113,4 квинтала с гектара. Как мы знаем из таблиц де Хевеши, гектар земли дает в среднем 10 квинталов зерна. В 1934 году итальянские фермеры Пармы сняли урожай в 123 бушеля с акра земли. В Кремоне: 106 бушелей с акра. В Японии был поставлен рекорд: 209 бушелей риса с акра земли. В современной Японии 8.000.000 акров рисовых полей и 234.000.000 акров земли могли, по мнению американцев, при интенсивной обработке повысить в два раза уровень жизни среднего японца.

Парриш и Кларк (*) писали: „Американские фермеры представляют собой одну треть всего народонаселения Соединённых Штатов. Применяя современные методы на фермах, весь урожай

33 W. W. Parrish & H. F. Clark: Chemistry wrecks the farm in Reader's Digest, Sept. 19.5.

1930 года мог бы быть засеян и снят 5% всего народонаселения. Замена лошади газолиновым мотором на полевых работах уменьшила потребление овса в той же степени, в которой это выразилось бы если бы 40.000.000 жителей отказались от пищи... Средний урожай с акра земли в Америке равняется 25 1/2 бушеля. Агробиологи уже добились 225 бушелей с акра. Хлопок, взращиваемый до сих пор в количестве 0,32 тюка с акра, достигает теперь 3,5 тюка, и, по утверждению агробиологов, достигнет 4,6. Урожай пшеницы достигает лишь 8,4% того урожая, который можно было бы получить, применяя научные методы обработки полей.

На основании данных о максимальных урожаях, было бы возможно возростить восемь главных злаков Америки в одном только штате Колорадо — 1 штат из 49! В Англии были взращены овощи без земли, посаженные в металлические коробки, наполненные необходимыми питательными составами.

Конечно, пока аграрная химия не докажет биологически равноценность её интенсивно выращенных продуктов, к одним цифровым данным должно относиться критически, т. к. они указывают лишь на количественное превосходство результатов. Возможно, что подобные продукты бедны некоторыми витаминами; доказать это можно лишь биологическим путем. Излишний энтузиазм в вопросах диететики не один раз уже ставил физиологов питания в затруднительное положение.

Другие богатства Земли сильно возросли за последнее столетие, хотя чересчур интенсивное расходование их грозит истощением некоторых запасов Земли (*). Производство каучука растёт неуклон-

(*) R. P. Richard: Cours de geographie economique Universite l'Aurore.

но: 15.000 тонн в 1880 году; 505.000 тонн в 1925 г.; 876.000 тонн в 1929 г. В 1910 г. табачные плантации всего Мира вырастили 1 млн. тонн табака, в 1925 г. урожай выражался в два с половиной миллиона тонн. Кожевенное производство дало 350.000 тонн кожи в 1914 г. Теперь оно возросло до 400.000 тонн. Потребление железа возросло в 100 раз — с 800.000 тонн до 80.000.000. В 1870 году добывалось 30 миллионов тонн железной руды. Сегодня добыча достигает 145 млн. тонн. В 1923 году мировой запас железной руды определялся в 33 млрд. тонн. Теперь его определяют в 60 и даже в 123 млрд. тонн. При теперешнем потреблении руды эти запасы должны истощиться в 173 года.

Медь, замененная другими металлами, падает в цене: в 1800 г. тонна меди стоила 160\$
в 1850 83\$
1900 52\$.

Добыча олова росла с 1900 до 1930 гг., пока рынок не был пресыщен.

Добыча:	1900	—	80.300	тонн
	1925	—	150.100	"
	1930	—	179.100	"
	1933	—	107.000	"

Добыча свинца держится на одном приблизительно уровне последние 20 лет, но европейские залежи почти уже истощены, и самые большие залежи Америки тоже начинают истощаться.

Добыча цинка возросла почти в два раза в 1902 г. Добыча серебра растет все время, начиная с 1860 года, и цена его падает. В конце XV века отношение серебра к золоту было 1:2.

В конце XVIII века золото стоило в 15 раз дороже. Ренэ Масс (*) в своём труде исчисляет мировые запасы угля в 4.000 млрд. тонн, из которых половина принадлежит Америке. Довоенная добыча угля равнялась 1—1 1/2 млрд. тонн ежегодно. При таком расходе эти запасы должны были истощиться через 40 веков. Англия истощила бы свои запасы в 6, а Франция в 4—5 веков. Однако Англия увеличила свое потребление черного золота в 2 раза за последние 25 лет. Если бы такое расходование угля стало повсеместным явлением, весь уголь Земли был бы сожжен через 200 лет.

Добыча нефти также растёт:

В 1900 году	—	20	млн. тонн
" 1913 "	"	53	" "
" 1916 "	"	63	" "

Масс считает, что должно принять во внимание энергию рек, приливов, ветра и солнца, которыми нельзя будет пренебрегать, если нефть и уголь будут истощены.

Энергия водопадов некоторых стран (в млн. лошадиных сил):

Франция	8	Швейцария	...	3
Норвегия	7,5	Германия	...	1,45
Швеция	6,75	Россия	...	12—20
Италия	5,5	Канада	...	20—25
Испания	5	США	...	15—60

Морские приливы и отливы хранят в себе колоссальную энергию, которая может послужить человечеству.

(*) Rene Masse: La production des richesses, pp. 57—113.

Ветер представляет собой большую силу. Масс вычислил, что колесо с четырьмя лопастями по 8,5 метра каждая дает свыше 8 лошадиных сил энергии при ветре, дующем со скоростью в 20 км в час. Причем на равнинах три четверти года дует ветер с силой 16 км в час, на побережье половину года дует ветер со скоростью 25 км в час, а в открытом море он дует беспрерывно. Если бы были восстановлены те 9.000 ветряных мельниц, которые работали во Франции в 1850 году, то они, снабженные современными механизмами, дали бы Франции 130.000 лошадиных сил бесплатной энергии и сэкономили бы тем самым 585.000 тонн угля. Подобная энергия могла бы дать электрическое освещение 6 млн. рабочим и повысить их трудоспособность.

Солнечная энергия равняется 2,6 лошадиной силы с квадратного метра обогреваемой площади. В тех местностях, где цена угля чрезмерно высока, солнце может служить более дешёвым источником тепловой энергии. В 1914 г. было высчитано, что при цене в 13 франков за тонну угля употребление солнечной энергии будет более выгодным, чем употребление угля. В этот год цена угля в Каире была 75 франков за тонну.

Современная техника готова обслуживать почти любое количество населения: на заводе *A.O. Smith Corporation* в *Milwaukee* (*) 208 рабочих в течение 24 часов выпускают 10.000 рам для автомобилей. Стоимость работы настолько низка, что нет необходимости держать агентов по продажам изготовленного продукта. По подсчетам инженеров, создание второй такой же фабрики переполнило бы рынок, и все другие заводы, работающее более примитивными способами, остались бы без работы.

(*) Victor Smolnikoff: Technocratic Paradise.

Машина Оуэнса для выдувания бутылок производит 3.600 бутылок в час. Несколько таких машин забросали бы весь мир своими бутылками. Теперь один рабочий, делающий электрические лампочки, в один час изготавливает столько же, сколько 9.000 рабочих изготавливали в это же время в 1914 году. Современная химия также достигла больших успехов, и новые богатства, создаваемые ею, возрастают с большей быстротой, чем народонаселение, т. е. чем число потребителей её продуктов.

В Америке, где потребление резины возросло со 100.000 тонн в год до 500.000 между 1913 и 1925 гг., и число выпускаемых ежегодно автомобилей увеличилось с нескольких сот тысяч до $3\frac{1}{2}$ миллиона, розничная цена автомобильной шины благодаря улучшенному индустриальной химией производству упала с \$ 21,90 до \$ 9,90, причём качество шины улучшилось в два раза. Каучуковые плантации семидесятых годов прошлого столетия, находящиеся в бразильских джунглях, удовлетворяли потребности всего мира. Начиная с 1876 г., и в 1881 г. семена резиновых деревьев были привезены на Цейлон, на Яву, на Малайский архипелаг. Теперь каучуковые плантации Среднего Востока занимают 7000 кв. миль и насчитывают около $\frac{3}{4}$ миллиона деревьев. (Народонаселение земли за это время увеличилось на 800 миллионов душ). Кроме всего, химики обещают разрешить проблему дешёвого производства синтетической резины, которая могла бы заменить естественный каучук в случае, если бы все плантации мира погибли. Синтетическая резина была изготовлена ещё до войны, но сравнительно дорогой способ её изготовления не дал возможности приготавливать её в широком масштабе.

В 1820 году в той же Америке металлургия изготавливала 5 паундов чугуна на человека, в 1920 на долю

каждого американца приходилось 597 паундов металла.

До тех пор, пока химики не начали искать способ приготовления нержавеющей стали, около 29 миллионов тонн металла пропадало от ржавчины ежегодно. Теперь добавление 12—14% хрома и 0,25—0,4% угля предохраняет сталь от разложения и сохраняет её для человечества; в известной мере, конечно. За последние сто лет белое население земного шара увеличилось приблизительно в три раза; за этот период добыча олова возросла в 26 раз, меди — в 63 раза и чугуна — больше чем в сто раз.

Правда, по подсчётам Вилларда, запасы олова, никеля, свинца, меди и цинка будут истрачены в течение следующих 20 лет. Но их место займёт алюминий, составлявший 8% земной коры, и может заменять все другие металлы вместе взятые в течение нескольких столетий. Не надо также забывать, что металл, покидающий фабрику, не совсем потерян для индустрии. Старые металлические вещи идут на слом, очищаются и снова попадают на фабрику. Половина всей меди в Америке, одна треть свинца, одна восьмая цинка, две трети олова попадают на американские заводы не из шахт, а из тележек старёвщиков.

Синтетическая химия изобрела искусственную кожу, которая грозит вытеснить свою предшественницу. Искусственная шерсть уже изобретена в Италии. Искусственный шёлк, открытый в конце прошлого столетия, может заменить вполне работу шелковичного червя. Синтетический сахар был добыт в Англии из воды и углекислого газа.

На этих нескольких страницах собраны некоторые наиболее важные данные о средствах существования и богатствах Земли. Основываясь на них, можно утверждать, что ни в данный момент, ни в

ближайшем будущем человечеству не грозит голодная смерть от перенаселения и недостатка пищевых продуктов. Земля достаточно, по-видимому, богата, чтобы прокормить и одеть своих детей. Здесь, однако, мы вступаем в область теории о народонаселении и, прежде чем сделать наше собственное заключение, мы дадим краткий обзор важнейших демографических теорий.

ТЕОРИИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

В первой главе нам пришлось уже рассматривать главные тенденции экономистов в вопросе народонаселения. Там нами был дан исторический конспект важнейших взглядов домальтузианской эры. Здесь мы попытаемся рассмотреть и классифицировать направления современной экономики в вопросе народонаселения. Для удобства можно разделить всех экономистов на три крупных группы. Первые из них считают Землю перенаселённой или очень близкой к тому и требуют широкого применения противозачаточных средств. К этой группе принадлежит большинство английских экономистов. Вторая группа объединяет людей с противоположными, но тоже крайними взглядами и считает, что всё прекрасно в этом лучшем из всех миров. Представители третьей группировки пытаются выработать эклектическую теорию и разрешить вопрос рациональным путем постольку, поскольку это будет возможным.

Неомальтузианцы принадлежат к первой группе и утверждают, что все экономические кризисы нашего времени, все беды социального и политического порядка порождаются переизбытком населения, которое нужно во что бы то ни стало сократить. Среди немецких экономистов Штилле, Отто, Густав Кон, Иоган Конрад, Евгений Филлипович, Генрих Дитцель, Шмоллер и Адольф Вагнер соглашались в

общих чертах с Мальтусом (*). Все это были экономисты довоенной эпохи. Немцы гитлеровской Германии придерживаются противоположного взгляда.

Большинство английских экономистов — неомальтузианцы. Но мы уже видели, что в Англии условия самого быта толкают их на путь наименьшего сопротивления — применения противозачаточных средств. Что не делает им чести как представителям науки, коей должна быть политическая экономия.

Один из талантливейших писателей современной Англии, Берtrand Руссель (**), признаёт, что народонаселение остается в известных границах и что чрезмерное увеличение его в конце XIX века было исключительным явлением. Он, однако, считает, что рождаемость должна быть контролируема применением противозачаточных средств и может быть удерживаема на одном оптимальном уровне. В последнем можно сомневаться, ибо далеко не одни экономические условия являются причиной падения рождаемости. Наш экономист Туган-Барановский (***) усматривал несколько причин, причем главной из них была капиталистическая структура общества. И, действительно, было замечено ещё в 1914 году, что увеличение дохода семьи и числа сберегательных книжек, более радикальные политические взгляды и светское преподавание в школах имели какую-то связь с падением рождаемости. Религиозный фактор имел обратное отношение к этому же явлению, и отрицать его значение не приходится. Юлий Вольф, изучая демографические данные стран за период 1905 — 1910 гг., классифициро-

(*) Л. Эльстеръ: Экономисты современной эпохи и Робертъ Мальтусъ, стр. 79—87.

(*) Bertrand Russel: Marriage and Morals, pp. 188—199.

(*) Туганъ-Барановскій: Теорія народонаселенія в свѣтѣ новыхъ фактовъ.

вал страны по их религиозному признаку и показал, что наиболее сильная религиозность шла параллельно с высокой рождаемостью.

Православные страны		Католические		Протестантские	
Россия	44,8	Австрия	34,5	Англия	25,1
Румыния	40,8	Венгрия	34,6	Шотландия	26,2
Болгария	40,7	Италия	34,3	Норвегия	26,7
Сербия	39,7	Испания	33,9	Швеция	25,4
		Португалия	31,4	Дания	28,2

Францию с её рождаемостью в 20,6 на тысячу жителей в те годы Вольф определяет как страну вне религии и этим самым пытается объяснить её низкую рождаемость.

Обвиняя капитализм в падении рождаемости, Туган-Барановский говорил, что в социалистическом государстве не было бы факторов (борьбы за существование, стремления к наживе, конкуренции), вызывающих это явление, и рождаемость была бы, по всей вероятности, выше. Он не отрицает, однако, и того, что могли бы появиться другие факторы, действующие в направлении падения рождаемости. Опыт социалистического государства в России доказал всю ошибочность его мнения. Каутский (*), критикуя капитализм, также заблуждался относительно женщины в социалистическом обществе. Долг иметь „третьего ребёнка“, говорил он, который так трудно привить современному буржуазному обществу, легко вошёл бы в сознание женщины социалистического общества. Жизнь показала иное. В „Правде“ от 11 августа 1935 г. приводится печальная история 150 работниц Дедовского завода, которые, находясь

(*) Тугань-Барановский: Взгляды Каутского на вопросы народонаселения.

в интересном положении, не пожелали стать матерями, за исключением 30 из них. 120 работниц, несмотря на уговоры врачей и товаров, предпочли избавиться от плода. Каутский признаёт, однако, что при условиях жизни социалистического общества проблема народонаселения может принять характер проблемы о вымирании человечества.

Почти все эти экономисты считают, что вопрос народонаселения является только экономическим и социальным вопросом. Предмет, который они изучают, это классический *homo oeconomicus*, мыслящий согласно лучшим традициям неомальтузианской философии. Если на небольшом участке земли, как, например, Англия, известный класс населения находится в очень тяжёлых условиях, то единственным способом устранить это досадное явление должен быть искусственный контроль деторождений. Число новых детских жизней должно быть сокращено. Принимая во внимание, однако, тот факт, что в Англии процентное отношение стариков к общему числу населения неизменно растёт (так, например, в 1901 г. 10,6 % населения было старше 55 лет, в 1921 г. их было 13,7%, в 1925 г. 15,8% и по статистическим данным, в 1941 г. в Англии должно быть 19% стариков на 9,5% детей младше 5 лет), было бы более целесообразным и с точки зрения расы более ценным уничтожить этот избыток старческих организмов, для нации никакой ценности не имеющих. Способ филантропа Росси — современника Мальтуса — состоящий из безболезненных удушений и предложенный им для детей, мог бы быть использован английским обществом для стариков.

Если в подобных сложных вопросах становиться на точку зрения какой-нибудь одной науки, то подобные выводы неизбежны и вполне логичны.

И нам думается, что если бы лидерами неомальтузианства в Англии были не пожилые дамы и джентльмены, а жизнерадостные английские дети, то предложенная нами постановка вопроса освещалась бы, наверно, не раз в английской прессе. А факт убийства стариков у примитивных народов, и опять те же условия жизни, были бы достаточными мотивами для объявления подобного метода нравственным и государственным.

Некоторые из мальтузианцев, отрицавшие правильность вычисления Мальтуса, говорят, что каково бы ни было соотношение народонаселения и средств существования, культурный человек нашей эпохи не может жить так, как живет дикарь. Ему необходим достаточно высокий уровень жизни, достаточный комфорт для того, чтобы спокойно развиваться. Против комфорта возразить, конечно, трудно. Вещь хорошая. Однако нам кажется, что сторонники этого взгляда вводят новый, ещё более неопределённый, ещё более ускользающий критерий оптимального народонаселения данной страны. Что надо понимать под уровнем жизни, необходимым для культурного человека? Если этот уровень символизируется электрической бритвой и консервами, радио и автомобилем, то беспокоиться особенно не приходится, т. к. все эти безделушки нашей цивилизации мы сможем готовить в достаточно большом количестве. И никакие консервы все равно не заменят основных продуктов питания, которые, хотя и не пользуются популярностью у культурного человека, тем не менее являются первым условием его существования. С другой стороны, мы видим, что духовная культура человечества развивалась и до нашей технически цивилизованной эры, и ещё отнюдь не доказано, что все культурные ценности последнего столетия являются прямым следствием наших материальных достижений.

Другая группа, выражающая большей частью популярное мнение, считает, что лучше всего в этом шекотливом вопросе положиться на провидение и не задумываться над разрешением задачи, которая, по-видимому, никакого решения не имеет. Несомненно, что именно этот взгляд несет с собой наибольшее количество спокойных часов и счастливого неведения и располагает к светлому оптимизму, несмотря на то, что действительность противоречит ему на каждом шагу. По всей вероятности, истина лежит посередине. *Aurea mediocritas*¹ стоит того, чтобы её отыскать. Экономисты сейчас переживают эпоху, которая не позволяет закрывать глаза на существующие затруднения, и раз вопрос о соотношении средств существования и народонаселения был поставлен, то, имея на руках некоторые проверенные данные, они обязаны попытаться его разрешить, и разрешить его так, чтобы удовлетворить себя теоретически, как представителей науки, которая имеет своей целью изучение богатств вообще; и практически стремиться обеспечить их рациональное распределение между людьми. Ибо политическая экономия и родственные ей дисциплины не являются наукой об изжитии экономического кризиса в Суссексе или Кенте, но наукой, стремящейся дать общие положения Мирового масштаба. Юлий Вольф говорит, что мы переживаем третью эпоху развития количества населения, когда идет приспособление количества детей к экономическим условиям жизни. Не разделяя его взглядов в частности, несомненно, однако, то, что этот факт обязаны признать и усвоить не только экономисты, которые поняли это не один десяток лет тому назад, но и все мы, профаны в этой области, — для того, чтобы разумно действовать сообща.

¹ золотая середина (лат.) — прим. ред.

Юлий Вольф (*) различает три эпохи: раз-
вития количества населения, теории народо-
населения и политики населения:— „Первая
эпоха характеризуется тем, что в это время не-
производительную часть населения (больных,
детей, стариков) убивают и вообще уничто-
жают, сообразуясь с ограниченностью средств
пропитания (политика народонаселения и „со-
циальная“ политика первобытного состояния)“.

Вторая эпоха представляет собой ступень
религиозной культуры. Её характеризует то,
что она уже не допускает истребления непроиз-
водительного населения, не допускает искус-
ственного ограничения количества людей, по-
скольку религиозные установления запрещают
то и другое или даже советуют противополож-
ное: размножайтесь. Как религиозная культура
она пренебрегает экономическим моментом
(а он первоначально появляется на свет в те-
чение первого периода и завоевывает себе
существование в виде элементарной силы при
значительных пробелах в области права и мо-
рали). Это время действия закона народонасе-
ления Мальтуса.

Третью эпоху характеризует прогрессирую-
щая эмансипация от религиозных законов и
общественных традиций прежних времен и
приспособление количества детей к имуще-
ственным и другим отношениям хозяйства.

Демографические данные, собранные нами в
начале этой главы, говорят за то, что рождаемость
начинает падать почти во всех странах, в то время
как производство продуктов первой необходимости
неуклонно растёт, и многие из экономистов пред-
полагают, что экономические кризисы нашей эпохи
имеют своей причиной избыток средств существова-
ния и недостаток потребителей. Десятки тысяч бочек
кофе, выброшенного в море в Бразилии, миллионы
сельдей и трески, сожжённые или выброшенные в
море норвежскими коммерсантами, отчаявшимися-

(*) Юлий Вольф: Законь народонаселения.

ся найти покупателя, подтверждают правильность этого предположения. Сейчас ещё трудно говорить о том, какое количество людей Земля в состоянии прокормить. Перл считает предельным количеством 2.000.000.000 душ, Пилкин доводит эту цифру до 13.000.000.000, Пенк до 15.900.000.000 и Франц Оппенхеймер — до 200.000000.000 душ (*). С другой стороны, более пессимистически настроенный Алоис Фишер утверждает, что Европа на 80% заполнена, Азия на 70%. Джордж Книббс, австралийский демограф, говорит, что при теперешнем ежегодном приросте населения земного шара в 1% Земля будет переполнена через 200 лет. Гутенеере (**), справедливо замечает, что если бы этот прирост в 1% ежегодно был бы обычным для человечества, то одна пара, размножаясь в этих пределах, дала бы потомство в 1.700 миллионов, т. е. настоящее народонаселение Земли, в две тысячи лет. Однако мы знаем, что род человеческий гораздо старше, т. е. прирост в 1%, имевший место между 1906—1911 годами, должно считать исключительным. И несомненно, что в течение следующих десятилетий прирост населения должен будет сильно упасть.

Работы американского биометра Реймонда Перл указывают на то, что человечество автоматически восполняет свои редяющие ряды после больших потерь (эпидемии, войны). И этому не приходится удивляться, т. к. в природе несомненно существует некоторое равновесие, существовавшее до сих пор, т. е. до того времени, пока Мальтус не задал себе вопроса о соотношении народонаселения и средств существования. Тем из экономистов, которые считают, что подобного равновесия в мире нет, и что только применение противозачаточных средств поможет нам избежать надвигающейся катастрофы, при-

(*) Daniel Lord: What B. C. is doing to the U.S.A., pp. 10–11.

(**) Guchteneere: Op. cit., p. 32.

дется ответить на вопрос, почему животные и растения, появившиеся на Земле значительно раньше человека, до сих пор не перенаселили Землю. Теперь, конечно, человек их может уничтожить в больших количествах, и ему удалось почти уничтожить некоторые из видов животных. Но до того, как было изобретено оружие, почему не произошло подобной катастрофы с животными, размножающимися во много раз быстрее человека? Конечно, на первый взгляд, животные, находясь в менее благоприятных условиях, чем человек, имеют больше шансов на преждевременную смерть, и в их отношении природа, может быть, и применяет известные предупредительные меры. Человек же, ставши своим собственным господином, пытается всеми силами продлить свою жизнь. Законы биологии говорят иное. Благоприятные условия жизни понижают плодовитость у животных и растений. Дарвин (*) заметил, что растения, выращиваемые в идеальных условиях, не дают семени, и дикие растения, пересаженные в оранжереи, становятся бесплодными. Пчелы, выращивая личинки, усиленно кормят тех, кто предназначен к роли рабочей пчелы в будущем; царицу, должную обеспечить многочисленное потомство улью, держат впроголодь. Наиболее аристократические породы лошадей, кошек и собак, выращенные в хороших условиях, отличаются пониженной способностью к размножению. Дарвин установил, что у чистокровных лошадей приблизительно $\frac{1}{3}$ кобыл является бесплодными. Резюмируя: данный вид будет тем более плодородным, чем менее он способен добывать себе пропитание и бороться с угрожающими ему со всех сторон опасностями. В этом законе заключается *a priori* угроза будущему человечества, рафинированная цивилизация которого принесёт с собой вырождение и вымирание, если новая серия

(*) Guchteneere: Op. cit., pp. 43–53.

катастроф не бросит его снова в более естественные условия жизни. История человечества подтверждает правильность этого закона: размножение евреев в тяжелых условиях жизни египетского пленения. Увеличение рождаемости в Англии с 14% до 17% в период острой нужды 1800–1820 г. Доктор Браунли указал на то, что рождаемость среди бедного класса тем ниже, чем больше количество комнат, принадлежащих каждой семье, и это несмотря на то, что у более состоятельных семей детская смертность значительно ниже.

Анкета, проведенная Национальной Комиссией Рождаемости в Англии, главным образом, среди интеллигентов, показала, что высшие классы страдают от пониженной рождаемости безотносительно к тому, применяют они противозачаточные средства или нет. Так, среди 188 семей, не применяющих никаких средств против зачатия, приходилось по 1,8 ребёнка на семью, у 287 семей неомальтузианского толка имелось 2,4 ребёнка на семью. Исправив эти цифры по отношению к двум группам семей, мы получим соотношение 1,14:1, т. е. и те, и другие семьи одинаково бедны детьми. В Соединенных Штатах число членов семьи уменьшается с поразительной быстротой.

В 1850 г. средняя американская семья насчитывала 5,6 душ; в 1880 г. их было только 5; В 1900 г. цифра упала до 3,67 и до 3,58 в 1920 г. В 1930 г. средняя семья состояла из 3,57 человека, т. е. детей было всего 1,57 на семью.

Мы видим, таким образом, что причину экономической депрессии нужно искать не в перенаселенности земного шара. Несомненно, должны быть какие то другие факторы. Неомальтузианцы Англии уже в 1854 г., ужасаясь положением вещей и числом безработных, требовали признания искусственного контроля деторождений единственным целесооб-

разным средством. За эти годы население Англии увеличилось с 21 млн. до 41 млн. душ без того, однако, чтобы произошла экономическая катастрофа.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

Интересно отметить тот факт, что экономисты, изучающие причины экономических кризисов, или совсем не касаются демографического фактора, на который вся надежда неомальтузианцев, или отводят ему весьма скромную роль. Некоторые из них, наоборот, в уменьшающемся народонаселении видят одну из причин настоящей депрессии. Население, имеющее большой процент детей, в их лице обладает массой потребителей непродовольственного возраста; потребители, которые едят, но сами не работают.

Лескюр (*), подробно изучивший вопрос о периодических кризисах, считает, что их главной причиной является перепроизводство, как, например, это было в 1929 году. До XIX в. экономическая жизнь мира держалась на земледелии, и лишь два века тому назад вступила в индустриальную эпоху. С тех пор (да и до этого подобные истории случались не раз) тучные годы чередуются с тощими весьма регулярно. Так, например, после депрессии 1845 — 1873 г.г., был период экономического расцвета с 1873 до 1894 г.г., за ними следовала новая депрессия, продолжавшаяся до 1920 года и подготовившая новый взлёт 1920 — 1931 годов.

Возникновение новых индустрий, расцвет тяжелой индустрии, подготовляющей машины для новых отраслей труда, интенсивный товарообмен в области сталелитейной и угольной промышленности, улучшение цен, сокращение или полное исчезновение

(*) J. Lescure: Des crises generales et periodiques de surproduction.

безработицы — вот первые симптомы экономического расцвета.

Но стоит новорожденной индустрии показать уменьшающиеся дивиденды вследствие ли высокой себестоимости продукта, благодаря тому, что стоимость сырья возросла за это время, — и начинается сокращение её деятельности, увольнение рабочих и т. д. Ввиду же того, что в нашем обществе все виды индустрии тесно связаны между собой, падение одного из них отражается на всех его питающих областях, и снежный ком летит вниз, увлекая всё новые и новые жертвы, — такова картина депрессии по Лескюру.

То же самое приблизительно говорит и Ногаро (*), который обвиняет также и совершенствующуюся технику в увеличении числа безработных, создающую, так сказать, „технологическую безработицу“. Другим важным фактором является автаркия — стремление современных государств стать экономически независимыми от своих соседей. Индустриальные государства стремятся улучшить своё земледелие, а земледельческие создают мощную тяжёлую индустрию. Стремление к автаркии — одна из первых причин продолжительной депрессии. Французские землеробы, увеличив за последние годы количество выращиваемого зерна, всё-таки не могут скупить все изделия французской текстильной промышленности и заменить ей заграничные рынки. С чисто экономической точки зрения все эти автаркические тенденции ничего, кроме путаницы, в мировое хозяйство не вносят. Для серьёзного экономиста, рассматривающего весь мир как сокровищницу неисчерпаемых богатств и размышляющего над наилучшим их распределением, политические границы должны, по всей вероятности, быть досадной помехой. Стоит одному государству

(*) B. Nogaró: Le diagnostic de la crise dans le monde et en France

добиться оптимального, по мнению его экономистов, соотношения жителей и средств существования, развить земледелие и тяжёлую индустрию, как политическая катастрофа уносит добрую половину его жителей и область, богатую железом и углём, в которой были выстроены все заводы. Что после этого остается делать руководителям жизни страны? Рожать ли в ускоренном темпе детей путем тэйлоризации этого долгого физиологического процесса, или же, наоборот, раздавать бесплатные пессарии всем брачующимся, чтобы избежать безработицы в будущие времена? Политика страшно усложняет экономические проблемы.

Вопрос с распределением богатств всё ещё не разрешён. Очень многие из экономистов считают, что вопрос снабжения народонаселения продуктами первой необходимости теперь вообще потерял свою остроту, и с этим приходится согласиться, имея на руках данные о прогрессе агробиологии, индустриальной химии и технологии. Действительно, как коммунизм, так и капитализм не смогли разделить богатства справедливо. Вернее всего капитализм не смог их распределить, т. к. коммунизм не был даже в состоянии их произвести.

Гутенеере (*) приводит данные о распределении богатств в Соединённых Штатах в 1918 году. Один процент всего населения США имел на руках 14% общего дохода страны; 5% жителей имели 26% всех доходов и 20% получили 47%, остальные 13% валового дохода были распределены между оставшимися 74% жителей. Что же касается распределения излишков, т. е. суммы, превышавшей прожиточный минимум среднего американца, то оказывается, что 2,2% всех жителей Америки получили 71 % всей суммы. Гутенеере говорит, что подобные же цифры встречаются в сравнительных статистических табли-

(*) Guchteneere: Op. cit.: p. 27.

цах распределения богатств в других западных странах, в особенности в индустриальных государствах. О несправедливости подобного положения вещей говорить не приходится.

Очевидно, что экономисты обязаны как-то справиться с этой задачей, но разрешить её надо, шагая по тернистой тропе экономических доктрин, а не скользя по пути наименьшего сопротивления, коим является применение противозачаточных средств. Иоганн Ферх (*), австрийский общественный деятель, прямо обвинил врачей, отказывающихся давать советы против зачатия и делать аборт, в нежелании улучшить экономическое положение матерей. Нам кажется, что политическая экономия не должна сваливать свои наиболее трудные задачи на медицину. Медицина преследует свои собственные цели. А если бы медицина и разрешила таким (весьма недостойным, надо признать) способом кардинальную теперь проблему политической экономии, то что бы стали делать экономисты? Играть в гольф по субботам?

Мы здесь приводим остроумную критику неомальтузианской философии, написанную Честертоном: „Поразмыслите над этим простым примером и Вы увидите, что происходит в мозгах современного человека. Вот десять маленьких мальчиков, которым Вы хотите дать десять шляп, но Вы замечаете, что у Вас имеется всего-навсего восемь головных уборов. Простодушный человек не нашёл бы невозможным сделать ещё две шляпы; или попросить у шляпных дел мастера, чтобы он увеличил количество выпускаемых шляп; даже протестовать против запоздалой присылки их и требовать наказания виновника. Современный ум утверждает, что если мыотрежем двум мальчикам головы, то имеющееся количество шляп будет достаточным. Предположение, что головы более ценны, чем шляпы, отвергается им как метафизическое, а мысль о том, что шляп

(*) Johann Ferch: Birth Control, p. 97.

пы созданы для головы, а не головы для шляп, рассматривается им как устарелый догматизм. Покрытый пылью текст, говорящий о том, что тело достойнее одежды, мещанский предрассудок, предпочитающий жизнь маленьких мальчиков систематическому распределению шляп, всё это презирается и игнорируется им. Современный ум обладает неумолимой логикой: палач должен исправить ошибку шляпника...“

Таким нам рисуется, на основании имеющихся данных, экономический аспект вопроса об искусственном контроле рождений. Мы считаем себя вправе сделать соответствующие заключения.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Народонаселение земного шара, сильно увеличившееся за последнее столетие, начнёт уменьшаться в цивилизованных странах. По всем имеющимся у нас данным надо предполагать, что это понижение рождаемости скоро не остановится. Средства существования заметно увеличились за последнее время и продолжают расти, так же как и другие богатства Земли. Агробиология, индустриальная химия, технология ещё не сказали своего последнего слова. Отсюда следует заключить, что экономические затруднения имеют своей причиной не перенаселённость, а неправильное распределение богатств. Путь политической экономии должен лежать в этом направлении. Искать в контроле деторождений спасение от неправильного распределения богатств, это значит отодвигать решение важного вопроса из-за боязни быть принуждённым принять какие-то твёрдые меры. Поступать так — значит поступать асоциально и не научно. Асоциально, потому что, не разрешая основного вопроса, экономисты поддерживают порядок вещей, вредный и тяжёлый для большинства. Не научно, потому что подобный метод в корне противоречит рационально систематизированным данным.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

КОНТРОЛЬ ДЕТОРОЖДЕНИЙ И СЕМЬЯ

Мы опять начинаем с изложения неомальтузианского взгляда на семью, утверждающего, что искусственный контроль деторождений должен произвести революцию в социальной структуре нашего общества. Неомальтузианцы верят, что в социальной плоскости искусственный контроль деторождений повысит уровень жизни как индивидуума, так и коллектива. Во-первых, многочисленные дети несут с собой нужду и тем самым являются причиной бедности. Избавиться от частых родов — это значит упрочить благосостояние семьи. Мы часто наблюдаем браки, говорят они, в которых острая нужда превращает супружескую жизнь в кромешный ад, где вечный страх женщины забеременеть заставляет её враждебно относиться к мужу и тем самым разрушать в корне супружеское счастье. Отсюда частые разводы. Искусственный контроль деторождений элиминирует раз и навсегда этот антисоциальный фактор: жизнь супругов станет более разумной, более полной взаимопонимания и, следовательно, более счастливой. Разводы должны пойти на убыль. Неомальтузианцы также замечают, что очень многие из молодёжи принуждены отказывать себе в браке из-за боязни появления детей и сопряжённых с этим расходов. Противозачаточные средства позволят молодежи сочетаться законным браком сейчас же с тем, чтобы иметь детей, когда это позволят обстоятельства. Брачность таким образом увеличится.

Подобные взгляды настолько вошли в сознание публики, что повторение всего этого здесь кажется почти наивным.

Доводы неомальтузианцев поражают своей аксиоматичностью. Что касается большого вопроса об абортах, то и тут широкое применение противозачаточных средств должно дать положительные результаты. Действительно, теоретически, аборты, т. е. искусственное избавление от недоношенного плода, невозможны, если предупреждено само зачатие. Воспитание детей будет в значительной мере облегчено, т. к. легче иметь одного ребёнка и дать ему блестящее воспитание, чем воспитать несколько детей. Сконцентрировав всю любовь, всё внимание на одном, можно сделать из него действительно выдающегося человека, что в конечном итоге полезно для нации. Вот те благодеяния, которые контроль деторождений должен принести человечеству, обществу, семье. Мы постараемся выяснить, что было в этом направлении достигнуто:

РОЛЬ КОНТРОЛЯ ДЕТОРОЖДЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Роль его в современном обществе действительно велика.⁵⁰ Бернард Шоу говорит, что в Англии нет ни одного англичанина, который ни разу не применил бы противозачаточных средств со своей женой или любовницей. Двести человек опрошенных Хамильтоном и Макгоуаном (*) показали, что все они без исключения применяли противозачаточные средства в брачных сношениях. Из 985 женщин, опрошенных доктором Екатериной Бемент Дэвис, 729 употребля-

(*) Hamilton and Macgowan: What is wrong with marriage: pp. 97–98.

ли противозачаточные средства. Керни (*) говорит, что более 300 фирм заняты изготовлением противозачаточных средств в Соединённых Штатах. У нас нет цифровых данных, определяющих количество выпускаемых препаратов, но даже если допустить, что только 50% взрослого населения страны прибегают к ним около 52 раз в году, согласно таблицам д-ра Лаца (**), то цифра должна быть потрясающей. Связь между применением противозачаточных средств и падением рождаемости было бы наивно доказывать, тем более что неомальтузианцы сами с удовлетворением отмечают успехи, сделанные в этом направлении. В биографии Маргариты Сэйнджер нами уже приводился характерный для неомальтузианской литературы случай. Интересен не этот очередной факт связи между причиной и следствием, а то, что на основании статистических данных и психологических наблюдений возможно было установить связь между контролем деторождений и возрастанием числа разводов, между увеличивающимся применением противозачаточных средств и падением брачности, между контролем деторождений и увеличивающимся числом аборт, между неомальтузианством и проституцией. Заметим здесь же, что делать из контроля деторождений библейского козла отпущения, как это делают некоторые представители противного ему лагеря, несправедливо. Контроль деторождений играет очень крупную роль технически, но сам по себе не является первопричиной всего этого синдрома асоциальных явлений. Он сам был порожден в известной мере условиями быта. Экономические затруднения играли и будут играть роль в жизни семьи. Определить более точно влияние каж-

(*) Kearney: Birth Control for China.

(**) Dr. Larz: Rhythm of sterility and fertility in woman.

дого из этих факторов, конечно, невозможно. Приходится лишь констатировать факты, и, пробираясь ошупью там, где нет цифровых данных, указывать на преобладающее значение того или другого из них.

Б Р А К И Р А З В О Д

О кризисе брака заговорили ещё до войны. Теперь, кроме браков законных и незаконных, появляется так называемый «пробный брак», предложенный американским судьёй Линдсей в 1925 г. Этим, однако, брачный кризис разрешён не был, и число браков в некоторых странах продолжает падать. Франция опять может послужить классическим примером. В 1913 г. приходилось 15 браков на тысячу жителей, в 1936 — всего 13,4%. В абсолютных цифрах самое большое количество браков было зарегистрировано в 1920 г.: 622.724. Это объясняется окончанием войны. В 1927 г. браков было уже вполнину меньше: 336.364. С 1927 до 1930 эта цифра поднялась сперва до 342.059, затем упала до 284.895 браков и в 1936 дошла до 279.743, т. е. до самой низкой цифры, начиная с 1871 года.

Конечно, падение брачности постарались объяснить просто экономическими условиями. Однако мы видим, что падающая кривая брачности не совпадает с периодическими экономическими кризисами; она не параллельна им.

Брачность падает неуклонно, начиная с 1920 г., и достигает самой низкой цифры в 1936 г., в это же время страна переживает периодический экономический расцвет, длящийся с 1920 до 1931 г.

Две кривые пересекают друг друга и расходятся в противоположных направлениях. Экономические условия, очевидно, здесь не имели большого значения. Гораздо большее значение здесь имеет чисто математический факт: падение рождаемости в годы

войны, т. е. в 1914—1918 г.г., сказалось именно теперь, через 18—20 лет, в меньшем числе девушек в возрасте от 18—20 лет, могущих выйти замуж. Через 5—6 лет меньшее число молодых людей в возрасте от 24—27 лет также отразится на брачности. И этот факт чрезвычайно важен, т. к. он не зависит от экономических условий. Экономические условия в данном году могут повлиять только на молодёжь брачного возраста, собирающуюся вступить в брак в этом же году, и заставить их отложить свадьбу до следующего года. Падение рождаемости сказывается через 20 лет, и никакие благоприятные экономические условия не увеличат брачности среди населения, поражённого недостатком молодой крови. Экономические условия могут расстроить 50.000 из 200.000 возможных браков, но не могут поднять до 200.001 число браков там, где имеется всего 200.000 пар кандидатов.

Мы видим из этих соображений, что брачность осуждена на понижение самим фактом падения рождаемости, и отсюда становится ясным, как контроль деторождений может влиять на количество браков в данной стране. Каждый родившийся ребёнок есть без 23 лет новобрачный, и каждое применённое противозачаточное средство имеет шанс уменьшить брачность на 1 абсолютную единицу через такой же период времени.

Искусственный контроль деторождений влияет на падение брачности и иным образом: противозачаточные средства дают в руки молодёжи средство обойтись без формальных уз брака. И это признаётся многими авторами, изучающими этот вопрос. Для нас ценно то, что некоторые из авторов не считают это аморальным явлением, и поэтому нет причин предполагать, что они сгущают краски, преследуя цели пропаганды нравственности.

Филлис Бланчард (*) открыто признаёт, что половая распущенность среди молодёжи стала возможной и процветает благодаря широкому применению противозачаточных средств.

В том же духе высказывается и Бетранд Руссель (**). Это мнение, основанное на непосредственных наблюдениях за жизнью молодёжи, особенно в Америке, подтверждается ещё и другим любопытным фактом. Проституция получила сильный удар от неомальтузианцев. Здесь их прогнозы оправдались в значительной мере, и приходится признать, что применение противозачаточных средств сыграло вполне определенную роль в некотором понижении числа проституток в европейских странах и в Америке. Это явление объясняется тем, что благодаря противозачаточным препаратам женщины и девушки самого лучшего общества, по уверению хотя бы той же Филлис Бланчард, имеют возможность успешно конкурировать с проститутками, отбивая у них возможных клиентов.

Джордж Райлей Скотт (***) в своей, хотя и остроумной, но несправедливой и искажённой картине современного брака говорит, что мужчина всегда предпочтёт любовь девушки своего класса, предложенной к тому же бесплатно, дешёвой любви продажной женщины. И это не клевета на девушку нашего времени. Хамилтон и Макгоуан (****) в своём исследовании ста супружеских пар, принадлежащих к американской интеллигенции, говорят, что

(*) Phyllis Blanchard: Sex in the adolescent girl.

(**) Bertrand Russel: Marriage & Morals.

(***) George Ryley Scott: Marry or burn, pp. 74–107.

(****) Hamilton and Macgowan: What is wrong with marriage: p. 245.

35% женщин, опрошенных ими, не были девушками, когда они шли со своими женихами к алтарю!

Из 1.000 незамужних американских женщин, опрошенных доктором Дэвисом (*), 288 ответили отрицательно на вопрос, имели ли они половые сношения; 53 не ответили вообще, 659 ответили утвердительно, присовокупив к нормальным половым сношениям мастурбацию и гомосексуальный опыт в то или иное время; 603 из них занимались мастурбацией; 184 были лесбиянками и 105 имели половые сношения вообще.

Таковыми рисуются достижения неомальгузианцев в этой области.

Падение брачности отзывается также и на политической жизни страны, в известной мере и в определённом направлении, конечно. Несомненно, что увеличивающееся относительно к общей массе взрослых жителей страны число холостяков даёт им перевес или, во всяком случае, увеличивает их значение в направлении жизни этой страны. На это указал Рэнэ Масс (**). Во Франции до войны на 11 млн. избирателей 7 млн. являлись холостяками или отцами одного или двух детей, 4 млн. были каждый отцами 3 детей и больше. Иными словами, 16 млн. избирателей голосовали за двух каждый, а 4 млн. представляли собой 23 три млн. душ.

Падение брачности заставляет также незамужнюю женщину искать работы вне семьи и конкурировать таким образом с мужчиной.

Это усугубляется еще и самим фактом численного перевеса женщин над мужчинами. В Европе этот перевес исчисляется 1 — 2%. Во Франции 52,5% всего населения составляют женщины; 2,5%, как будто,

57 V. F. Calverton: The bankruptcy of marriage, p. 116.

58 Rene Masse: La production des richesses: p. 184.

цифра небольшая, но это составляет 1.025.000 женщин, которым не хватает мужей. В США в 1930 году (*) из 48.849.920 американцев, служащих в тех или иных предприятиях, 10.772.116 были женщинами, из них одна треть, т. е. 3.071.002, были замужними. Если вообще переизбыток женщин оправдывает присутствие 7 млн. из них в конторах и на фабриках, то остальные 3 млн. этого оправдания не имеют. В обычных условиях домашняя работа и обязанности, сопряжённые с материнством, заставили бы их уступить эти места 3 млн. безработных американцев. Искусственный контроль деторождений избавил их от необходимости бросать службу.

Из 13.000 невест, опрошенных Институтом Супружеских Взаимоотношений города Нью-Йорка (Marital Relations Institute — по-русски это название звучит несколько странно), 5.590 заявили, что они будут продолжать служить после свадьбы, что при искусственном контроле вполне возможно. Они мотивировали своё решение желанием иметь независимый от мужа доход, или улучшить экономическое благополучие семьи, считая, что это обеспечит им счастье в брачной жизни. Кроме классического взгляда на то, что деньги не являются ещё всем в браке, заметим, что исследования Хамильтона и Макгоуана (**) указывают на то, что денежный вопрос не является кардинальным, и что более счастливые, что бы это ни значило, браки наблюдались ими в семьях, где жена зависела от своего мужа. Мы признаём, что работа этих двух авторов при всём исключительном её интересе отнюдь не имеет абсолютной ценности; но, даже при относительной ограниченности материала, это единственный известный нам труд, где

(*) Lord: What B. C. is doing to the U.S.A.: pp. 22—23.

(**) Hamilton and Macgowan: Op. cit.: pp. 65—87.

группы проверенных фактов о браке были методологически разработаны.

Количество разводов растет во всех странах без исключения. Доу (*) приводит следующие цифры для некоторых стран, показывающие рост разводов:

		1885 г.	1905 г.
Соединённые Штаты	...	23.472	67.976
Франция	6.245	10.860
Германия	6.161	11.147

В 1906 году на десять браков в США приходился один развод; во Франции — один развод на тридцать браков, в Германии — один на сорок и в Англии — один развод на четыреста браков.

ТАБЛИЦА РАЗВОДОВ
(на 100.000 жителей)

		1901	1906	1911	1916	1922
США	...	79	84	—	112	136
Япония	...	140	136	113	109	92
Франция	...	23	27	37	11	71
Германия	...	14	20	24	15	58
Швейцария		30	38	43	40	54
Бельгия	...	12	09	14	—	49
Дания	...	15	23	27	31	39
Голландия	...	11	13	16	20	28
Швеция	...	07	10	11	13	24
Австралия	...	10	08	17	13	22
Норвегия	...	06	09	17	20	21

(*) Dow: Society and its problems, p. 267.

В 1933 году в Германии приходилось 65 разводов на 100.000 жителей, в том же году их было 70 в Дании; 73,3 в Японии; 73,7 в Швейцарии; 82,7 в Литве; 128,5 в Соединенных Штатах; 42,5 в Новой Зеландии; 10,4 в Шотландии; 10 в Англии и 8,5 в Канаде. В абсолютных цифрах в Германии было зарегистрировано 16.657 разводов в 1913 году, 34.451 в 1925 году, 42.297 в 1932 и 42.584 в 1933. В 1934 количество разводов возросло еще на 15%. Соотношение числа разводов к числу браков все время увеличивается в пользу разводов. Статистическая таблица разводов и браков в США весьма показательна в этом отношении:

БРАКИ И РАЗВОДЫ В США (*)
(на 100.000 жителей)

Год	Разводы	Браки	Соотношение разводов к бракам
1870	28		
1880	39		
1890	53	909	1:17,1
1900	73	930	1:12,8
1906	84	1024	1:12,2
1916	112	1055	1:9,4
1923	149	1100	1:7,3
1924	152	1050	1:6,9
1925	152	1030	1:6,8
1926	154	1026	1:6,7

В 1932 году на каждые 6 браков приходился 1 развод. По подсчетам американского профессора Вилкокса, при теперешнем коэффициенте возрастания разводов 25% всех американских браков кончатся разводом в 1950 г., а в 1990 г. половина всех браков закончатся в судебной камере. Во Франции насчитывалось 4.277 разводов в 1885 г., 6.743 — в 1895 г.

(*) Dow: Op. cit., p. 269.

В 1921 г. их было уже 32.472. Эта число упало до 18.158 в 1927 г, но вновь возросло до 21.727 в 1932 г. В 1935 во Франции развелись 21.004 пары и в 1936 г. — 21.987.

О России мы знаем очень мало. С 1928 г. были прекращены официальные статистические сообщения о рождаемости, брачность сильно упала, что и понятно, т. к. брак в нашем смысле этого слова почти перестал существовать. Как пример приведем сведения о браках и разводах в Москве за май месяц 1935 года. На 4.381 брак приходилось 2.040 разводов, т. е. 44,3%, причем это были лишь официально зарегистрированные разводы. Нас как-то приучили здесь относиться с недоверием к статистическим данным, опубликованным коммунистической партией, надо полагать, не без некоторого основания. Поэтому приходится судить о браках и разводах в России по тем разрозненным сведениям, которые доходят до нас. Анкета 9 августа 1935 г., устроенная «Известиями», выяснила, что очень мало девушек выходят замуж раньше 20 лет. Дюмон (*) полагает, что причиной этому — широкое распространение противозачаточных средств, позволяющих девушке вести внебрачную половую жизнь и откладывать официальное оформление брака до появления первого ребёнка, что, однако, не избавляет её ничуть от развода в недалёком будущем.

В 1933 г. в одной только Российской Федеративной Республике насчитывалось 142.000 нерассмотренных дел об алиментах в трибунале, а в 1934 — до 200.000. Такое обилие дел об алиментах дает представление о количестве разводов. В 1936 г. власть была принуждена издать ряд законов, долженствующих уменьшить количество разводов и аборт

(*) Dumont: La famille en Russie.

стране. Разводы теперь значительно затруднены. Для теоретиков этот факт имеет большое значение, ибо он носит характер большого, в крупном масштабе проделанного социального опыта, доказавшего всю асоциальность, весь вред для государства от неомальтузианской философии брака. Нам думается, однако, что, как и в вопросе с поднятием рождаемости, положительных результатов здесь одними юридическими мерами не добиться. Молодежь, вступая в брак, уже говорит о возможности развода. Из цитированных уже выше тринадцати тысяч американских невест всего 34% надеялись, что их брак будет на всю жизнь. Остальные думали, что развод неизбежен через некоторое время, от одного года до двадцати лет. Только 2.739 невест желали иметь детей.

Классически развод принято рассматривать как нежелательное явление в обществе, и подавляющее большинство социологов — за возможным исключением Доу (*), усматривающего в разводе доказательство более высокого нравственного уровня американской нации, — соглашается с этим взглядом. Развал семьи угрожает всему государству; даже коммунисты, отвергающие основоположения классиков социологии, поняли это. Увеличение детской преступности — одно из последствий обильного количества разводов. Исследования профессора Элвуда (**), в Америке показывают, что из 7575 детей, находящихся в исправительных заведениях Америки, 29,6% были детьми разведённых или покинутых мужьями женщин; 33% были сиротами, имеющими только одного из родителей, и 38% происходили из семей, деморализованных пьянством, пороком и преступностью. Из 4278 детей, прошедших через

(*) Dow: Op. cit., p. 273.

(**) Dow: Op. cit., pp. 277–298.

камеры для малолетних преступников, 23,7% были детьми разведённых или покинутых женщин, 27,8% имели только одного из родителей.

Какую роль, однако, играет искусственный контроль деторождений в разводе? Социология учит нас, что тому имеется несколько причин: вздорожание жизни и усложнение её, требующее больших затрат денег и энергии и этим самым дающее повод к семейным раздорам; экономическая независимость женщины, связанная с ней новая психология, с которой мужчина еще не совсем свыкся; поздние браки, заключаемые в возрасте, когда привычки и взгляды каждого из супругов вполне установились, что понижает приспособляемость друг к другу; упадок религиозности, более либеральное законодательство. Экономические причины играют, несомненно, большую роль, хотя заметим, что как и в рассмотренном нами случае, с падением брачности, кривая разводов не параллельна кривой экономических циклов, что и заставляет предполагать некоторую независимость разводов от экономических условий. Экономическая теория не может сама по себе объяснить вполне такое исключительное количество расторгнутых браков. Моралисты, несомненно, более правы, говоря, что виной этому — падение нравственности и чрезмерная, незаконная жажда личного счастья, заставляющая забывать о долге и семье. Наше новое мирозерцание должно принять на себя ответственность за развал брака.

Контроль деторождений здесь является второстепенной причиной. Он, порожденный неомальтузианской философией, является техническим орудием, облегчающим развод. Дети являются наиболее мощным орудием борьбы с развалом семьи. Элиминируя детей, искусственный контроль деторождений делает развод легко осуществимым. В Германии

из 40 с лишним тысяч разведенных пар в 1933 г., почти половина, т. е. 20,365, были бездетными; 29,9% имели одного ребёнка, 13,9% — двух и 7,9% — трёх и больше. В Англии на сто расторгнутых между 1897 и 1906 гг. браков 39 были бездетными, 23 имели одного ребёнка и 16 — двух. То есть 80% разводов имели место у бездетных или малодетных супругов. В 1927 г. в Голландии на 100 расторгнутых браков приходилось 40 бездетных и 43 — с одним или двумя детьми. Во Франции на сто разводов периода 1914—1919 гг. 90 были бездетными или имевшими одного или двух детей (*). Эти статистические данные показывают, каким мощным фактором в развале семьи является искусственный контроль деторождений. Правда, здесь мы смогли только доказать, что применение противозачаточных средств является второстепенным фактором в развале брака. В следующих главах мы укажем на то, что и само по себе оно может породить семейные раздоры. Пока это для нас не имеет значения, ибо, занимая второстепенное место в вопросе о разводах, искусственный контроль деторождений остается, тем не менее, порождением неомальгузианской философии, наиболее радикальные представители которой отнюдь не скрывают своего намерения разрушить в корне институт христианского брака как не соответствующий миропониманию современного человека.

ВЫМИРАНИЕ СЕМЬИ

Падение брачности и увеличение числа разводов идут нога в ногу с уменьшением численности членов семьи. В Англии, где рождаемость упала до 10% за последние десять лет, число бездетных семей

(*) Kekessy: Die Geburtenkontrolle im Lichte geschichtlichen Tatsachen.

за последние двадцать лет, увеличилось на 74%, а семей, имеющих одного ребёнка — на 60,6%. В Вене на семью приходится в среднем 1,23 ребёнка. 34,3% венских семей бездетны, 33,1% имеют одного ребёнка, 18% имеют двух и лишь 14,6% имеют трёх детей и больше. Таково было положение в 1934 году.

Во Франции в 1926 г. 23,4% семей были бездетны, 30% имели одного ребёнка, 23% — двух. В Париже, насчитывающем 900.000 семейных очагов, только 21.800 семей, т. е. 2,4%, имеют трёх и свыше детей. Средняя французская семья насчитывала от 4 до 5 детей в 1800 году, в 1875 их было 4,05, в 1900 — 3,02 и в 1926 — всего 2,2 ребёнка на семью.

В некоторых рабочих районах, особенно тяжело перенесших последний экономический кризис, семьи насчитывали 0,6 ребёнка на семью. В Соединённых Штатах из 23.353.000 супружеских пар 7.447.000 бездетны; это составляет 31,8%. 5.255.000 имеют по одному ребёнку и составляют 22,5% и 4.246.000, или 18,1%, имеют по два ребёнка каждая. Было высчитано, что для поддержания теперешнего демографического уровня в Соединённых Штатах, каждая сотня супружеских пар должна иметь 330 детей. В 1931 г. на сто супружеских пар приходилось всего 220 детей. Почти 17.000.000 американских семей насчитывают по четыре члена или меньше на семью, т. е., не считая отца и мать, на семью приходится двое детей или меньше. В семьях студентов Йэйльского университета было в среднем 2,4 ребёнка. Студенты Харвардского университета за период 1891—1900 гг. принадлежали к семьям, имеющим 1,5 ребёнка на семью. 23% студенток Вассарского колледжа, вышедших замуж, бездетны. Выпуски 1897—1906 гг. имели 1,1 ребёнка каждая. Из 4000 абитуриенток Уэллслейского колледжа, вышедших замуж, 57% имеют 0,75 ребёнка каждая. Американская семья, имевшая в среднем 5,6 члена в 1850 г. и 5,3 в 1860, постепенно

уменьшается, насчитывая 5,1 членов в 1870 г., 5 членов в 1880 г., 4,9 — в 1890 г., 4,7 — в 1900 г., 4,5 — в 1910 г., и 4,3 — в 1920 г. Сравнительно высокая цифра в 2,3 ребёнка объясняется тем, что в эти цифры было включено и цветное население Америки, отличающееся большой плодовитостью.

Интересно отметить, что высшие классы общества имеют гораздо меньше детей, нежели низшие.

Таблица Бертильона доказывает это:

РОЖДАЕМОСТЬ на 1000 ЖЕНЩИН
в возрасте от 15 до 50 лет.

Класс	Па- риж	Бер- лин	Вена	Лон- дон
Очень бедный ...	108	153	200	147
Бедный	95	129	104	140
Среднего до- статка	72	114	155	107
Выше среднего	65	96	153	107
Богатый	53	63	107	87
Очень богатый	34	47	71	63
Итого	80	102	153	109

В 1921 году на аристократическом 5-м Авеню Нью-Йорка рождаемость равнялась 7%, в то время как в бедных кварталах Манхатана она исчислялась в 25%. И это повсеместное явление.

Причин подобного вымирания семьи несколько. Гутенере уже указал на то, что цивилизация сама по себе является причиной падения рождаемости, что видно из того, что у семей высших классов, не употребляющих, по-видимому, противозачаточных средств, рождаемость на очень немного превышает рождаемость неомальгузианской семьи. Подоб-

ное соображение должно, казалось бы, снять всю ответственность с искусственного контроля деторождений за падение рождаемости. Однако это далеко не так. Закон Гутенеере применим к высшему классу общества, который в силу своего образа жизни осуждён самой природой на бесплодие.

Коэффициент рождаемости для каждой страны указывает на падение рождаемости вообще, т. е. не только у высшего слоя населения, который можно было бы *a priori* считать бесплодным, но и у большинства жителей, принадлежащих к классам более плодородным. Если эти классы, находящиеся в условиях благоприятствующих, или, по крайней мере, в условиях, более благоприятных для размножения, чем те, в которых находятся высшие классы общества, всё же страдают от падающей рождаемости, то очевидно, что не одни биологические условия ответственны за это. Противозачаточные средства уничтожили за эти годы больше детей, чем погибло народа во время Великой Войны. Неомальгузианцы вселили ужас перед детьми в сердцах рядовой супружеской четы. Обилие детей — зло. Экономические условия требуют, по их словам, ограничения деторождений, хотя мы видим, что именно те классы и вымирают, для которых экономические условия не имеют значения. Конечно, не одни экономические условия являются причиной падения рождаемости, как и многодетность не есть единственная причина бедности. Дэвайн (*) в своём исследовании причин бедности среди 5.000 бедных семей Нью-Йорка говорит, что 69,16% бедноты страдали от безработицы, а не многодетности. Лишь 7,26% были прямыми жертвами чрезмерного количества голодных детских ртов. Маргарита Сэйнджер во время своей последней поездки по Китаю страшно переживала за кантонскую бедноту, живущую на лодках, и требовала

(*) Dow: Op. cit., p. 138.

немедленного введения искусственного контроля деторождений в их среде.

Маргарита Сэйнджер вообще, кроме применения противозачаточных средств, других способов для решения экономических проблем не видит. Что касается этой кантонской бедноты, то статья Ву Юэнь Лена (*), Линаньского университета, должна была бы сильно охладить противозачаточный пыл м-м Сэйнджер, показав истинное положение вещей, требующее, несомненно, требующее, внимания экономистов, но отнюдь не дающее повода предаваться панике.

Ву Юэнь Лен изучил 150 семейств кантонцев, живущих на лодках, в 1932—1934 гг. Семьи состоят в 23% случаев — наибольший процент — из пяти членов. На семью приходится в среднем 3,82 ребёнка, что по китайским стандартам довольно мало. Средняя смертность на семью — 1,67.

64% жителей этого участка являются производительной частью, зарабатывая деньги 27-ю разными способами.

Все это не абсолютная беднота, как полагает г-жа Сэйнджер; 25,75% своего заработка они тратят на развлечения, образование, лекарства, общественные функции и 72,25% — на стол, квартиру и одежду, что не так уж плохо. В 1911 г. во Франции на эти же нужды тратилось 59,7% дохода, в Англии — 57%, в Германии — 54,4%. Распределение расходов в процентном отношении не очень отличается от такового же в Англии в 1914 году.

	АНГЛИЯ		ШАНАМ	
Пища	60	%	62,05	%
Квартира	16	"	0,59	"
Одежда	12	"	6	"
Отопление	8	"	5	"
Разн. расх.	4	"	25	"

(*) Wu Yueng Len: The boat people of Shannam

Эти 150 семей, живущие на лодках, имеют две бесплатных школы, и 28,74% из них получили низшее образование. Во время изучения их быта 113 из них, т. е. 18,55%, были больны. Это далеко от тех ужасов, которые описывала г-жа Сэйнджер. В общем, здоровье шанамцев по мнению автора, не хуже, чем у других китайцев.

Мы привели эту выдержку с целью показать читателю, насколько поверхностные наблюдения, изложенные в несколько истерической форме, могут различаться от объективно собранных фактов. В неомальтузианской литературе подобные общие, мало проверенные, заявления встречаются, к сожалению, довольно часто.

Доведя число детей в семье до одного ребёнка, неомальтузианцы торжественно заявляют, что лучше дать одному ребёнку прекрасное образование, чем иметь несколько посредственно воспитанных детей. Имея одного ребёнка и сконцентрировав на нём все заботы и всё своё внимание, можно сделать из него, по их уверениям, почти что гениального человека. Имея много детей, энергия родителей расплывается, и дети остаются такими же идиотами, как и их воспитатели. Здесь мы наталкиваемся на одну из самых фантастических и туманных теорий неомальтузианства. Особенно их писательницы пытаются сказать что-то о мистическом огне любви, очищенном по прохождению через арсенал презервативов и передающимся единственному ребёнку полностью. Гениальность сама по себе не наследственна и появляется весьма неожиданно для нас то там, то здесь. Ум и здоровье не есть какая-то определённая масса, которая делится поровну между детьми, так что, например, имея десять детей, каждый ребёнок получал бы от родителей одну десятую ума и одну десятую здоровья. Если бы это было так, то, действительно, стоило бы ограничить свое потомство одним отпры-

ском, т. к., имея двух детей, мы бы имели каждый раз с математической точностью двух полуумных наследников. Увы, математика здесь ни при чём. Первый ребёнок может уродиться досадным идиотом, а четвёртый — быть выдающимся человеком. Гениальный Буало был пятнадцатым ребёнком, Моцарт — седьмым, Мирабо — пятым, Микель Анджело — пятым, Кромвель — четвёртым, Наполеон — четвёртым, Монтэнь — третьим, Декарт — третьим, Ришелье — третьим, Вольтер — третьим, Петр Великий — третьим, и г-жа Сэйнджер — шестым ребёнком. Напомним неомальтузианцам Америки, что если бы господин Хиггинс, отец Маргариты Сэйнджер, был последователем их философии, Маргариты Сэйнджер не существовало бы.

Что касается воспитания единственного ребёнка, то многие педагоги и психологи говорят нам о трудности этой задачи. Единственный ребёнок большей частью растёт избалованным эгоистом, не знающим о том, что надо мириться с желаниями и интересами других. Возможная смерть его тоже висит дамокловым мечом над головами родителей. Хотя с точки зрения чисто хозяйственной, которую неомальтузианцы любят подчёркивать, смерть единственного ребёнка едва ли не лучший выход из затруднительного положения. Затраты на гроб с глазетом должны скоро покрыться, и неомальтузианские родители смогут купить автомобиль, дающий им возможность поддерживать их *niveau social*.

АБОРТЫ

Вопрос об абортах будет нами рассмотрен в следующей главе, когда мы будем говорить о медицинском аспекте контроля деторождений. Здесь мы только приведём некоторые статистические данные, указывающие на поразительное увеличение количества абортов во всём неомальтузианском мире. Поразительное, говорим мы, т. к. теоретически аборт

не должны существовать там, где есть противозачаточные средства, а между тем клиники для производства абортуют растут параллельно с ростом искусственного контроля деторождений.

Этот факт сам по себе чрезвычайно хорошо характеризует полную или частичную недействительность и непригодность некоторых противозачаточных средств. Однако об этом после. О моральной ценности подобного акта будет сказано тоже в отдельной главе. Посмотрим просто, что говорит статистика. В России, говорит Мария Моро (*), с 1917 г. аборт больше не преследуется законом; в 1920 г. декрет Семашкова даёт общие положения легализации абортов, которые были изменены и дополнены в 1924 и 1926 гг. Цель декрета: уничтожить тайные аборты и дать право на медицинскую помощь женщине. Преступный аборт должен был быть уничтожен абортотом законным, этот, в свою очередь, уничтожен применением противозачаточных средств, а эти должны были стать ненужными. Всё должно было протекать как в сказке. С 1920 года уже не врач, а экономические условия предписывали аборт, который, по закону, мог производиться в достаточно санитарных условиях в присутствии опытного лица. В 1927 г. на конгрессе украинских гинекологов в Киеве было объявлено, что новый закон увеличил число абортов. Этого следовало ожидать, т. к. просто стало явным то, что раньше производилось тайно. Беда была, однако, в том, что аборты производили главным образом хорошо оплачиваемые служащие, имеющие мало детей. Врачи предложили применение противозачаточных средств. О рождаемости никто вообще не заботился. В 1932 г. коммунисты во Франции потребовали проведения подобного же закона, но безрезультатно. В 1933 г. снова была сделана попытка узаконить аборт и пропаганду противоза-

(*) Marie Moreau: Le communisme et le mariage.

чаточных средств совместно с охраной материнства. Пока Франция боролась с коммунистами и производила незаконно около 500.000 аборт в год, Германия тоже не теряла времени. В 1911 г. в Германии насчитывалось 340.000 аборт в, в 1923 г. — 500.000 и в 1927 г. — 875.000. В Гамбурге в 1926 г. было зарегистрировано 15.000 аборт в, т. е. столько же, сколько и рождений. Брэндо (*) говорит, что, по слухам, в Париже на 6—7 родов приходится один аборт. В Москве в 1935 г. на 70.000 новорожденных было 155.000 аборт в; в 1936 г. их было 154.584 на 57.100 рождений.

В этом же году, по данным Наркомздрава, в городах было произведено 374.935 аборт в на 573.593 рождений; в деревнях 324.194 на 242.979 рождений. Печальные цифры! Эти данные, однако, указывают на число аборт в, произведенных только в государственных клиниках. Аборты вьелись в психическую ткань нации и вытравить их оттуда нелегко. Директриса одного из советских родовспомогательных заведений говорит (**): „...женщины часто настаивают на аборте безо всякой причины. Молодые двадцатилетние женщины, ожидающие первого ребёнка, требуют аборт а, заявляя, что они ещё молоды и хотят жить. Одна из моих пациенток, дама 29 лет, сделала уже тринадцатый аборт. У неё нет ни одного ребёнка“. Никто больше не смотрит на аборт как на своего рода детоубийство, и новые законы 1936 „года, при помощи которых власть решила бороться с этим злом, вряд ли будут иметь успех. „Борьба будет стойкой, серьёзной и долгой,“ — пишут „Известия“. Анкеты, собранные советскими газетами во время опубликования нового закона об аборт ах, установили один факт: женщины в большинстве случаев против аборт в, потому

(*) Brindeau: Le depeuplement d'origine obstetricale.

(**) Dumont: La famille en Russie.

что они опасны для жизни. Но они требуют хороших противозачаточных средств взамен. Мы становимся нацией самоубийц.

БРАК КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ и БРАК КОММУНИСТИЧЕСКИЙ

Коммунистические авторы, нападая на капиталистический строй, любят критиковать институт брака, как прогнивший и отживший свой век. Буржуазный брак ведет к экономическому порабощению женщины мужчиной и построен на лицемерной буржуазной морали. Всё это для капиталистического брака не ново.

Коммунистический брак, освободив женщину от цепей домашнего хозяйства и предоставив ей, как свободной личности, право выбора между стройкой социализма и голодным существованием, дал ей также возможность освободиться от тягот материнства. Аборты и разводы способствовали произвести эту революцию в браке. И что же получилось. За двадцать лет практического применения новой идеологии было замечено, что в конечном итоге свободная любовь должна привести государство к гибели, и вот, чтобы предотвратить надвигающуюся демографическую катастрофу, правительство повернуло назад, к классической формуле: семья — основа государственности. Если мы отметём в сторону нашу сентиментальность и забудем на время, что мы русские, то приходится сознаться, что вся революция, всё, что было проделано смелого, неразумного, преступного и ужасного, имеет большую ценность для социальных наук. Был проделан громадный опыт, и нельзя на это закрывать глаза. Неомальтузианская, скажем, материалистическая, философия родилась задолго до нашей революции, и в то время, когда западные теоретики писали свои сочинения о кризисе брака, о праве на личное счастье, об эмансипации женщины,

о необходимости развода, о жестокости христианской концепции брака, Россия приложила все эти принципы к жизни. Что, в общем, было довольно логично.

Социология должна разобраться в этом ворохе данных и сделать соответствующие выводы. Коммунисты некоторые выводы уже сделали. Брак коммунистический несовместим с политикой государственного творчества, каково бы оно ни было. Руководителям нынешней России пришлось убедиться воочию во всей непригодности свободного брака. А убедившись в ложности своей теории, они были принуждены вернуться к испытанным уже старым принципам.

Теперь воздаётся честь матери и материнству, преследуются аборт, поощряется деторождение. Русский опыт как будто бы весьма показателен. Запад, однако, не хочет понять этого. Возможно, что мы, как и раньше, остаёмся загадочными скифами для западных социологов. Но ведь и у них есть над чем призадуматься. Например, классически и весьма элегантный эксперимент, проделанный коммунистами в Вене в период 1918—1934 гг. Доктор Иоганн Месснер (*), профессор Венского университета, повествует нам об этом. Опытным полем являлась Вена с её двумя миллионами жителей, составляющими одну треть всего населения Австрии. Социал-демократическая партия, насчитывающая до 90% коммунистов в своих рядах, берёт бразды правления в свои руки в 1918 году.

Верная своим заданиям, она свой первый удар направляет на католическую часть населения, и этот удар направлен, главным образом, против семьи — символа консервативного мировоззрения. Начинается пропаганда свободной любви среди молодёжи. Усиленно проповедуется необходимость

(*) Messner: Le communisme et la familia en Austriche.

половых сношений для сохранения здоровья и т. д. Применение противозачаточных средств рекомендуется всеми силами, и специальные органы социального надзора за семьёй распространяют эти препараты среди мужчин и женщин, приходящих на консультацию. Общественное мнение взято под контроль. Партия издаёт специальный журнал для женщин с тиражом в 200.000 экземпляров. Венской коммуне принадлежат несколько больших кинематографов, играющих крупную роль в формировании общественного мнения и в дирижировании театральной политикой города. Особые бюро консультаций для лиц, желающих вступить в брак, становятся очагами неомальтузианской пропаганды. Борьба с туберкулёзом выявляется, главным образом, в требованиях аборта для всех туберкулёзных женщин. В муниципальных уборных поставлены автоматические аппараты с презервативами. (Теперь их больше нет.) Вновь строящиеся дома рассчитаны на бездетных супругов. Ведется интенсивная борьба за уничтожение закона, запрещающего аборты. Сделать это не удаётся, зато удаётся затруднить его практическое применение. Поощряются свободные браки, именующиеся „браками по совести“, создаётся специальное слово „подруга“ для незаконной жены. Пропаганда изменяет отношение женщины к материнству, браку, семье. Поощряется труд женщины вне домашнего очага. В школах проповедуются рационализм и материализм в сексуальных вопросах. Результаты деятельности коммунистов были успешны:

		БРАКИ		РОЖДЕНИЯ		СМЕРТИ
1900	...	16.527	...	52.364	...	34.301
1913	...	17.791	...	37.632	...	32.314
1918	...	16.389	...	18.922	...	44.130

(Продолжение)

1923	...	19.827	...	28.601
1933	...	13.687	...	13.861
1935	...	13.291	...	10.350

В 1900 г. рождений было на 18.063 больше, чем смертей. В 1935 смертей было на 13.902 больше. Рождаемость в 6,5% поставила Вену на последнее место среди городов всего мира. На семью приходилось 1,23 ребёнка, причем 34,3% всех семей вообще не имели детей, а 33,1% — только одного ребёнка, Разводы также стали возрастать:

1900	565
1913	1.265
1918	1.078
1923	3.371
1934	3.801

Случаи отпадения от католической церкви значительно увеличились:

1900	895
1913	1.493
1918	1.681
1923	22.888
1934	2.433

Таковы результаты этого интересного социального эксперимента. Они совпадают вполне с результатами, полученными в России. Однако, если все эти данные указывают на то, что коммунистический брак не выдержал испытания на практике, то в чём же он отличается от брака капиталистического? Разницы не видно никакой. Те же разводы, те же падение брачности, те же аборт. В коммунистических

странах все эти явления приобретают более интенсивную окраску, т. к. не встречают отпора со стороны более здоровых социальных течений. В вопросе о браке и коммунисты, и капиталисты оказались равноценными. И практически говорить о капиталистическом или о коммунистическом браке вообще не приходится. Таких двух разновидностей нет. Материализм объединил две враждующие экономические системы на брачной постели.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Брачность падает повсеместно. Причиной тому не столько экономические условия как недостаток брачующихся. Недостаток брачующихся — результат падения рождаемости. Падение рождаемости — результат неомальтузианской философии. Разводы увеличиваются. Искусственный контроль деторождений является весьма важным фактором, способствующим расторжению браков. Семья численно вымирает. Особенно интенсивно уменьшаются численно лучшие семьи. Экономические условия играют не столь важную роль, как материалистические взгляды. Аборты растут, несмотря на то, что противозачаточные средства должны были бы совсем уничтожить их. Противозачаточные средства, очевидно, недействительны во многих случаях. Практически коммунистический брак мало чем отличается от капиталистического. Результаты почти одни и те же. Материализм — их общий знаменатель. Материалистическая философия лежит в корне нашей демографической драмы. Фамильный склеп в котором будут покоиться бок о бок две почтенных семьи, коммунистическая и буржуазная, выстроен дружными усилиями философов-материалистов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

О значении народонаселения для государства с точки зрения неприкосновенности его границ теоретики искусственного контроля деторождений говорят очень мало. Нам лично не приходилось сталкиваться с их трактовкой этого вопроса.

Бертранд Рассель (*), правда, говорит, что чрезмерное увеличение рождаемости в одной стране создаст угрозу её менее населённой соседке. Теоретически, разоружаться следовало бы не только в отношении технических орудий смерти, но и в отношении количества возможных солдат.

Развивая эту мысль, надо утверждать, что страна с повышенной рождаемостью должна рано или поздно сделаться агрессором, и, признав это, должно было бы уполномочить Лигу Наций следить за тем, чтобы рождаемость в этой стране была сдерживаема искусственным способом в определённых границах. Так думает и Сикар де Плозоль (**), приветствующий падение рождаемости в Европе, и, особенно, в Германии в 1935 году.

(*) Bertrand Russel: Marriage and morals, pp. 189–199.

(**) Sicard de Plauzoles: La surpopulation et la guerre.

„Плотность народонаселения — пишет он, есть фактор чрезвычайной важности с точки зрения возможных последствий для наций-соседей; во Франции приходится 72 жителя на кв. километр, 135 — в Германии, 135 — в Италии, 190 — в Англии, 260 — в Бельгии; очевидно, что мирное или бурное течение должно установиться между нациями с нормальным и с повышенным демографическим давлением, и что у чрезмерно населённых государств должна появиться тенденция выбросить свой излишек в менее населённые области своего соседа; конечно, не надо забывать, что при оценке плотности народонаселения данной страны характер почвы должен быть принят во внимание...

Вся опасность для нашей страны (Франции) относительно <...> народонаселения Франции увеличилось на 48% за последние 130 лет, но по отношению к другим государствам её международное положение пошатнулось, ибо если в 1700 году французы представляли собой 38% народонаселения всей Европы, то в 1900 году народонаселение Франции равнялось всего 10% европейского населения.

Я лично думаю, что мир всего Мира и само будущее человечества связаны с ограничением и равновесием народонаселения. Общая цель народов должна выражаться в попытке установить оптимальное народонаселение каждой страны, и в международной организации производства и распределения богатств и труда. Нужно выбирать между организацией человечества и войной; нужно организовать человечество таким образом, чтобы население каждой страны в периоды мира шло к благополучию и совершенствованию, или надо организовать войну, организовать научно массовое истребление низших классов и рас. Таким образом останутся лучшие представители человечества, которые создадут, может быть, новую культуру на развалинах нашей цивилизации.“

Люсьен Ромье (*) выражает другими словами ту же самую мысль: „Проблема мира между Францией

(*) Lucien Romier: Explication de notre temps, p. 14.

и Германией выражается, в конце концов, в трудности заставить жить бок о бок два народа, имеющих одинаковую материальную цивилизацию, но разные массы. Масса (народонаселение) одного значительно тяжелее массы другого. Трудность задачи заключается в том, чтобы избежать простого физического феномена — крошения малой массы массой более тяжёлой... До тех пор, пока существует неравенство двух масс, время работает на пользу более плотной массы“.

У Ромье не хватает философского спокойствия Русселя в этом вопросе. Руссель — англичанин, и отделён от других стран морями и проливами. Ромье, один из сорока одного миллионов французов, чувствующий присутствие шестидесяти пяти миллионов немцев на востоке. А в политике практический взгляд Ромье преобладает над абстрактными взглядами Русселя и Плозоля.

Муссолини (*), громя неомальтузианство, сказал: „Учение Мальтуса — экономическая ошибка и моральное преступление. Понижение рождаемости несет с собою нужду. Италия вчерашнего дня со своими 16-ю миллионами жителями, была беднее, чем теперь с 42-мя миллионами. Эти 42 миллиона живут в лучших условиях, чем те 16“. Когда ему было замечено, что Франция со своей *Zwei-Kindersystem* показала во время Великой Войны, на что она способна, Муссолини ответил: „Если бы половина мира не пришла на помощь ей, Франция была бы разбита. А если бы Франция имела 55 миллионов жителей вместо 35, Германия не начала бы Великой Войны“.

Франция и Германия прилагают все усилия для того, чтобы поднять рождаемость, и Германии удалось сделать это. Следившие за немецкой прессой

(*) Kekessy: Die Geburtenkontrolle im Lichte der geschichtlichen Tatsachen.

периода 1931—1934 г. г. знают, какой переворот был произведён в общем направлении журналистики. Догитлеровская Германия зачитывалась романами и рассказами, ничуть не отличавшимися от бульварной беллетристики, которой питается современное общество.

С приходом Гитлера, сказавшего, что цель брака — в продолжении потомства и поднятии мощи Германии, — немецкая журналистика встала на совершенно иной путь. Исчезли куда-то рекламы издателей порнографических открыток для холостяков и распространителей дешевых презервативов. Новеллы перестали воспевать свободную любовь студентов и стенографисток, а начали упорно и методично проводить мысль о воссоздании крепкой и дружной семьи, о красоте семейного долга, о необходимости многочисленного потомства. Правительство начало поощрять материально брачующихся, и кривая рождаемости Третьего Рейха медленно, но верно, поползла вверх. Рождаемость, упавшая до 14.7% в 1933 г. (т. е. бывшая приблизительно на 3% ниже французской), достигла 18% в 1934 и 19% в 1936.

МЕРЫ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Некоторые неомальтузианские экономисты признают, что теоретически было бы лучше не контролировать рождаемость, но говорят, что жизнь заставляет их требовать применения противозачаточных средств. Политики, наоборот, даже если и разделяют взгляд Плозоля на желательность падения рождаемости, говорят, что жизнь и будущее их государства требуют увеличения народонаселения. Два диаметрально противоположных взгляда двух родных между собой наук на один и тот же вопрос.

Франция, в которой вопрос с падением рождаемости обстоит наиболее остро, уже многие годы посвятила на изучение его, и многие государственные деятели пытались и пытаются соответствующими мерами обеспечить будущее страны потомством.

Закон 17-го июня 1913 г. даёт матери право на 4-х недельный отдых после родов и предусматривает пособие в размере 1.50 франка в день. Закон 1917 г. даёт матери-работнице право на одночасовой отпуск ежедневно для кормления ребёнка.

В 1918 г. созывается в первый раз общее собрание Центрального Комитета Лиги Многочисленных Семейств. В 1919 г. вновь утверждённый закон даёт нуждающимся матерям (работающим или безработным), кормящим грудью, право на ежемесячное пособие в размере 15 франков. Создаются специальные общества, по примеру страховых, гарантирующие за небольшой ежегодный взнос врачебную помощь на дому во время родов. Создаются специальные школы для матерей. В 1919 г. государство учредило особые ссуды на постройку дешёвых квартир для семей, имеющих свыше трёх детей младше 16 лет. Был открыт кредит в 15 миллионов, из которых один Париж получил пять. В Академии Медицины (*) делаются доклады, предлагающие меры борьбы с падением рождаемости и порицающие искусственный контроль деторождений. Выписавшись из родильного дома, женщина, не имеющая средств, может ходатайствовать о принятии её и её младенца в специальные муниципальные убежища, или в Дом Матери, основанные по типу Дома св. Марии в Париже, где 600 будущих матерей и матерей, кормящих грудью, могут оставаться до того, пока младенец не выйдет

(*) Couveilare: Des mesures propres a eleve le taux de la natalite.

из грудного возраста (*). Закон 1913 г. предусматривает ежемесячные пособия в 20 фр. на ребёнка, начиная с третьего ребёнка.

Ренэ Масс (**) цитирует случай, когда экономические меры давали положительные результаты. Наполеон в 1813 г., освободив всех новобрачных мужей от воинской повинности, увеличил количество рождений в 1814 году на 100.000. Не так давно было замечено, что брачность среди вдов военного сословия обратно пропорциональна льготам, освобождающим от службы их сыновей. На Мадагаскаре рождаемость возросла с 38,3% в 1900 г. до 51% в 1903 г., после того, как губернатор острова объявил о предоставлении важных привилегий отцам многочисленных семейств. Закон Лемира, упростивший формальности при заключении брака, был причиной увеличения брачности на 20.000 браков в течении двух лет. Все эти меры, однако, не дали во Франции желаемых результатов, и в 1936 г. смертность превысила рождаемость на 12.080 душ, несмотря на то, что в этом году процент смертности во Франции был ниже, чем когда-либо. Закон 1920 г., воспрещающий распространение противозачаточных средств и их рекламирование, тоже не дал положительных результатов. Все это заставило политических деятелей признать, что бороться одними экономическими мерами со злом, коренящимся глубоко в психологии современного человека, невозможно.

В Германии почти те же экономические мероприятия дали весьма и весьма ощутимые результаты, но тут, как мы уже говорили, семя упало на плодородную почву. Психология немца и психология француза сильно разнятся за последнее время. Довоенная Германия вела такой же рассеянный образ жизни, как и прочие её европейские соседки, и те из эко-

(*) Weill-Halle: Hygiene sociale du nourrisson.

(**) Rene Masse.: La production des richesses.: pp. 192–193

номистов, которые желали увеличения рождаемости в стране, предлагали уже известные нам методы: поддержку средних классов, дающих наибольший прирост населения, прибавку жалования семейным, постройку дешёвых квартир, недостаток которых сильно понижает рождаемость. Но особенно подчёркивалось значение религии как единственной силы, способной заставить людей изменить свой взгляд на вещи. Не все экономисты, однако, признавая всю важность религиозного фактора, верят в то, что он сможет сыграть роль в современном обществе.

По словам Юлиуса Вольфа (*), шансы вырвать массы из рук рационализма с его доводами — совершенно ничтожны. Гитлер, однако, доказал на деле, что национализм может представить собой моральную силу, равноценную в этом вопросе религиозному стимулу, способную совместно с энергичными мерами экономического порядка поднять рождаемость.

Мысли, высказанные им в „Моей борьбе“, кристаллизованные и снабженные рекламной динамикой, были брошены в самую толщу нации посредством речей, митингов, радиопередач, журналов, газет и театра.

Немецкая молодёжь узнала то, чего не знает, в чём сомневается и чему не верит молодёжь — как ни коммунистически звучит эта фраза, но что ж поделаешь — молодёжь капиталистических стран. Ей было сказано, и не раз, что любовь искренняя и сильная — важнее соображений о денежном браке, что брак по расчёту — позор, что роскошь не нужна здоровой семье, что место женщины у домашнего очага, а не в конторе, что многодетность — долг

каждого гражданина, любящего свою родину. В это же самое время исчезли все журналы и книги, проповедующие узкоэгоистические взгляды на любовь и отказ от семьи.

Государство давало каждой новобрачной тысячу марок как компенсацию за её службу, которую она бросала ради семьи, предоставляя вакантное место мужчине. За каждого ребёнка скашивалось 25% одолженной суммы. За три года в Германии было зарегистрировано 700.000 браков на этих условиях, давших стране 500.000 детей. Самое важное, однако, во всём этом, отнюдь не материальная помощь новобрачным, которая значительно меньше, чем во Франции, по признанию самих французов (*), но моральная поддержка, оказываемая отцу многочисленного семейства.

Das Wille zum Kind — Воля к ребёнку — проповедуется повсюду. Многодетные семьи не ждут материальной выгоды от своих детей, что было бы несовместимо с человеческим достоинством, но социальной справедливости, не позволяющей отцу многочисленной семьи оставаться безработным. Этот оптимизм и вера в справедливость дали свои плоды. Германия с коэффициентом рождаемости 1933 г. имела бы 47 миллионов жителей в 1980 г., теперь она избегла этой участи. Её скульпторы и художники в своих творениях, изображающих семейный быт, лепят и пишут сцены с четырьмя детьми по крайней мере, и это не смешно и не наивно, т. к. в психологию зрителя всё больше и больше внедряется сознание необходимости иметь много детей. Брачный возраст современной Германии — 23 года. Ради этого сокращаются программы учебных заведений, и число учащихся значительно упало за последние годы. В 1900 г. 8.000 студентов имели степень бакалавра, в 1932 г. их было 45.000, а в 1936 г. — уже 20.000. Надо признать, что своей цели Германия добилась, успешно доказавши сво-

(*) Les naissances en Allemagne hitlerienne

ей соседке, что в вопросе рождаемости можно добиться гораздо большего, работая в направлении переустановки всего мирозерцания, чем пытаясь соблазнить супружеские пары на многодетность экономическими выгодами. Дух всё ещё оказывается выше материи.

Россия сегодняшнего дня наконец оглянулась назад и решила пересмотреть свою демографическую политику; или, вернее, отсутствие её. Здесь мы не будем затрагивать вопроса о результатах законов о браке в России до 1936 года, заметим только, что с 20 июня 1936 г. изданы законы, разрешающие аборт только в том случае, когда роды угрожали бы жизни матери, или в случае серьёзной болезни, передающейся по наследству. Законы о разводе значительно усложнены, и предусматривается ряд наказаний для отцов, не желающих платить алименты, которые определяются в одну четвёрть заработка отца для одного ребёнка, в одну треть для двух и в половину для трёх и выше детей. Мы сомневаемся, чтобы этими полумерами Россия увеличила свою рождаемость, которая, по вычислениям Саватье, упала с 40 до 17 душ на тысячу жителей. Нигде в других странах подобные мероприятия успеха не имели, даже во Франции, где система помощи многочисленным семьям разработана очень хорошо. Мы сейчас видим Германию, Италию и Японию, успешно разрешающих свои демографические затруднения. В Италии рождаемость стимулируют католицизм и фашизм — национализм и религия. В Германии и Японии национализм отождествляется с религией и выполняет ту же задачу. Для нас есть только два выхода: православие или национализм.

Но так как трудно совместить интернационализм с национализмом, или Православие с безбожным материализмом, то выхода при современном положении вещей не видно. Мы увидим в следующей главе, насколько новое мирозерцание внедрилось в психологию масс. А казалось бы, что вопрос о вертикальном падении кривой нашей рождаемости должен иметь большое значение для политического будущего Российского государства.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В современном Мире политические условия требуют мощной армии, т. е. многочисленного населения, ежегодный прирост которого обеспечен. С этой точки зрения падение рождаемости рассматривается как нежелательное, даже опасное явление. Рождаемость в современных государствах падает главным образом от интенсивного применения противозачаточных средств, что, в свою очередь, объясняется характерным для нашей эпохи, но наблюдавшимся и раньше, мирозерцанием. Соответствующими мерами возможно поднять коэффициент рождаемости, для этого демографическая практика предусматривает действие в двух направлениях:

1) Предоставление льгот многодетным семьям с целью облегчения их экономического существования и поощрения бездетных пар к деторождению. Эта активность развивается в исключительно материальной плоскости, и как видно из практики, сама по себе не дает желаемых результатов.

2) Борьба с материалистическим мирозерцанием, уничтожение неомальтузианской литературы, искоренение эгоистических взглядов. Распространение всеми мерами принципов классической государственности: крепкая семья, сознание долга перед семьей и государством и т. д.

Внедрение этой философии возможно осуществить двумя способами: через развитие религиозного чувства или национализма.

Ценность религии как фактора, поднимающего коэффициент рождаемости, была установлена статистическими исследованиями Юлиуса Вольфа. Ценность национализма была доказана с полной очевидностью в современной Германии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЕВГЕНИКА и КОНТРОЛЬ ДЕТОРОЖДЕНИЙ

Неомальтузианцы в своей литературе уделяют много внимания вопросу об улучшении расы, справедливо указывая на то, что нежелательные элементы общества имеют тенденцию размножаться быстрее, чем лучшие, с социальной точки зрения, классы. Евгеника в значительной степени находится под влиянием неомальтузианских идей и видит в искусственном контроле деторождений один из способов улучшить человечество качественно. Теоретически, проповедуя применение противозачаточных средств, прибегнув ко всем ухищрениям современной рекламы, можно значительно понизить рождаемость среди низших классов общества и тем самым уменьшить их численно. С другой стороны, следует всячески поощрять деторождение среди высших классов общества. Через известный срок, сорок-пятьдесят лет, состав каждой нации улучшится в физическом, интеллектуальном и моральном отношениях.

Так как преступность значительно увеличивается за последние десятилетия и замечена некоторая связь между преступностью и наследственностью, то следует первым делом применить подобные методы к преступникам. Возможно, конечно, положение, что преступники откажутся от применения противозачаточных средств. Как альтернатива, и как более действительное средство предлагается насильственная стерилизация преступного элемента.

Рост психических заболеваний и их вероятная наследственность также привлекает внимание евгеники, требующей стерилизации всех ненормальных. Блэйк Эгген (*) указывает на подавление сексуальности, характерное для периода, известного под именем Викторианского, в англо-саксонских странах, как на важный фактор в росте неврозов. Неомальтузианцы любят подчеркивать этот момент и стремятся к половой свободе индивидуума. Суммирование этих мнений, недостаточно проверенных научно, но как-то интуитивно воспринятых обществом и оправданных на основании тоже таких же общих, неопределённых соображений, и дало возможность возникнуть этому учению об улучшении расы неомальтузианскими методами. Евгеника, как наука, имеет представителей, разбитых на несколько лагерей. Наиболее серьёзные работники в этой области, не желающие применять на практике недостаточно изученные данные, которые не имеют даже права претендовать на звание законов, остаются в тени, и широкая публика о них мало что знает. Представители другой школы уже всё решили, всё открыли — по крайней мере, поступают они таким образом, как будто бы всё уже решено и изучено — и требуют широкого применения их выводов в жизни.

Стерилизация давно уже применяется в Америке, в некоторых штатах. В Германии с 1934 г. издан закон, предусматривающий стерилизацию больных наследственными болезнями: наследственное слабоумие, *dementia pæcox*, пляска св. Витта, психоз подавленности, эпилепсия, наследственная слепота, наследственная глухота, телесное уродство в сильной степени, алкоголизм. Основаны 205 низших и 26 высших трибуналов, занимающихся разбором дел

(*) Blake Eggen: Sex and insanity.

о стерилизации. К 31-му декабря 1934 г. 84.256 дел о стерилизации было возбуждено; 42.903 против мужчин и 41.052 против женщин. В 56.244 случаях была произведена операция и в 3,692 дело было прекращено. В общем 93,8 % всех возбуждённых перед трибуналом дел были решены в утвердительном смысле. Из этих случаев 45,7% стерилизованы по причине слабоумия, 26% — *dementia praecox*. 17,8% по причине эпилепсии, 2,9% — алкоголизма, 2,9% — психоза подавленности, 1% — телесного уродства, и менее 1% — по другим причинам.

Что же, однако, говорит статистика по этому поводу? Она, как почти всегда, противоречит неомальтузианцам. Лучшие вымирают благодаря постоянному употреблению противозачаточных средств. Средние классы уменьшаются численно по той же причине, а низшие относительно увеличиваются. И понятно почему. Для того чтобы противозачаточные средства достигли желаемых результатов, нужна известная рафинированная техника, особенно при применении механических средств, усвоить которую не так легко для малообразованного человека. Листовки с разъяснением способа употребления того или иного противозачаточного средства предполагают наличие известной сообразительности и некоторых элементарных понятий об анатомии влагалищного тракта у читателя. Встретить и то, и другое у человека с низшим коэффициентом умственного развития трудно. Чтобы привить применение противозачаточных средств среди низших классов, приходится прибегать к индивидуальной демонстрации в каждом отдельном случае, что и было сделано г-жой Стопс в Англии в своей клинике искусственного контроля деторождений. Понятно, что при недостаточном числе клиник и при численном превосходстве низших классов над более образованными, первые или вовсе ничего не знают о технике контроля

деторождений, или применяют таковую с меньшим успехом. Таким образом, контроль деторождений сослужил плохую службу расовой политике. Проводить неомальтузианскую пропаганду среди низших слоев населения тоже довольно трудно. Не скажешь ведь всем им, что они должны перестать множиться, т. к. представляют собою нежелательный для общества элемент.

Что касается поощрения рождаемости среди представителей высших классов общества, то и тут приходится сталкиваться с большими затруднениями. Во-первых, экономические условия не имеют большого значения здесь, т. к. мы имеем дело в большинстве случаев с состоятельными людьми. Допустим, однако, что экономический вопрос заставляет подобную семью отказывать себе в потомстве. Прожиточный минимум, требования, предъявляемые к жизни у этой семьи таковы, что государство не в состоянии восполнить, хотя бы даже частично, пробелы в семейном бюджете, вызванные рождением ребёнка. Вся система социальной помощи матерям рассчитана на беднейший класс. Один из французских законов, изданных с целью спасения рабочей семьи, предусматривает ежемесячное пособие размером в 15 франков, выдаваемое матери, кормящей грудью своего ребёнка. Многодетная семья может получить дешёвую квартиру в специально построенных муниципалитетом зданиях для неимущих. Очевидно, что эти меры не могут иметь никакого действия на психологию четы, которая решила отказаться от ребёнка, чтобы купить автомобиль или новый сэт мебели для своего особняка.

Государство не может создавать две шкалы денежных пособий для бедных и для богатых. Одной матери давать 15 франков, потому что она принадлежит к низшему, интеллектуально и экономически, классу, а другой — казённый автомобиль.

Даже если практически социальная справедливость является в достаточной мере мифичной в современном обществе, подобное распределение пособий, утверждённое законом, было бы чересчур шокирующим. Мы видим, таким образом, что экономическими мерами поднять рождаемость среди высших слоёв общества почти немислимо. Чувство патриотизма и преклонение перед расой и её будущим могли бы служить мотивом к деторождению. Но пока что больших успехов в этой области достигнуто не было. Остаются ещё не разрешёнными вопросы: Как сильно патриотическое чувство среди высших классов? Сильнее ли оно у них, чем у низших? Существует ли оно вообще? Если да, то интенсивнее ли оно, чем чувство эгоизма, который достигает своего полного развития именно в этом слое общества? Вопросы эти не разрешены. Пока что заметим, что чересчур изнеженная жизнь и недурная техника в применении противозачаточных средств уничтожают лучших. Контроль деторождений оказался не евгеничным, а дисгеничным.

Уже было замечено некоторыми писателями, что серьёзные евгенисты при изучении вопроса об улучшении расы почти все неизменно приходят к заключению, что таковое может быть достигнуто исключительно духовными мерами. Нужно духовно переродить расу, дать новую ориентацию её исканиям. Неомальтузианцы не желают признать это и, как всегда, идут по пути наименьшего сопротивления. Лучшие будут продолжать вымирать.

В 1921 году Л. Дарвин, сын великого английско-го натуралиста, писал: „те из молодых людей сегодняшнего дня, которых природа одарила блестящими способностями, почти наверняка добьются в недалёком будущем почётногo положения, в противоположность своим наименее одарённым соперникам. С другой стороны, члены малодетных семей

будут всегда иметь более законченное образование и более обширные средства в начале своей карьеры, что даст им возможность легче добиться успеха в жизни. По мере того, как одни поколения будут сменяться другими, эти два селективные процесса будут становиться все более и более действительными. Поэтому среди высших классов все чаще и чаще будут встречаться сочетания этих двух моментов: блестящие способности и тенденция к ограниченному потомству. Эта тенденция была бы порождением естественного бесплодия и чрезмерной заботы о будущем ещё не родившихся детей. Отсюда легко предвидеть, что в противоположность малоодарённым классам, более одарённые будут всё более и более уменьшаться численно, что повлечёт за собой неминуемый и прогрессивный упадок расы“. Такова весьма вероятная картина будущего. Подобное сочетание способностей и бесплодия в будущем невозможно. Сейчас же некоторые данные, приведённые Гутенере, противоречат неомальтузианским априорным утверждениям. Доктор Хантингдон, изучивший в 1922—26 гг. отчёты академических успехов 1700 студентов Йэльского университета, нашёл заметный параллелизм между успехами юноши и многодетностью семьи, к которой данный студент принадлежал.

Наиболее низкая успешность была замечена именно у единственных сыновей, наиболее высокая — у студентов, принадлежащих к семьям, имеющим шесть и выше детей. Эти данные касались как академических, так и спортивных успехов. Также наиболее блестящие карьеры были замечены у университетов, имеющих в три раза больше детей, чем у менее преуспевающих в жизни. А. Белл в своём труде „Продолжительность жизни и её условия“, изданном в 1918 году в Вашингтоне, указывает на изученную им семью Хайд, имеющую 2964 члена. Здоровье

и продолжительность жизни детей каждой семьи возрастают в прямой пропорции к их числу, и так до десятого и даже двенадцатого ребёнка. С другой стороны, физиологическая бедность у единственного ребёнка встречается довольно часто (*). Очевидно, нужно признать, что теоретические выгоды для единственного ребёнка в жизни не существуют. И для ребёнка лучше родиться от родителей, имеющих много детей и не исповедующих неомальтузианства. Как говорят французы: нужно быть очень осмотрительным в выборе своих родителей.

Вопрос о низших классах общества и о нежелательных элементах чрезвычайно затруднён тем, что мы не знаем, что такое нежелательный элемент. Кого нужно стерилизовать или снабжать противозачаточными средствами и кому нужно говорить: размножайтесь и благоденствуйте. Этот вопрос разрешается тем легче, чем менее человек знаком с ним, чем дальше он стоит от науки и чем менее он ответствен за высказываемые им мнения. Неомальтузианцы хотят уничтожить всех бедных, т. к. бедность, согласно взглядам некоторых социологов, является признаком низкого умственного уровня и отсутствия приспособляемости к жизни. Заметим опять, что г-жа Сэйнджер не возглавляла бы сегодня неомальтузианское движение в Америке, если бы к её отцу, бедному каменотёсу, был применен этот закон. Опять, те же социологи говорят, что бедность — понятие весьма относительное. В разных странах и в разных эпохах понятия о бедности весьма различны. Бедность к тому же и психологическое явление. Каким образом определить бедность данного индивидуума? В Америке, например, с её сравнительно высоким уровнем жизни, мало зарабатывающий человек, принуждённый отказывать себе в более обычных

(*) Dr. Weill: Introduction a l'etude de la primogeniture. Paris, 1928. Cite par Guchteneere.

видах жизненного комфорта, будет считать себя де-классированным. Неужели и его стерилизовать? А в каком положении очутилось бы студенчество подобной страны? Там, где радикальные неомальтузианцы требуют стерилизации „бедняков и прочих дегенератов“, ничего не зарабатывающие студенты должны были бы попасть в первую голову на операционный стол. Очевидно, что подобная классификация совершенно абсурдна. По крайней мере, со студенческой точки зрения.

Более серьёзно был изучен вопрос о коэффициенте умственного развития, и было сделано предложение стерилизовать всех находящихся ниже определённого умственного уровня. Теоретически подобное предложение имеет некоторый интерес. Бельгийский профессор Манка (*), комментируя труд о. Луи-Мари по вопросам генетики, резюмирует классификацию умственных способностей индивидуума по методу Бинэ и Симона. Коэффициент умственного развития, или интеллектуальный коэффициент, И. К. равняется 100 у нормального человека. Коэффициент от 0 до 20 определяет идиота, от 50 до 70 слабоумного, 125 — хорошо развивающегося человека, 150 — талантливого и 175 — исключительно одарённого человека. Согласно Манка, в Соединённых Штатах сейчас имеется около шести миллионов людей, коэффициент умственного развития которых колеблется между 50 и 70; идиоты менее многочисленны. Начиная с какой цифры должно начинать стерилизацию?

Стерилизовать шесть миллионов слабоумных нелегко, да и подобный акт не был бы оправдан достаточно солидными доводами. Во-первых, у слабоумных родителей могут быть вполне нормальные дети. Стерилизация шести миллионов взрослых людей лишила бы страну значительного потомства,

(*) М. Manquat: Heredite.

имеющего все шансы быть нормальным. Конечно, с точки зрения неомальтузианской подобный довод не имеет цены, т. к. уменьшить рождаемость является их целью. Затем, практического значения для улучшения расы подобная стерилизация не имела бы, т. к. подавляющее большинство индивидуумов, попавших под классификацию хотя бы третьего Рейха, уже самой природой осуждены на вымирание. Идиоты, слепые наследственной слепотой и глухие только в редких случаях имеют потомство, и отнюдь не верно общепринятое мнение о повышенной плодовитости этих лиц. Доктор Фернальд „Уэверлийского Института для Слабоумных“ говорит, что многие из его пациентов женаты, и мало кто из них имеет больше одного ребёнка на семью. Причем все эти браки между слабоумными дали лишь известный процент психопатов; большинство детей были нормальными. Д-р Хоу (*), изучавший идиотов, проживавших в Массачусетсе в 1848 году, оставил интересный материал с указанием фамилий больных. Теперь в этих деревнях нет ни одного психопата, носящего указанные фамилии. Возможно и вероятно, что природа заботится сама об удалении умственно больных, препятствуя их размножению.

Правда, у просто слабоумных, у страдающих циркулярным психозом, у эпилептиков и, особенно, у алкоголиков задерживающие центры ослаблены, и среди них замечается повышенная рождаемость. Однако и здесь не стоит поступать с излишней поспешностью, т. к. очень мало известно о наследственности этих болезней. Например, только 10% всех эпилептиков рождаются от страдающих эпилепсией родителей (**). Неомальтузианцы вообще чересчур полагаются на непогрешимость законов о наслед-

(*) Guchteneere: Linibotion des naissances.

(**) Dr. R. Grimm: Volksaufzucht, p. 13.

ственности, несмотря на то, что последние изыскания заставляют нас быть очень осторожными, делая какие бы то ни было обобщения и утверждения в этой области. Довольно многие патологические явления, которые раньше приписывались безоговорочно дурной наследственности, объясняются теперь бластотоксией (случайные или хронические повреждения зародышевых клеток или органов зачатия, которые влекут за собой изменения целостности плода, или болезнями грудного возраста.

Д-р Вербэч пишет: „В общем, диагноз наибольшей вероятности, если не неизбежности, унаследования некоторых опасных болезней среди некоторых групп больных и ненормальных индивидуумов будет всегда трудным, если не невозможным. Причины тому многочисленны и сложны: недостаточная точность законов наследственности, возможность скрытого существования опасных наклонностей в прямой линии потомков и шансы на их исчезновение в последующих поколениях под влиянием удачных браков, трезвости, гигиеничной жизни, соответствующего нравственного воспитания и действительной терапии. Наконец, и главным образом, трудно определить у ненормального или больного субъекта, что именно является причиной его болезни или опасных наклонностей, наследственность ли или бластотоксия, или же наследие инфекционной болезни, перенесённой в детском возрасте”.

Очевидно, что в случае бластотоксии, пишет д-р Гутенеере (*), болезненные явления отнюдь не являются наследственными. Представить себе подобное явление нетрудно. Предположим, что здоровая женщина, зачавшая ребёнка, заболевает какой-нибудь инфекционной болезнью в такой степени, что патогенный организм поражает зародыша (бластотоксия), не убивая его, однако. Зародыш продолжа-

(*) Guchteneere: Op. cit, p. 131

ет развиваться, и в указанный природой срок появляется на Божий свет полууродом. Уродство ребёнка будет объяснено дурной наследственностью, и до того, как возможность бластотоксии была доказана, все уродства у новорождённых, которым не было очевидных объяснений, объяснялись именно этим образом. Гутенеере говорит, однако, что бластотоксические феномены встречаются значительно чаще, чем болезненная наследственность. Тяжелые роды сравнительно часто оставляют следы на новорождённом, которые могут быть впоследствии приписаны дурной наследственности. Японский гинеколог Хидео Яги сообщает, что из 69 новорожденных, принятых им, 29 находились в состоянии асфиксии после тяжёлых родов и имели впоследствии признаки умственного и нервного расстройства. Ридберг утверждает, что одной трети детей, представляющих синдром кровоизлияния в мозг при рождении, суждено быть идиотами на всю жизнь. Особенно часто это замечается у первенцев. Все эти соображения значительно ослабляют позицию неомальгузианцев.

Нельзя же, действительно, требовать стерилизации нескольких миллионов людей, основывая это требование на якобы научных данных, в то время как наука сомневается во многих из положений, касающихся наследственности.

Также неопределённо обстоит вопрос со стерилизацией преступников. Преступность во всем Мире постепенно возрастает, так думают некоторые социологи и, по всей вероятности, они правы. Причиной тому являются бедность, развал семьи, несправедливые и тяжёлые условия труда, сгущённость населения в городах, увеличивающая соблазн и облегчающая совершение преступного акта, несовершенное законодательство, дефективное нравственное воспитание или полное отсутствие его, безнравственные развлечения. Все это классиче-

ские объективные причины и условия преступности. Слабоумие, буйный темперамент, состояние опьянения, страсти являются субъективными причинами её. Такова классификация Доу. Заметим, что в некоторых из этих причин повинно неомальтузианство. Например, развал семьи через возрастающее количество разводов. Нами уже было указано на наличие связи между разводами и контролем деторождений.

Английский социолог Чарльз Боринг, исследовав 3.000 английских преступников, пришел к следующим выводам: (*)

1) Связи между болезнью и преступностью нет. Преступники являются в большинстве случаев здоровыми людьми.

2) Заметная связь между преступностью и безумием существует, но безумие не является причиной преступности.

3) Эпилепсия имеет определённое отношение к преступности.

4) Алкоголизм является весьма важным фактором.

5) Половая распущенность и преступность тесным образом связаны.

9) Преступные наклонности унаследуются приблизительно в той же мере, что и другие качества и недостатки.

Заметим здесь же, что половая распущенность, согласно мнению некоторых американских авторов, сильно возросла с распространением противозачаточных средств. Что и неудивительно. Интересно, в какой мере неомальтузианство ответственно за рост преступности?

Английский психиатр Чарльз Мерсье (**) также утверждает, что безумие не обязательно ведет к преступлению. Он добавляет, что вид безумия, наиболее часто и непосредственно ведущий к соверше-

(*) Dow: Society and its problems, p. 599.

(**) Charles Mercier: Crime and insanity, pp. 43–46.

нию преступления, — это безумие опьянения. За девять лет в Англии 1.750.000 человек были осуждены за проступки, совершённые в состоянии опьянения. Алкоголь, по его мнению, является одним из многих ядов, способных вызвать безумие, временное или постоянное. Чтобы быть логичным неомальтузианской логичностью, нужно было бы потребовать стерилизации всех алкоголиков и уничтожения всех винокуренных заводов. Эпилептики совершают преступления, но не все эпилептики являются преступниками. Сумасшедшие не обязательно совершают преступления. Интересно, однако, насколько наследственна преступность, и правы ли неомальтузианцы, требующие стерилизации преступников? На этот вопрос ответил блестяще немецкий психиатр Иоганнес Ланге (*), являющийся сторонником стерилизации и предполагающий, что судьба и наследственность сильнее свободной воли человека. Ланге решил проверить на практике утверждения Галтона, сделанные им в 1876 году, что наследственность сильнее влияния окружающей среды. Галтон уже тогда писал о монозиготных и дизиготных близнецах, которые подтверждали правильность его гипотезы.

Монозиготами являются близнецы, рожденные от одного и того же оплодотворения яичка. Дизиготы суть плоды двух разных яичек, оплодотворённых двумя разными сперматозоидами в одно и то же время. Монозиготные близнецы удивительно похожи друг на друга. Они обладают одинаковой внешностью, болеют одними и теми же болезнями, имеют одинаковые или очень схожие взгляды на жизнь; их вкусы почти тождественны. При наличии наследственной болезни в семье они оба заболевают ею, или же оба остаются нетронутыми. Дизиготы ведут себя как два разных ребёнка, рождённые в разное время.

(*) Johannes Lange: Crime and destiny

Ланге предполагал отыскать монозиготных и дизиготных близнецов среди преступного мира и изучить их и их семьи. *A priori* можно было думать, что монозиготные близнецы будут оба преступниками, и из этого можно было бы заключить, что наследственность имеет почти абсолютное значение. Дизиготы должны были бы поступать независимо друг от друга. Изыскания, проделанные им, подтвердили его предположения. Им было исследовано тридцать пар близнецов, из которых тринадцать были монозиготами и семнадцать — дизиготами. Из тринадцати пар монозиготов оба близнеца каждой пары были преступниками и отбывали заключение в тюрьме. Из семнадцати пар дизиготов только в двух случаях оба были преступниками. Из этого можно было бы заключить, что наследственность имеет преобладающее значение. В случае с монозиготами Ланге считает, что 77% монозиготов будут оба преступниками, и только 12% дизиготов-близнецов попадутся в руки правосудия. На основании этих данных и возможно осудить голословные утверждения неомальтузианцев о наследственной преступности и их неизбежный вывод: стерилизация всех преступных элементов необходима.

Ланге говорит: „Мы создаем новые коды законов, не изучив серьезно основных вопросов ... мы принимаем исключительные по своей многогранности меры для охранения общества, мы стерилизуем тысячи преступников и требуем изоляции других на том основании, что у них понижена способность к самоконтролю, что делает их опасными для общества, но мы не знаем точно, кто должен быть стерилизован, а кто — постоянно изолирован. Наш метод работы с близнецами может доказать нам лишь то, что наклонности, ведущие к антисоциальной деятельности, развиваются в наследственной плоскости. Он нам ничего не говорит о механизме

унаследования этих наклонностей. Мы знаем, что подобные наклонности могут быть передаваемы потомкам целиком, но и могут возникать при новых скрещиваниях“. В 428 семьях преступников, изученных Ланге, один из каждых двенадцати братьев был преступником, т. е. приблизительно каждый двенадцатый ребёнок в семье. Другими словами, нет достаточных оснований стерилизовать преступника и пресечь, таким образом, рождение одиннадцати детей ради одной чёрной овцы. Конечно, неомальтузианцы возразят на это, сказав, что если эти одиннадцать человек не родятся, то общество многого от этого не потеряет, т. к. эти одиннадцать человек всё равно принадлежали бы к низшим слоям общества и, даже если бы не были преступниками, то ничего хорошего не сделали бы. Весьма возможно.

Однако это не является достаточным основанием отказывать им в праве появиться на свет Божий. Мы не будем здесь говорить о моральной стороне проблемы. Мы видим, что невозможно и несправедливо стерилизовать людей во имя правдоподобной, но не проверенной, гипотезы. Преступников мы имеем право изолировать, но не имеем право стерилизовать, т. к. расы мы этим не улучшим, а просто обескровим расу. Так же обстоит дело и с душевнобольными. Викторианская психология с её репрессией сексуальности отнюдь не может одна нести ответственность за рост психозов. Если, как говорит Блэйк Эгген, рост психозов в Англии между 1806—1881 г. г. объясняется именно этим, то чем же объясняется увеличение числа душевнобольных на 200% в Америке между 1850—1923 г. г., где викторианская психология не существовала, или же перестала существовать? Чем объяснить, по его же статистическим данным, рост психозов в Англии между 1904—1914 годами? Чем объяснить рост душевных

заболеваний вообще? Каррель (*) видит причину их в нездоровых условиях современной жизни, в нашей материалистической философии, в нашем ложном представлении о ценностях.

„Душевные болезни становятся угрожающими. Они более опасны, чем туберкулёз, рак, болезни сердца и почек, опаснее даже, чем сыпной тиф, чума и холера.

Опасность их не в том, что они увеличивают число преступников, но в том, что они всё больше и больше подрывают белую расу... Несомненно, что наша манера жить несёт с собой душевные заболевания... Условия, благоприятствующие развитию слабоумия и циркулярного психоза, особенно заметны в тех слоях общества, где жизнь беспокойна, нерегулярна и беспорядочна, где пища чересчур рафинирована или чересчур бедна, где часты заболевания сифилисом, где нервная система уже подточена, где уже исчезла нравственная дисциплина, где эгоизм, безответственность и разбрасывание в жизни обращены в закон, где естественный отбор более не существует. Вне всякого сомнения, имеется какая-то связь между этими факторами и появлением психозов.“

Усилия евгеники должны быть направлены в положительную сторону, а не в сторону разрушения и репрессий. Никогда ни один абсолютный монарх не мыслил подобного насилия над личностью, как это делают неомальтузианцы, проповедуя свободу. Раса не улучшится от того, что будут стерилизованы преступники и идиоты во имя непроверенных законов. Расе нужны люди. Качество процветает там, где есть количество. Не все, однако, понимают это. Нас лично поражает больше всего психология некоторых из английских авторов в этом вопросе. Цитированный уже нами блестящий английский психиатр Мерсье (**), автор „Преступления и безумия“, пишет

(*) Carrel: L'homme cet inconnu, pp. 184—187.

(**) Charles Mercier: Crime and insanity, pp. 215—219.

замечательные строки, направленные против оправдания детоубийства. „Это преступление, — говорит он, — направленное против принципа расы и добродетели ... детоубийство подрывает принцип пополнения общества ... если бы детоубийство не наказывалось, то одно из задерживающих начал у лиц, страдающих недостатком добродетели, исчезло бы, и цепи сексуальной нравственности были бы порваны“. Несколько дальше он говорит о необходимости искусственного контроля деторождений, без которого население превысило бы средства существования. Старая мальтузианская сказка! Как можно осуждать детоубийство с точки зрения благополучия расы и оправдывать искусственный контроль деторождений? Если мы отбросим в сторону моральный момент, то для нации нет существенной разницы в том, убит ли ребёнок до или после рождения. И в том, и в другом случае нация теряет одного гражданина. С расовой точки зрения искусственный контроль деторождений гораздо более преступен, т. к. он уничтожает в тысячу раз большее число детей, чем все детоубийства, взятые вместе. Что же касается половой распущенности, то и тут пальма первенства остается за миллионами людей, применяющими противозачаточные средства, а не за тысячей-другой мрачных детоубийц.

Как автор „Преступления и безумия“ ухитряется примирить два совершенно противоречивых утверждения в своей книге, для нас непонятно. С расовой точки зрения это преступление, с логической — безумие!

Каррель, все тот же великий Каррель, кумир медиков нашего времени, видит пути улучшения расы в поощрении лучших, в усилении их, в их воспитании, нравственном и физическом. Нравственные науки должны иметь место в Пантеоне наук. „Нравственное чувство — пишет он, — важнее ума. Ког-

да оно исчезает у нации, вся социальная структура начинает шататься. В наших изысканиях в области биологии человека мы до сих пор не предоставили моральным наукам того места, которого они заслуживают“.

А для того, чтобы воспитать сильных людей и улучшить расу, нужно серьезно изучить и применить в практической жизни биологические законы. Науке известны оптимальные условия для гармоничного развития человеческой личности, известны и те условия, в которых человек не может развиваться нормально. Есть условия, к которым человеческий организм примениться не может, как долго бы он ни находился под их влиянием. Каррель подчеркивает всю важность для создания сильной личности интенсивного применения и пользования всеми функциями нашего организма, особенно функциями применимости к окружающей среде, в физиологических границах, конечно.

„Упражнение адаптивных функций организма, функций применимости, – пишет он (*), – представляется нам необходимым для оптимального развития индивидуума. Наше тело находится в физической среде, условия которой изменчивы. Оно поддерживает свое внутреннее равновесие в этой меняющейся среде благодаря интенсивной органической деятельности. Эта деятельность не ограничена деятельностью какой-нибудь системы. Все анатомические единицы нашего тела реагируют на меняющиеся условия внешнего мира в направлении, наиболее благоприятном для продолжения нашей жизни. Возможно ли, чтобы такое общее свойство наших тканей оставалось виртуальным без вреда для нас? Не созданы ли мы для жизни в вечно меняющихся и нерегулярных условиях? Человек достигает своего высшего развития, когда он подвергается непогоде, когда он не досыпает порой и спит

(*) Carrel: L'homme cet inconnu, p. 277–279.

дольше обыкновения в другое время, когда его пища бывает временами обильной, а временами он голодает, когда ему приходится тяжёлыми усилиями завоёвывать свой хлеб и кров. Нужно также, чтобы человек развивал свои мышцы, чтобы он переутомлялся и отдыхал, чтобы он боролся и страдал, а временами был бы счастлив, чтобы он любил и ненавидел, чтобы воля его напрягалась временами, а иногда бы сдавала, чтобы он боролся с самим собой и с равными себе. Он создан для такой жизни так же, как и желудок создан для переваривания пищи. Только в тех условиях, которые заставляют все адаптивные процессы работать интенсивно, может он стать мужественным. Известна ведь физическая и моральная крепость тех, кто с детства знали разумную дисциплину и лишения и сумели применить к неблагоприятным обстоятельствам. Непосредственное наблюдение подтверждает тот факт, что наше оптимальное развитие требует активности всех органов. Поэтому ценность человека уменьшается всякий раз, как атрофируются адаптивные функции... Современному человеку душевное равновесие, ум, сопротивляемость усталости и нравственная энергия более нужны, чем мускульная сила. Приобретение этих качеств немислимо без усилий и борьбы, т. е. без совместных усилий всех органов тела. Необходимо также, чтобы человек не подвергался действию тех сил, к которым по природе своей он применить не может. По всей вероятности, аккомодация невозможна в отношении вечного беспокойства, умственного разбрасывания, алкоголизма, преждевременных сексуальных эксцессов, заражённого воздуха, фальсификации пищевых продуктов.“

До Карреля многие ученые видели в моральном воспитании человечества один из наиболее действительных способов улучшить человеческие расы. Каррель дал синтез биологических данных и нравственно-философских положений о человеке и о его развитии. Как и Ланге, он подчеркнул всё значение

наследственности для развития личности; он указал на то, что у семьи высшего типа больше шансов иметь детей, принадлежащих к этому же типу, чем у низко стоящей семьи, но он также подчеркнул то, что случай, имеющий место при соединении двух зародышевых клеток, даёт посредственных детей высокоразвитым индивидуумам и порождает гения в лачуге бедняка. Евгеника не может творить чудес, она только может направить в известных пределах развитие личности в лучшую сторону при условии, что эта личность появилась бы при оптимальных условиях. Евгеника не знает, будет ли ожидаемый ребёнок гением или безумцем, благодетелем человечества или гнусным преступником. Она не знает, что будут представлять собой следующие за первенцем дети, будут ли они похожи на него или нет.

У евгеники есть общие положения, касающиеся наследственности, но нет точных указаний, которые давали бы ей право браться за отточенный скальпель и стерилизовать человека против его воли. Евгеника есть наука об улучшении расы, но отнюдь не чёрная магия, не астрология, не гадание на картах или морских камешках. Рассматривая преступную чету, Ланге может сказать, что один из двенадцати детей, которые могут родиться у неё, имеет все шансы стать преступником, но мы не знаем, который из двенадцати будет им. Евгеника не знает этого, а тем менее неомальгузианцы. У высокого худощавого юноши, с плоской грудной клеткой, с малой вместимостью легких, с малокровным лицом больше шансов заболеть туберкулёзом, чем у юноши среднего роста с широкой грудью, с энергичным обменом веществ. Эта предрасположенность к туберкулёзу, однако, не дает право хирургу стерилизовать этого юношу на том основании, что у его будущих детей возможен туберкулёз. Мы знаем, что бедность, зима и скученность

большого города являются часто причинами, толкающими на преступления. Это, однако, не даёт нам права сажать в тюрьму всех бедных горожан с наступлением зимы. Несмотря на это, неомальтузианцы рассуждают почти что так. Усвоив их мышление, нужно было бы рассуждать следующим образом: все дети преступников могут стать преступниками. Поэтому нужно стерилизовать всех лиц, совершивших преступление. Также логично будет стерилизовать всех тех, кто, по всей вероятности, должны будут совершить преступления. Доринг говорит, что половая распущенность ведет очень часто к преступлениям. Филлис Бланчард, судья Линдсей и другие говорят, что применение противозачаточных средств ведет к половой распущенности. Кто применяет противозачаточные средства? Неомальтузианцы. *Ergo*, стерилизовать неомальтузианцев. Такова их логика!

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Евгеника делает много ценных указаний относительно качественного улучшения человечества. Некоторые серьезные евгенисты полагают, что нравственное воспитание является необходимым фактором. Каррель имеет серьёзные основания думать таким же образом. Лучшие умирают. Худшие размножаются. Преступность постепенно растёт. На рост психозов указывают некоторые авторитеты. Есть основания предполагать, что искусственный контроль деторождений играет некоторую роль в вымирании лучших классов общества, роль чисто техническую, конечно. Неомальтузианство, несомненно, повинно в этом постольку, поскольку оно является отражением материалистического мировоззрения. Остается недоказанным, но вероятным, предположение о возможном влиянии противозачаточных средств на некоторые виды преступности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

ЗАРОЖДЕНИЕ НЕОМАЛЬТУЗИАНСКОЙ МОРАЛИ

Трудно сказать, произошло ли яйцо от курицы или курица от яйца. Породила ли неомальтузианская мораль технику контроля деторождений, или же широкое применение противозачаточных средств и сопротивление, оказанное ему в моральной плоскости некоторыми организациями, побудило неомальтузианцев обосновать как-то свои положения и защитить от нападок моралистов искусственный контроль деторождений. Если рассматривать этот вопрос в ограниченном отрезке времени, то создаётся впечатление, что неомальтузианцы пытаются обелить себя задним числом. Сейчас пишется много статей и книг по вопросам половой морали, защищающих и оправдывающих неомальтузианскую точку зрения. Общего учения о нравственности применения противозачаточных средств пока ещё как будто нет. Неомальтузианские авторы трактуют вопрос различно. Некоторые пытаются оправдать искусственный контроль деторождений на основании общих положений классической морали. Другие требуют новой морали. Третьи вообще отрицают всякую нравственность.

Необходимо ли для неомальтузианства разрешить моральную проблему, поставленную их учением? По всей вероятности, да. Даже хотя бы из тактических соображений. В мире всё ещё имеется значительный

контингент лиц, у которых нравственное лицо неомальтузианства вызывает сомнение. Эти лица, находящиеся под влиянием той или иной школы моралистов, не могут принять неомальтузианства, так как оно противоречит голосу их совести. Постольку, поскольку неомальтузианство является движением воинствующим, ищущим новых сторонников, оно заинтересовано в том, чтобы склонить и этих лиц в свою сторону.

Хотя бы для них неомальтузианство должно как-то обосновать морально свои предпосылки. Нужно также предположить, что и химическая промышленность, заинтересованная в изготовлении противозачаточных средств и в их распространении, является стимулом для вербования всё новых и новых клиентов. Здесь вопрос разрешается вне моральной плоскости, а рассматривается как одна из задач современной рекламы. Если покупатель морально предубеждён против изготавливаемых препаратов, то задача распространителей заключается в том, чтобы устранить это предубеждение, показав, насколько морально применение противозачаточных средств. Так как современная реклама, с точки зрения морали, в большинстве случаев вполне безнравственна, то выдвинуть ту или другую систему аргументов в свою пользу не представляет собой большого труда.

Здесь мы рассматривали, однако, частный случай, ибо у нас нет никаких оснований обвинять лучших представителей неомальтузианства в подобных, не совсем эстетических, комбинациях. В общем, неомальтузианцы должны пытаться разрешить моральную проблему и по иным причинам. Моральная сторона неомальтузианства была с самого начала ахиллесовой пятой всей системы и подверглась сразу же нападкам моралистов. Укрепить свою позицию, ответить на полемику было необходимо; молчание

грозило бы гибелью всему движению. Некоторых неомальтузианцев мог интересовать моральный фактор их учения с чисто научной, философской точки зрения. Гутенеере также предполагает, что в глубине души неомальтузианцы чувствуют всю аморальность их учения и поэтому стараются как-то оправдать себя. Мы сомневаемся в этом. Некоторые неомальтузианские авторы вообще были принуждены затронуть моральный аспект вопроса, так как они создавали новую мораль, предполагающую разрушение старой. Здесь мы приводим некоторые наиболее интересные места неомальтузианской литературы, посвященной моральному оправданию движения.

Мария Стопс считает, что половой акт предназначен главным образом для духовного обогащения индивидуума, а отнюдь не для продолжения рода человеческого.

„Пол, — пишет она (*), — не предназначен прежде всего для размножения; он эволюционировал главным образом в интересах сочетавшихся индивидуумов, и функция размножения была последующим этапом эволюции. В наше время функции полового союза тройственны: Во-первых, в высшей степени тонкое и сложное интеллектуальное и духовное сочетание мужчины и женщины. Во-вторых, физическое обогащение, наслаждение и польза для обоих участников, получаемые от впитывания их организмами выброшенных железами секретов не только питательных и стимулирующих, но и служащих разрешению затруднений, нервности, и излечивающих бессонницу и прочие мелкие недуги брачной жизни. Секреты этих желез не имеют ничего общего с созданием зародыша. Они являются совершенно особыми секретами, вытекающими одновременно,

(*) M. Stopes: Roman Catholic Methods of Birth Control, p. 70.

но отнюдь не необходимыми для третьей функции полового союза. В-третьих, половой акт делает возможной встречу сперматозоида с женским яйчком.“

Нам совершенно неясно, почему функция размножения была последующим этапом эволюции. Классически принято думать, что функция размножения является основной в половом акте, иначе человечество прекратило бы свое существование.

Вообще, на основании каких данных Мария Стопс утверждает это? Как нужно понимать её слова? Значит ли это, что у пещерного человека сперва развивалось это „тонкое и сложное, интеллектуальное и духовное“ чувство, а затем уже половой акт эволюционировал и дошёл постепенно до функции размножения? На основании каких данных Мария Стопс утверждает, что именно духовное сочетание и прочие заманчивые фазы полового акта являются первостепенными, а функция размножения — второстепенной? Почему обмен секретами половых желез она считает более важным, чем деторождение? Возможно, что для одного определённого человека, эгоиста гораздо более важно осуществить „тонкое и сложное и т. д.“ с его спутником жизни, и „обогатиться“ физически секретами желез другого, чем продолжать род человеческий. Однако для природы отнюдь не важны два первых момента, и она создаёт человека и снабжает его органами оплодотворения, имея в виду, главным образом, сохранение вида. Она имеет в виду человечество, а не одного человека. Ясно, что для целей Марии Стопс лучше, чтобы этот вопрос рассматривался с её точки зрения, т. к., приняв за истину её три пункта, осталось бы только сказать: таковы факты. Такова природа. Морально то, что согласуется с биологическими законами. Следовательно, искусственный контроль деторождений морален, ибо он заботится главным образом о первых двух пунктах и отбрасывает третий, являю-

щейся наименее важным. Утверждения г-жи Стопс, однако, не доказаны. Их несомненное достоинство в том, что переставляя в ином порядке, с точки зрения ценности, три аспекта полового акта, они служат отправной точкой для доказательства моральности применения противозачаточных средств. С точки зрения биологии они фантастичны.

Бертранд Рассель (*) смотрит шире на вопрос и считает брак не просто половым союзом, но союзом, имеющим своей целью рождение и воспитание детей.

Ради детей социальная этика должна иметь достаточно силы, чтобы пресечь страстную любовь одного из родителей к третьему лицу. Иными словами, как только появляются дети, Рассель становится на путь классической морали. До появления детей может царить значительная свобода, добрачные половые сношения особенно рекомендуются им студентам, не имеющим возможности вступить в брак. Он даже не затрагивает вопроса о моральности применения противозачаточных средств, т. к. не видит в этом ничего, кроме чисто механического акта, не имеющего морального элемента. Его мораль также индивидуальна, и рассматривает счастье одного человека до появления у этого человека потомства. Маргарита Сэйнджер (**) более страстна и категорична в своих заявлениях. Она отрицает наличие Высшего Плана в мироздании и почему-то уверяет нас, что наука и философия разрушили устаревший концепт абсолюта. Возможно, что она основывает свои утверждения на устаревшей науке и философии. Христианская мораль уничтожается г-жей Сэйнджер одним росчерком пера. „То что они считают нравственностью, — пишет она, — мы считаем нравственным идиотством.“

(*) Bertrand Russel: Marriage and Morals: pp. 103–104 and 177

(**) M. er: The civilizing force of Birth Control

„Дух западной цивилизации восстает со всё время увеличивающейся энергией против подобной нравственности. В Мире моральном произошла революция, плоды которой мы только теперь начинаем вкушать. Мы больше не живём в небольшой, законченной и закрытой со всех сторон Вселенной, Божественная воля в которой была выявлена раз и навсегда небольшой группе представителей религии. Центр нашей Вселенной снизошел с неба на землю. Почти четыре столетия сущность нравственности подвергалась сомнениям и критике. Наука и философия разрушили устаревший концепт абсолюта. Все условия, определяющие поведение индивидуума, были пересмотрены. Этот новый мир, эта возникающая цивилизация создаются эмпирическим путём, путём опыта и ошибок. Мораль догмата и откровения, нашедшая свое отражение в католицизме, и принятая многими другими неразмышляющими религиозными организациями, многими так называемыми педагогами, многими ограниченными представителями медицины, даже некоторыми людьми, именующими себя социологами, потеряла теперь свой авторитет... Это не есть нравственность, заботящаяся о мелодраматических наградах и наказаниях, об абсолютном добре и зле, со своим нездоровым интересом к целомудрию и девственности, с её склонностью копаться в сомнительных мелочах половой жизни, но мораль, требующая, чтобы мужчина и женщина честно и реалистично взглянули на сокровенные задачи своей жизни, и разрешили бы их самостоятельно на основании личного опыта и желания при помощи разума, интуиции и честности. Искусственный контроль деторождений дает им в руки инструмент, требующий для своего успешного применения наличия разума и предвидения. Такой инструмент, требующий большого искусства жить, становится *ipso tacto* — силой, служащей для развития новой нравственности”.

Заметим прежде всего, что сила слога и выражений этой статьи объясняются ещё и тем, что она была напи-

сана приблизительно в 1928 г., т. е. в период увлечения России коммунизмом. Новая нравственность, устаревшие взгляды, свободная любовь, раскрепощение женщины! Все эти громкие фразы, написанные русскими буквами, теряют свою убедительность и чересчур напоминают нам наш собственный опыт, уже проделанный и уже неудавшийся. Маргарита Сэйнджер также проповедует полный эгоцентризм в нравственной жизни. Мораль метафизическая, возводящая свое здание на концепте абсолютного добра, отвергается ею как моральный идиотизм. Взамен этого она предлагает новую нравственность, мерилom которой будет счастье и развитие отдельной личности. Человек, жаждущий счастья, должен сбросить путы классической нравственности, в особенности нравственности теологической, которую так не любит Маргарита Сэйнджер. Ставши свободным, он сам будет иметь право определить нравственные нормы для самого себя и отделить нравственное от безнравственного. Нравственно то, по мнению многих неомальгузианцев, что ведет к большому счастью и свободному выявлению человеческой личности в жизни. Все эти определения очень туманны, как мы увидим ниже.

Как именно зародилась неомальгузианская мораль, определить с точностью трудно. Несомненно наличие нескольких факторов разной ценности, действующих одновременно или поочерёдно в различных комбинациях.

Неомальгузианская мораль отнюдь не является новой по своей сущности. В любую эпоху можно было найти тысячи людей, думающих и поступавших так, как это делают неомальгузианцы. Но до сих пор господствовала классическая философия с классической моралью, и тысячи практических неомальгузианцев предыдущей эпохи покорялись ей. Вельможа королевской Франции если и почитывал популярную в XVI веке книжечку „Искусники любви“ и сообщал некоторые

противозачаточные средства своей любовнице, то всё же считал это в глубине души делом греховным и шёл с беспокойным сердцем на исповедь. Неомальтузианская философия упразднила Бога, сделала исповедь ненужной и организовала в большом масштабе распространение противозачаточных средств.

Индустриальная революция способствовала развитию неомальтузианской мысли. Невероятные экономические условия в Англии, как это мы уже видели в первой главе, должны были сделать эту страну неомальтузианской. Бытие определяло сознание. Дух покорялся материи. Новый экономический строй стал враждебен семье, т. к. семейная жизнь по существу своему противоречит той интенсивной, безудержной и глупой трате энергии вне дома, которую требуют новые экономические условия. Семья не поддерживала бы ту гигантскую индустрию общественных увеселений так, как это делают холостяк и бездетная чета. Фортунат Стровский (*) посвятил следующие строки этой новой морали:

„Индустриальная цивилизация породила новую нравственность... У людей традиционной морали любовь, семья, домашний очаг и дети являются естественными основами регулярной и счастливой жизни. Но многочисленная семья принуждена экономить: к тому же она находит достаточно удовлетворения в совместной жизни и не ищет их в радио и фонографе. В крайнем случае она обходится и без электрического ледника. Поэтому индустриальная мораль не поощряет семейной жизни. Она одобряет незаконный брак и проповедует искусственный контроль деторождений; она ослабляет крепость брачных уз. И в то же время она относится враждебно к страстной любви и к наслаждению; она безжалостна к иллюзиям, заставляющим верить в счастье и мешающим искать его просто в материальном благополучии. Фабричная этика измеряет дух человеческий по результатам, достигнутым им в экономической

(*) Strowski: L'homme moderne: pp. 104–105

плоскости, и называет „гением“ и „святостью“ некоторое практическое чутье, лишенное всякой оригинальности и идеализма. Ренан задавал себе вопрос три четверти века тому назад: Будет ли Америка со своими обществами трезвости и гигиеническими добродетелями иметь то же место в мире, что малейшая из итальянских деревушек со всеми своими пороками в эпоху Возрождения ?“

КЛАССИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ

Здесь мы дадим очерк классического взгляда на вопрос об искусственном контроле деторождений, выраженного наиболее полным образом в тщательно разработанной и всё предусмотревшей католической морали.

Отец Пайен (*), один из самых выдающихся современных католических богословов и наш профессор медицинской деонтологии, разбирает этот вопрос с моральной точки зрения и приходит к тому заключению, что неомальтузианцы в конце концов смешивают два различных понятия — о пользе и о чести. С точки зрения неомальтузианцев, искусственный контроль деторождений морален, потому что полезен для человека с точек зрения экономической, евгенической и медицинской. Как мы видели, однако, из предыдущих глав, пользы для человека от искусственного контроля деторождений, именно, никакой нет. Для того, чтобы утверждать, что применение противозачаточных средств полезно для расы и для экономического развития страны, после того, что было уже сказано по этому поводу, нужно, по выражению одного английского писателя, смотреть косыми глазами в лицо истине. Если неомальтузианцы говорят, что искусственный контроль деторождений морален, ибо полезен, то, придерживаясь простой

(*) G. Payen: Deontologie medicale.

утилитарной морали, можно доказать, что он аморален, ибо вреден для человека и человечества.

Суть дела, однако, не только в этом, ибо с точки зрения христианской морали неомальтузианская философия грешит уже в своих предпосылках, утверждая, что половой акт создан не для деторождения, а, главным образом, для духовного развития индивидуума. Пайен говорит:

„Брак имеет своей первой, главной и существенной, если не исключительной, целью продолжение рода человеческого, и он достигает этой существенной, Богом определённой, цели в супружеском акте, который, в свою очередь, имеет присущей ему целью именно это благотворное продолжение рода. Половой акт, нормально осуществлённый, стремится сам по себе, если обстоятельства позволяют, к зарождению новой человеческой жизни: он стремится к этому так же, как зрение, слух, обоняние и осязание стремятся ознакомить нас с внешним Миром. Поэтому всё то, что до, во время или после супружеского акта препятствует оплодотворению и, следовательно, отклоняет от их существенной цели половые сношения, искажает и лишает законченности акт, предназначенный быть жизнотворным, направляет в сторону бесплодия то, что природа предназначила для оплодотворения, не может не быть серьёзной ошибкой, ошибкой противозаконной и ошибкой непростительной.

Это есть ошибка, ибо здесь — наличие беспорядка; ошибка очень серьёзная, ибо здесь мы имеем дело с вопросом первой важности; ошибка противозаконная, ибо наслаждение отделяется от цели, предназначенной Провидением для блага целого вида; и ошибка непростительная, ибо никакой предлог, ни тем менее довод, даже самый серьёзный, не могут оправдать то, что являясь злом по существу своему, не может стать добром или безразличным действием“.

Эти мысли разделяются также почти всеми виднейшими биологами прошлого и настоящего. Природа создала половые органы для продолжения вида и для того, чтобы план её осуществлялся человеком неуклонно, она связала половой акт с наслаждением. Католическая Церковь, осуждая искусственный контроль деторождений, делает это не для того, чтобы на Земле было как можно больше католиков, как это думает Берtrand Руссель и почти все протестанты, но действительно потому, что искусственный контроль деторождений является абсурдом с точки зрения метафизической морали, и, допустив его, католицизм допустил бы глупость <позволить ему> поселиться в его стройном, разработанном в этой области мировоззрении. Католическая Церковь не возражает ничего против полового воздержания в браке или применения метода Огино и Кнауса, ибо и то, и другое, с её точки зрения, не извращает половой акт и половой акт, когда он совершается, протекает так, как он должен протекать, без вмешательства со стороны человека.

Наша Православная Церковь разделяет взгляды своей западной Сестры на основании некоторых канонов и общих метафизических положений, но Она не разрабатывала их так детально.

„Брачная жизнь, — говорит проф. Покровский (*), — имея своей целью деторождение, никак не есть средство служения плотским пожеланиям; последние всегда только унижают человека, как духовно-разумное существо, и Церковь не может давать благословенье или свою санкцию на них. Она только допускает их, по законам физической природы, но не как цель, а как средство для достижения высших целей брака ... наличие детей в брачной жизни есть

(*) Проф. Н. П. Покровский: Курсь православнаго догматическаго богословія, стр. 128

её оправдание или смысл, а также и награда, вместе с подвигом; а отсутствие детей, если оно не зависит от родителей, всегда понималось и понимается как неблаговоление Божие, а если зависит от самих родителей, то это есть преступление, или извращение естественных целей брака, ведущее к вырождению человечества.“

Нас интересовал вопрос о возможности исключений из общего правила. Создав теоретически случай, который, как казалось нам на первый взгляд, оправдал бы применение противозачаточных средств, мы обратились к двум компетентным представителям обеих церквей за разъяснением. Вопрос был следующим: Предположим, что женщина, обладающая соответствующим темпераментом и желающая жить половой жизнью в браке, находится в таком положении, что новая беременность была бы для неё смертельной; предположим, что её болезненное состояние исключает возможность применения закона Огино и Кнауса, и в то же время состояние её здоровья не такое, чтобы врач мог запретить ей половые сношения вообще. Имеет ли врач в таком исключительном теоретически созданном случае право посоветовать ей применять противозачаточные средства.

Католическая мораль говорит: нет. Ради одного человека нельзя изменить закон, который по существу своему разумен и справедлив, ибо это закон самой природы. То, что аморально само по себе, не может быть моральным даже и в исключительном случае. А Церковь не может благословить действие, аморальное само по себе.

Наш православный богослов проф. Н. П. Покровский ответил подобным же образом на наш вопрос. Православная Церковь считает личность человека стоящей выше его страстей. В отдельном предложенном нами случае мы имеем дело с женщиной, достойной всяческой моральной под-

держки, всякого сожаления, но ради которой Церковь не может перевернуть всю иерархию духовных ценностей. Страдания этой женщины, с христианской точки зрения, являются попущением Божиим, и она должна нести свой крест со смирением, не пытаясь урвать от жизни еще кусочек чувственного счастья, преступая жизненные законы.

Ибо всё равно вне повиновения этим законам никакое личное счастье невозможно. Проф. Покровский подчеркивает то, что подобный взгляд не является сухим и официальным религиозным догматом, но живым и жизненным принципом христианской мысли, вкрапленным в лучшие творения великих писателей. В „Анне Карениной, например, можно найти психологическую, если и не техническую, параллель нашему теоретическому случаю.

„Толстой, — пишет проф. Покровский (*), — показывает нам в этом романе природу-Немезиду с её грозным законом: Мне отмщение и Аз воздам“ — показывает, что человек должен подчиняться вечным, роковым законам жизни, чтобы спокойно и, возможно, счастливо прожить жизнь; в противном случае, если человек осмелится пойти против них, он безжалостно гибнет: жизнь возможна только в согласии с нормами природы, и жизни вне их природа не терпит. Но законы эти не то же, что и „рок“, или слепая „судьба“ древних; они не таинственны, не темны и не неведомы человеку, даются ему в непосредственном сознании и известны ему с самою жизнью. От самого человека зависит — подчиниться им и быть, возможно, счастливым, или не подчиниться и погибнуть. Анна Каренина, героиня романа, могла бы и не погибнуть, могла бы прожить, если и не счастливо, то спокойно; но, отдавшись своей страсти и пожертвовав для неё всем, вопреки нравственным нормам жизни, она неминуемо должна была погибнуть.

(*) Проф. Н. П. Покровский: Очерки по истории новейшей русской литературы, стр. 139–141.

Анна Каренина была за нелюбимым мужем, сухим педантом, но честным человеком.

Правда, она не имела личного счастья любви, но это не давало ей права разрывать свой союз с мужем, тем более, что у неё от этого брака был уже любимый сын, в любви к которому она могла найти пищу для своего сердца и высокий смысл жизни.

На личное счастье любви способен и имеет право каждый человек, но не каждого природа дарит этим благом, и неполучение его нормальным, обычным порядком, не может служить основанием, чтобы идти к обладанию этим благом путем насильственным или искусственным. Очевидно, личное счастье, по законам жизни, не обязательно для всякого — оно может быть, но может и не быть. Анна же Каренина пожелала быть лично счастливой, независимо от того, что определила ей жизнь. Увлечшись Вронским и изменив мужу, она нарушила нравственный закон семейной жизни, и в эгоистическом наслаждении, именно, в чувственной страсти, поставила цель своей жизни. Однако, связь с Вронским счастья Анне не дала: встретилась масса всякого рода осложнений, препятствий, которые лишили её спокойствия и свободы и принесли ей постоянные волнения, тревоги, страх...

Счастье не там, где незаконные радости, а там, где сама жизнь с её вечными заботами и лишениями: таков закон жизни. В трагической кончине Анны нельзя, конечно, видеть только кару за измену супружескому долгу. Такое объяснение было бы близоруким. Мысль романа, несомненно, глубже.

Не потому Анна гибнет, что она оставляет своего мужа, а потому, что она хочет построить свою жизнь только на самолюбивом наслаждении: отдавшись своей страсти, она лишила себя возможности удовлетворения спокойных, прочных привязанностей и других источников счастья, а жить одной чувственной страстью невозможно даже потому, что такая страсть длиться долго не может. „Отмщение“, полученное Анной, не есть наказание сверхестественного мистического характера, не есть наказание особого рода, в том смысле,

как может понимать его обычное религиозное сознание: но это „отмщение“ есть возмездие естественного психологического порядка, неизбежный результат расстройств духовной жизни нормально-здорового человека. Анна Каренина глубоко несчастна от нарушения ею нравственных норм жизни; и что только она ни делает, каких только ни принимает мер, чтобы быть счастливой, но выше законов своей природы человек стать не может: и чем более Анна употребляет усилий для сохранения своего незаконного счастья, тем яснее сознаёт своё несчастье и тем мучительнее страдает.“

Вот что говорят по этому поводу Православие и Католицизм. Если природа отняла у человека право на простое, обыкновенное счастье, он должен искать утешения вне материальной плоскости, в Мире духовном. Там это утешение найти возможно, ибо дух выше материи.

Когда эта глава уже находилась в наборе, автором был получен ответ из Югославии от нашего православного богослова Проф. С. Троицкого, мнение которого весьма ценно. Автор приносит ему свою глубокую благодарность.

То же самое говорит и Проф. С. Троицкий (Христианская философия брака. Бѣлградъ, 1934. стр. 160. Издание на сербскомъ языкѣ.): „Отрицательный ответ мы должны дать и на вопрос о дозволительности предупредительных мер против беременности. Это следует, прежде всего, из общего выясненного выше требования христианской этики, чтобы наша воля и сознание не вмешивались в физиологические процессы, связанные с размножением, Это следует и из другой выше доказанной истины, что христианское учение о браке позволяет половое общение только в целях продолжения рода. Наконец, это следует и из недозволительности стерилизации.“

— Но это неосуществимо на практике, — могут нам сказать, и что пользы от таких неосуществимых фарисейских решений вопроса?

Но с тем же правом можно бы обвинить в фарисействе и Величайшего противника фарисейства, Который сказал: „Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением — уже прелюбодействовал с нею в сердце своем (Матф. 5,28). И неужели нужно портить компас вследствие того, что ни один корабль никогда не идёт абсолютно точно по прямой линии?“ „Допустив компромисс, — пишет он дальше, — мы тем станем на наклонную плоскость и покатаемся по ней от предупредительных мер к дозволенности детоубийства.“

Англиканская Церковь изменила свой взгляд на этот вопрос. В 1920 году англиканские епископы утверждали, что все научные способы контроля деторождений суть побудительные причины порока.

В 1930 году на Ламбетской конференции было заявлено: „Если зачатие было бы действительно вредным, и если имеется достойная и нравственная причина не следовать по пути полового воздержания, мы не можем осудить применение научных методов для предупреждения зачатия, когда они применяются с совестью и размышлением“ (*). После этого заявления моральный аспект вопроса в протестантской части Англии вышел из-под контроля церкви. В России моральный аспект вопроса до последнего времени существовать не мог. После того, как Ярославский доказал, что Бога нет, классическая мораль покинула пределы страны. Теперь чрезмерное и беспричинное применение противозачаточных средств будет объявлено аморальным с государственной точки зрения. Мы будем присутствовать при зарождении утилитарной морали.

Теоретики новой нравственности так боятся оков, налагаемых на их чувственность метафизикой, они

(*) M. Stopes: Contraception, p. 346.

так бояться потерять свою свободу в половой жизни, что поневоле им приходится доходить до крайностей в своих основных предпосылках. Крайности всегда опасны в философии, и поэтому их экзальтированные заявления подчас несерьёзны. Мария Стопс, Маргарита Сэйнджер и прочие поборницы новой морали много пишут о счастье, которого человек может достигнуть, освободившись от морали классической, издающей строгие законы в отношении половой жизни. Нужно, однако, заметить, что это счастье весьма проблематично и вряд ли может быть достигнуто применением презервативов даже самых лучших марок. Было бы точнее говорить о наслаждении, но в этой области искусственный контроль деторождений является только помехой.

Если строгая нравственность и бывает причиной неудовлетворённого желания в душе человека, то опять-таки неомальтузианцы не доказали ещё того, что всякое желание нужно удовлетворять. Вспомнить, что говорил один из отцов утилитаризма, Стюарт Милл: „Лучше быть неудовлетворённым человеком, чем удовлетворённой свиньёй, лучше быть несчастным Сократом, чем счастливым идиотом“. Не надо также забывать, что многие философы, не всегда разделявшие взгляды теологической морали, тем не менее верили, что счастье и добродетель идентичны. Так думали Платон, Аристотель, Эпикур, Сенека, Мальбранш, Лейбниц, Спиноза (*). Все люди разных школ, основатели разнящихся друг от друга философских систем!

Конечно, неомальтузианцы попытаются, да и пытаются уже, доказать, что применение противозачаточных средств является добродетелью, т. к. приносит с собой массу пользы для человека. Мы видели уже, насколько неверно это утверждение.

(*) Cuvillier: Manuel de philosophie, p. 292. Tome II.

Искусственный контроль деторождений может быть аморальным и в экономической плоскости только. Неомальтузианцы усиленно советуют применять противозачаточные средства среди скученных в нездоровых, сырых помещениях семей. Идя по пути наименьшего сопротивления, искусственный контроль деторождений отодвигает лишь на будущее время разрешение жилищного вопроса среди бедных классов и тем самым приносит вред обществу. Иными словами, он в данном случае аморален.

С точки зрения узко политической, он приносит вред государству, ослабляя его. Утверждения неомальтузианцев о благотворном влиянии противозачаточных средств на человеческий организм тоже неверны. Доказывать моральность искусственного контроля деторождения, базируясь на пользе, которую он приносит человечеству, просто невозможно, ибо он пользы не приносит. Если уж верить в то, что польза обуславливает моральность акта, то единственно, что можно признать, это большую нравственность искусственного контроля деторождения в отношении фабрикантов противозачаточных средств, которым он, несомненно, приносит большую пользу.

О Б Щ И Е В Ы В О Д Ы

Философия с самого начала своего существования чувствовала наличие одного стройного плана, по которому создавалась Вселенная. Позже она доказала логичность мироздания. Религия обязывала человека верить в мудрость творения Божия. Мораль — практическая наука, указывающая пути к слиянию с Высшим Порядком в мироздании, к подчинению законам Вселенной. Морально то, что направлено к осуществлению этой строгой стройности в жизни отдельного индивидуума и общества. Животные инстинктивно подчиняются этому закону.

Человек должен подчиняться ему разумно. Все, что направлено против закона — незаконно. Все то, что вносит беспорядок и отклоняет ход вещей от предначертанного им пути — аморально.

Искусственный контроль деторождений, ослабляющий волю человека, применяющего его, и убивающий семья, предназначенное для зарождения жизни, не может быть нравственным. Несправедливые экономические условия, в которых живёт часто общество, — аморальны, но бороться с ними должно всё-таки разумными средствами, а не принятием аморальных мер.

Бороться с безнравственностью безнравственными мерами, платить злом за зло, на гадость отвечать гадостью — может быть, всё это и подходит к библейскому, но не христианскому, изречению „око за око, зуб за зуб“, но всё же это недостойно того абстрактного *homo sapiens*, каким философия мечтает видеть человека.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА

УТВЕРЖДЕНИЯ НЕОМАЛЬТУЗИАНЦЕВ

Контроль деторождений необходим, чтобы сохранить здоровье, достоинство и жизнь женщины от угрозы постоянных и нежелательных беременностей; он будет иметь своим следствием падение значительной детской смертности, от которой страдают многочисленные семьи, и причина которой кроется в повышенной рождаемости. Контроль деторождений улучшит здоровье матери и понизит материнскую смертность.

„Это научный метод, улучшающий здоровье чety,“ — говорит г-жа Сэйнджер (*). Контроль деторождений благотворно влияет на психику как женщины, так и мужчины, и способствует счастливому браку. Боязнь зачатия ведёт часто к нервному расстройству. Половые сношения раньше были грубыми; теперь, по уверению г-жи Сэйнджер, искусственный контроль деторождений стремится заместить жадный наспех выполненный акт страсти благолепным ритуалом, предпринимаемым с соответствующей подготовкой, в условиях, которые подчёркивают его красоту и обеспечивают его удовлетворительное завершение (**).

(*) M. Sanger: Happiness in marriage, p. 207.

(**) M. Sanger: The civilizing force of Birth Control.

Здесь сгруппированы главные аргументы неомальтузианцев, охватывающие медицинский аспект вопроса.

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И РОЖДАЕМОСТЬ

Неомальтузианцы усиленно подчёркивают причинную связь между детской смертностью и рождаемостью. Многочисленное потомство неминуемо должно дать повышенную смертность. Богатые классы, например, имеющие мало детей, имеют и низкий процент смертности. Бедный элемент наравне с плодовитостью страдает от повышенной смертности детей. Отсюда заключение: повышенная рождаемость дает повышенную смертность.

Г-жа Стопс, изучая собранные ею статистические данные, говорит прямо: „Процент смертностей и выкидышей неуклонно растёт с общим числом беременностей, ясно подтверждая давно мною высказанный взгляд о том, что повторные беременности являются сами по себе причиной детской смертности, на которую не могут повлиять окончательно никакие окружающие условия“ (*).

В подтверждение этого взгляда г-жа Стопс приводит весьма интересную статистическую таблицу детской рождаемости и смертности. В её лондонской клинике регулярно регистрировались женщины, приходившие за советом и противозачаточными средствами. К июлю месяцу 1928 г. накопились сведения о десяти тысячах таких клиенток, из которых:

замужних женщин	9.912
незамужних	5
помолвленных пар	83

				10.000

(*) М. Stopes: Contraception, p. 427.

Из 9.912 замужних женщин у 8.252 уже были дети; 1.660 были бездетными.

Приблизительно две трети этих женщин имели нормальные половые органы (более полного исследования всего организма не производилось), у остальных дефекты половых органов были распределены следующим образом:

Пролапс матки	335	женщин
Природные дефекты	1.508	"
Разрыв шейки матки	1.321	"
			3.164	

Теперь займемся процентными отношениями, вычисленными г-жей Стопс:

			Детская смертность %	Выкидыши	Общий % несчастных случаев
У женщин, имевших одного, двух или трёх детей ...			4,76	7,21	11,97
имевших	4-х детей		7,01	14,46	21,47
"	5-х	"	8,04	15,65	23,69
... (*)			
"	10	"	13,59	16,57	30,56
"	11	"	14,34	16,37	30,71
"	12	"	19,29	19,95	39,24
"	13	"	22,00	18,00	40,00

Цифры как будто внушительные, и без критической их оценки не трудно прийти к тем же выводам, что и у г-жи Стопс.

Критику этих вычислений дал известный бельгийский врач д-р Рауль Гутенеере еще в 1931 г. (**), когда г-жа Стопс имела данные о 5.000 женщин. Мы

(*) Нами выпущены случаи с 6, 7, 8 и 9-ю детьми. Процентное отношение всё возрастает до 10 ев. и т. д.

(**) Guchteneere: Op. cit.: pp. 157–159

здесь проставили цифры, соответствующие её новым таблицам, во всём остальном цитируем Гутенее-ре дословно.

“...Процентные отношения, выведенные из этих таблиц, якобы ясно указывали, согласно г-же Стопс, на влияние повторяющихся беременностей на детскую смертность. Несколько замечаний достаточно будут для того, чтобы отдать должное этому заявлению. Прежде всего г-жа Стопс нашла весьма практичный, если даже и не научный, способ увеличить свои процентные отношения; не довольствуясь подсчётом детской смертности, она вводит в свои таблицы случаи выкидышей (*avortements spontanés*). Поступая таким образом, она смешивает две совершенно различные вещи, т. к. отнюдь ещё не доказано, что повторяющиеся беременности имеют какое-то отношение к механике физиологического аборта. Преждевременный перерыв беременности быть порождён целым рядом факторов, из которых наиболее важными являются местные и общие инфекции. Если статистические данные г-жи Стопс показывают, что случаи выкидышей особенно часты среди женщин, посещающих её клинику, следует заключить, что они нуждаются более в медицинском исследовании, чем в противозачаточных средствах.

Контроль деторождений, конечно, избавит их от последующих аборт, потому что он имеет своей целью предупредить беременность вообще; он не удалит, однако, патогенный элемент, который был причиной аборта. Ничто поэтому не оправдывает желание г-жи Стопс прибавить число аборт к статистическим данным о детской смертности, за исключением, разве, стремления сделать эти данные более красноречивыми.

Г-жу Стопс можно также упрекнуть в поспешности, которая, заставляя её делать заключения, подтверждающие её мнение, тем самым мешает ей

следовать правилам, которые являются необходимыми в каждом серьёзном статистическом исследовании.

Изучение таблицы клиенток указывает, якобы, по её мнению, на тот факт, что процент детской смертности и выкидышей растёт регулярно по мере того, как увеличивается общее число беременностей.

Но пациентура её клиники состоит главным образом из женщин, имевших мало или совсем не имевших детей. Так, например, из 10.000 случаев 1.748 женщин бездетны; 1.950 были беременны только один раз, 2.094 — два раза, и 1.554 — три раза. Матери многочисленных семейств встречаются у неё гораздо реже; 362 женщины имели шесть беременностей, 164 имели восемь; только 64 из них были беременны десять раз, и 38 женщин имели двенадцать беременностей, по тринадцати беременностей было только у 15-ти женщин.

Как можно производить серьёзные вычисления с такими разрозненными числами. Очевидно, что результаты должны дать благоприятные для автора цифры“.

Если и принять во внимание эти два критических замечания, которые в значительной степени смягчают ужасающие цифры, выведенные г-жой Стопс, то всё же остаётся ясным факт повышенной детской смертности у пациенток её клиники. Мы увидим ниже, что условия жизни играют здесь большую роль. Г-жа Стопс признаётся сама, что большая часть её посетительниц принадлежит к лондонской бедноте.

В 1933 г. двумя французскими профессорами Робертом Дебре и Пьером Жоаннон и их сотрудницей Кремье-Алкан был издан капитальный труд, посвящённый вопросу о детской смертности

и мертворождаемости (*), результат анкеты, проведённой по почину Лиги Наций в двадцати пяти определённых округах, разбросанных по Франции, Англии, Австрии, Германии, Норвегии и Голландии. Сбор сведений производился специальными комиссиями врачей в течение одного года. Собранные данные были затем классифицированы и разработаны на четырёхстах шестидесяти страницах. Они-то и послужат нам здесь руководством в изучении вопроса о наличии связи между детской смертностью и рождаемостью.

Прежде всего нужно заметить, что количество и многогранность факторов, входящих в этот отдельный вопрос, требуют и соответствующего метода и большей осторожности в интерпретации статистических данных. Как иллюстрацию сего мы приводим здесь несколько замечаний, сделанных авторами этого труда по поводу классификации неизбежных и избежимых смертей:

„Естественно, что для нашей классификации мы должны рассматривать каждый случай в отдельности. Два следующих примера разъяснят наш способ оценки фактов: мы не относим к избежимым смертям все случаи смерти от расстройства пищеварения, несмотря на то, что эта причина смерти почти элиминирована в странах с низкой детской смертностью вообще. Необходимо принять во внимание условия, в коих находились мать и ребёнок во время болезни последнего, и установить, могли ли быть действительно устранены причины заболевания. Мы не говорим, что все смерти, причиной которых был наследственный сифилис, суть избежимы, так как эта болезнь может быть легко опознана и излечена; мы должны исследовать условия, в которых находилась мать, и установить, мог ли сифилис быть своевременно опознан и излечен. Мы должны считать избежимыми только те смерти, которые могли быть

(*) Debre, Joannon, Cremieu-Alcan: La mortalité infantile et la mortinatalité.

предотвращены в данной среде и при данных обстоятельствах... Смерти, которые мы признаем неизбежными, составляют категорию, в которую входят не только все случаи, перед которыми медицина бессильна, но и те, причины которых мы не были в состоянии отыскать. (*)¹⁰⁹

Причин детской смертности и мертворождаемости много. Здесь мы приводим синоптическую таблицу причин избежимых смертей.

	Врождённый фактор	Преждевременные роды. Родовая травма
Болезни и несчастные случаи	Инфекционный фактор	Острые и хронические, общие и локализованные, специфическая и неспецифические инфекции.
	Диететический фактор	Всевозможные ошибки питания
Совершаемые ошибки, служащие причиной смерти	В период беременности	Переутомление работой. Отсутствие медицинского надзора до родов, отсутствие антисептического лечения, ошибки питания беременной женщины.
	Во время родов	Вмешательство неопытной повивальной бабки. Грязь. Недосмотр. Отказ от необходимого кесарева сечения, отсутствие медицинской помощи, ошибки родовспомогательной техники.

(*) Debre, Joannon: Op. cit.

В обычных условиях жизни новорождённого	Ошибки питания: прекращение кормления грудью, дефективное питание. Ошибки воспитания: отсутствие гигиены, неосторожность (простуда и т. д.)
В исключительных случаях жизни новорождённого	Отсутствие профилактики в отношении заразных болезней. Терапевтические ошибки.

Все эти причины в конечном итоге сводятся к трём группам основных причин, располагающимся следующим образом:

Основные причины	Экономического порядка	Бедность, порождающая переутомление матери, отказ от кормления грудью, грязь и т. д.
	Психологического порядка	Необразованность. Жадность, порождающая переутомление матери-работницы из-за её боязни потерять деньги за пропущенные дни и отказ от кормления грудью. Небрежность со стороны родителей. Пороки: алкоголизм.
	Санитарного порядка	Несовершенство санитарных муниципальных органов. Профессиональные ошибки врачей, акушерок, фармацевтов и т. д.

Все эти причины уносят много детских жизней ежегодно. Во Франции на 1000 жителей приходится 97 детских смертей, в Голландии наиболее низкая для Европы цифра равняется 60 смертям на 1000, в Новой Зеландии — 40%, причём болезни, ведущие к смерти, и различные виды родовой травмы распределяются следующим образом:

Болезни и прочие причины: (*)

Болезни матери, исключая			
родильную токсэмию	41,5%
Неправильное развитие		...	25,9
Родильная токсэмия	22,2
Физическое переутомление		...	10,2

Родовая травма: (мртворождённые дети)

Неправильные положения плода			0,8%
Сужение таза	18,0
Аномалия плаценты	15,9
Тяжелые роды по причине			
болезни плода	12,6
Аномалия пуповины	10,2
Аномалия матки	7,6
Прочие причины	4,5

Мы здесь не находим никаких факторов, которые указывали бы на то, что рождаемость сама по себе является причиной смертности.

Инфекционные болезни, как, например, корь, грипп, коклюш, сифилис и туберкулёз, уносят много детских жизней. Марфан (**) даёт следующее приблизительное процентное распределение этих причин смертности:

(*) Op. cit., pp. 314–318.

(**) Marfan et Lemaire: *Precis d'hygiene et des maladies des nourrissons*, pp. 1049–1052.

Сифилис	25%
Врождённая слабость организма					25%
Преждевременные роды, расстройство питания		25%
Катаральное воспаление лёгких					25%

Отказ от кормления грудью является одной из причин детской смертности. Вайл-Халле, сотрудник Марфана, утверждает, что 75% смертей в течение первого года жизни имеют своей причиной искусственное питание. Физическое переутомление матери играет также немалую роль в этиологии детской смертности. Кувелэр находит, что именно этот фактор ответствен за 84 недоношенных плода из 103 новорождённых детей, умерших в течение первых десяти дней после рождения. Смертность в течение первой недели после рождения значительно превышает (на две трети) мертворождаемость и (на одну треть) общую детскую смертность. Одной из главных причин первонедельной смертности являются преждевременные роды, которые, в свою очередь, являются результатом физического переутомления матери, сифилиса и т. д.

Факт чрезвычайно интересный и важный становится ясным по сравнению статистических данных, присланных из разных округов. Есть оптимальное число детей, приходящихся на каждую семью, при котором детская смертность понижается до известного уровня.

Здесь Мария Стопс почти интуитивно отгадала то, что она не смогла доказать и правильно формулировать.

Дебрэ и Жоаннон утверждают, что ранняя смертность находится в относительной независимости от коэффициента рождаемости при условии, что последний остается в средних, оптимальных пределах. В таком случае при наличии других факторов детская смертность может стать умеренной и даже низкой.

Когда же рождаемость чересчур низка или, наоборот, чрезмерно высока, детская смертность возрастает, в первом случае благодаря процентному увеличению числа первенцев, среди которых смертность выше, чем среди последующих детей, во втором случае — благодаря процентному увеличению числа детей, рождённых от пожилых матерей.

Следующая таблица даёт яркое представление об этом демографическом законе. Здесь приводятся цифры смертности от различных причин у первенцев, вторых, третьих, четвёртых и т. д. детей, на тысячу рождений в Англии (*):

на 1000 рождений	порядок рождений					
	первый ребё- нок	второй	третий	IV и V	VI и VII	VIII и выше
Мёртворождаемость и смертность в первый день .	54,19	30,97	29,18	45,13	77,62	169,16
Смертность от тяжёлых родов	20,66	4,97	3,65	6,77	5,09	25,19
преждевременных родов	17,66	9,56	12,16	20,31	38,17	75,58
врождённых дефектов	5,69	6,12	6,69	11,85	5,09	14,40
гастро-энтерита	4,49	3,06	3,04	8,46	5,09	25,19
бронхита и воспаления лёгких	10,78	9,94	21,28	25,38	40,72	44,99
сифилиса	2,40	3,44	4,26	9,03	16,54	23,39

(*) Debre, Joannon: Op. cit., p. 343.

Из этой таблицы становится ясным, почему при наличии низкой рождаемости детская смертность должна увеличиться. Очевидно, что в стране с низким коэффициентом рождаемости число первенцев значительно больше, чем в стране с высокой рождаемостью, так как в первом случае гораздо чаще будут встречаться семьи с одним ребёнком.

Мы уже указывали на то, что за последние 20 лет в Англии количество семей, имеющих только одного ребёнка, увеличилось на 60%. Так как из тысячи первенцев в первый день умирают 54 ребёнка, в то время как из тысячи вторых детей умирают только 30, ясно, что при падающей рождаемости детская смертность будет увеличиваться. Конечно, она возросла бы также, если бы у нас было много семей, имеющих по восемь и свыше детей, но это соображение в данное время практического значения не имеет.

До тех пор, пока оптимальное число детей на семью не будет достигнуто, этот фактор детской смертности не сможет быть ликвидирован. Мы кружимся всё по тому же заколдованному кругу. Падающая рождаемость дает падающую брачность, что, в свою очередь, вызывает падающую рождаемость. И в то же самое время падающая рождаемость дает повышенную детскую смертность, что, опять-таки, вызывает абсолютное падение количества народонаселения, уменьшенное число женихов и невест, т. е. пониженную брачность и т. д. — настоящая сказка про белого бычка, только сказка с плохим концом.

БЕРЕМЕННОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ

В 1925 году из тысячи рожениц в США умирали 6,4 женщины от родильной горячки. В 1931 г. на тысячу рожениц приходилось 6,6 смертей. Несмотря на прогресс в акушерской технике, смертность возросла.

Из ста рожениц, находящихся во французских госпиталях, 2,3 заболевают родильной горячкой. 25% заболевших умирают. Согласно Брэндо (*), роды сами по себе могут окончиться смертельно в трех случаях из ста. Это не значит, однако, что физиологический процесс нормальных родов сам по себе может явиться причиной смерти здоровой женщины. Для этого должны быть другие причины, среди них — болезни сердца и туберкулёз играют важную роль. В отношении сердечно-больных закон Петера гласит: „Девушка должна отказаться от брака, женщина — от родов, мать — от кормления грудью“. Но изложенный в такой абсолютной форме закон этот имеет много исключений, и прежде чем отказаться от деторождения, женщина должна подвергнуться серьёзному врачебному осмотру, и только врачу принадлежит последнее слово. Прогноз будет зависеть от степени и места поражения сердца, от состояния сердечной мышцы, числа беременностей и наличия какого-нибудь осложнения, как, например, роды двойнями, дефективное развитие грудной клетки и таза.

Не все формы туберкулёза исключают возможность беременности. Согласно Дюмареста (**), большой процент туберкулёзных женщин, страдающих лёгкой, неактивной или малоактивной формой фиброзного туберкулёза, даже при наличии значительного, но давнего, поражения лёгочного поля, способны перенести беременность. Для страдающих же острой эволютивной формой, в особенности когда начало болезни совпадает с беременностью, роды могут иметь самые печальные последствия.

(*) Brindeau: Le depeuplement d'origine obstetricale.

(**) Dumaerest: Mariage et tuberculose.

Кроме этих двух главных возможных причин материнской смертности нужно еще указать (*) на хронический нефрит с сопутствующей ему альбуминурией, и эклампсию с её смертностью в 25%. Неправильное положение плаценты, встречающееся обычно во время четвёртой и пятой беременностей, с кровотечением, смертельно в 10—20 случаях из ста от нервного изнеможения и инфекции. Смертность, однако, находится в связи с местом прикрепления плаценты, эластичностью маточного зева и положением плода.

Все разновидности дефектов таза могут быть причиной тяжёлых родов, в особенности рахитичные тазы. Материнская смертность в этих случаях колеблется от нуля до двух процентов. Разрыв матки у много раз рожавших женщин, главным образом у женщин, перенесших операции матки или страдающих опухолью этого органа, смертелен в 60—80% всех случаев.

Согласно статистическим данным нашего профессора акушерства, доктора Мальваль (**), на 3.520 родов, имевших место в родовспомогательной клинике Университета „Аврора“ (1926—1937), пришлось 44 случая смерти рожениц, из них только три от разрыва матки.

Пернициозная анемия угрожает слабым, перенёвшим много родов женщинам, предрасположенным к туберкулёзу и живущим в неблагоприятных условиях.

Кесарево сечение смертельно в 6,5 случаях из ста.

Здесь сгруппированы главные причины материнской смертности, но ничто не говорит нам, что именно сами роды способны убить здоровую жен-

(*) Dubrisay et Jeannin: *Precis d'accouchement*.

(**) Dr. Makvak: *Statistique obstetricale*.

щину. Если отбросить все патологические роды, то нормальной женщине угрожает только послеродовая инфекция с её смертностью в 5%.

До применения асептических и антисептических мер смертность от родильной горячки выражалась цифрой в 28%.

Гутенеере верит, что настоящую цифру материнской смертности от родильной горячки можно будет со временем довести до 1 %. Понизится ли от этого материнская смертность вообще, неизвестно, и можно думать, что в будущем вероятнее всего ожидать небольшое повышение её. Неомальтузианцы, правда, говорят, что широкое применение противозачаточных средств должно сильно и сразу понизить материнскую смертность. Цитируя все ту же Стопс (*): „В 1920 г. главный инспектор народного здоровья писал в своем отчёте: материнская смертность остается той же, что и 25 лет тому назад, мы теряем ежегодно три тысячи матерей... в 1930 г. тот же врач писал: материнская смертность, непосредственно вытекающая из самого процесса родов, остаётся почти неизменной“. И это, заметим кстати, после десяти лет интенсивной неомальтузианской пропаганды, после десяти лет применения противозачаточных средств. Очевидно, что средства эти не понизили материнскую смертность.

Мы знаем, однако, из исследований специального комитета Лиги Наций, что пониженная рождаемость несет с собой повышенную детскую смертность благодаря большому проценту первенцев. Первые роды, однако, не только более опасны для ребёнка, но и для матери.

A priori можно полагать, что, понижая рождаемость и увеличивая таким образом количество первых беременностей, искусственный контроль де-

(*) M. Stopes: Contraception, p. 20.

торождений должен в конце концов повысить и материнскую смертность. И здесь мы не должны останавливаться на абсолютной цифре материнской смертности и обманываться ею. Ведь если бы все три тысячи покойных английских рожениц были стерилизованы до родов, то ясно, что ни одна из них не умерла бы от родильной горячки. Для демографа должно быть важным процентное отношение умерших от родов женщин к общему числу рожениц, и это последнее, думается нам, в будущем должно будет возрасти по вышеизложенным причинам. И действительно, чешский врач Клима (*) указывает на любопытный факт наличия более высокой и всё время повышающейся материнской смертности в западной части Чехословакии, где гигиенические условия и родовспомогательные учреждения гораздо лучше, чем в восточных провинциях. Автор приписывает это явление большому количеству абортот и более пожилому возрасту рожениц. Ясно, что здесь идёт речь о женщинах, рождающих в первый раз. Доктор Клима указывает также на падающую рождаемость на западе страны и видит причину её в более широком применении противозачаточных средств, чем на востоке.

Мы видим в чехословацкой демографической проблеме подтверждение нашего мнения. Противозачаточные средства ответственны в какой-то мере за эту повышающуюся материнскую смертность.

Предрасполагают ли роды сами по себе к патологическим изменениям в женском организме? Несомненно, но не в такой степени, в какой этого хотелось бы неомальтузианцам. Хирст (**) считает, что 60% всех женских болезней имеют своим отправным

(*) Klima: Considerations sur l'etat sanitaire de la populaton tchecoslovaque au cours de l'annee 1935.

(**) Hirst: The four major problems of gynecology.

пунктом послеродовую травму. В большом числе случаев, однако, медико-хирургическое вмешательство успешно борется с этими явлениями. Хирст приводит пример Марии-Терезии, имевшей 16 детей и дожившей до 63-летнего возраста, несмотря на физическое и умственное напряжение, которых требовало занятие государственными делами.

Стопс (*), правда, цитирует двух врачей — Юнга и Стюарта, по мнению которых роды предрасполагают к раку шейки матки. Кроме того, что некоторые врачи считают применение механических противозачаточных средств одним из факторов, предрасполагающих к раку этого органа, добавим, что случаи заболевания раком женских половых органов становятся более частыми за последнее время, в то время как беременность в жизни каждой отдельной женщины становится всё более и более редким явлением. Правда, искусственный аборт должен играть здесь значительную роль, и именно он ускользает от статистического учета. Повторные роды сами по себе не должны являться причиной материнской смертности в нормальных условиях. Гутенеере полагает, что точной корреляции между долгой жизни и плодovitостью женщины не существует.

В низших классах с повышенной материнской смертностью плохие условия жизни являются более важным фактором, чем беременность сама по себе. И действительно, согласно данным, собранным Беллом, Джонсом и Каттел в 1918 году среди экономически благополучных классов общества, 45 матерей, имевших по одному ребёнку, дожили до 68 лет, в то время как 43 матери, достигшие 78-летнего возраста, имели от девяти до десяти детей каждая. Поуис в 1905 году нашёл, что матери, имевшие по шести

(*) M. Stopes: Contraception, p. 233.

детей каждая, живут в среднем дольше, чем женщины, имевшие меньше или больше этого числа детей. На то, что беременность является сама по себе желательной для оптимального развития женского организма, указывали и указывают не один автор.

Бенда в своем труде о ретикуло-эндотелиальной системе в период беременности (Берлин, 1927) показал, что сопротивляемость организма против инфекции сильнее у многорожавших женщин, чем у матерей, имеющих по одному ребёнку.

Профессор Форг (*) вместе с Треб и Пинаром думают, что произвольное бесплодие или ранний отказ от следующих беременностей предрасполагают к развитию фибром матки.

Доктор Маркузе, сторонник искусственного контроля деторождений по экономическим причинам, пишет:

„Женщина, не ограничивающая своей плодовитости иначе, чем естественным механизмом кормления грудью, очень часто сохраняет более сильную конституцию, чем женщина произвольно бесплодная или мать небольшой семьи“.

Зигель, а с ним и Гутенеере, полагают, что в естественных условиях промежутки между родами увеличиваются от двух до двух с половиной лет между первым и вторым ребёнком, до трех с половиной и четырех — между третьим и четвёртым. Эти цифры, и те, что нам даёт статистика брачного возраста и наступления климактерического периода у женщины, говорят за то, что в течение 20—25 лет женщина может произвести на свет Божий от шести до десяти человек детей, что не является чрезмерным с физиологической точки зрения.

(*) Fogue: *Precis de pathologie externe*. Tome II, p. 1024.

ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫЕ СРЕДСТВА

В распоряжении человека имеется целый ряд средств для предупреждения зачатия, начиная от простого воздержания от половых сношений и кончая искусственным абортом. Эти средства значительно разнятся друг от друга и степенью вреда, который они наносят организму, и степенью их действительности.

Блох делит их на четыре класса:

а) Абсолютное или периодическое воздержание от половых сношений.

б) Отклонение от нормального выполнения полового акта (*coitus interruptus* и т. д.);

в) Механические средства для предупреждения зачатия (кондом, пессарий и т. д.)

г) Химические и физические средства (орошения, таблетки, стерилизация, аборт).

Заметим здесь же, что рассмотрев весь собранный нами материал, мы полагаем, что абсолютное или периодическое воздержание является наименее вредоносным и наиболее физиологическим, хотя и наиболее трудно выполнимым и сопряжённым с некоторыми затруднениями психологического порядка. Ниже этот пункт будет разработан более подробно.

Мария Стопс изучала вопрос о сравнительной ценности различных противозачаточных средств и справедливо указала на несомненный вред и несомненную недействительность некоторых из них. Здесь приведена сравнительная таблица, составленная ею на основании заявлений, сделанных пациентами её клиники (*).

Из 4.834 её пациенток 1,284 имели опыт с противозачаточными средствами.

(*) M. Stopes: Contraception, p. 25.

Методы предупреждения беременности	Общее число случаев	Применение было, по всей вероятности, неудачным		Применение было определено неудачным	
		число	%	число	%
Кондом	198	49	24,75	149	75,25
Орошения	62	3	4,84	59	95,16
Различные шапочки для маточного зева	62	9	14,52	53	85,48
Губки	18	5	27,70	13	72,30
Хинный пессарий	110	2	1,82	108	98,18
<i>Coitus interruptus</i> ...	814	148	18,18	666	81,82
Метод Огино и Кнауца	12	—	—	12	100
Кормление грудью...	8	—	—	8	100

На основании этой таблицы Стоп особенно подчеркивает недействительность так называемых „безопасных периодов“, которые по её таблице на 100% недействительны. Конечно, её исчисления, как и было замечено уже Гутенеере, более эффективны, чем точны. На основании двенадцати случаев нельзя вычислять процентное отношение. Это чересчур похоже на анекдот об одном английском ученом, изучавшем остеологию. Осмотрев две лучевых кости и найдя патологический нарост на одной из них, он размашистым почерком написал: 50% лучевых костей патологичны! Если мы вычислим процентное отношение этих двенадцати женщин, пользовавшихся „безопасным“ — увы, не для них, — периодом, то они представляют собой только 0,93% всего числа неудачниц, в то время как сторонницы классических методов искусственного контроля деторождений (кондома, хинных пессариев и *coitus interruptus*) составляют 1122 души, или 87%! Заметим также, что весьма вероятно, что лица, употребляющие наименее действительные средства, должны представлять

собой наиболее внушительный процент пациенток клиники Стопс.

Из таблицы Стопс становится очевидным факт полной непригодности *coitus interruptus*, как противозачаточного средства, также как и кондома и, может быть, хинных pessaries.

Что касается орошений, различных шапочек и губок, то неомальтузианцы могут всегда сказать, что высокий процент их недействительности объясняется малой культурностью женщин, их применявших, ибо пациентки Стопс принадлежали большей частью к лондонской бедноте. Сама Стопс в них не верит, и, предписывая окклюзивный pessary её образца, она мудро советует добавлять еще к этому аппарату легко растворимые свечи для вящей безопасности.

Несмотря на все эти противоестественные предосторожности, у нас есть один факт, который указывает на недействительность противозачаточных средств: — количество аборт, растущих параллельно с количеством применённых противозачаточных средств. В России наряду с клиниками, распространяющими противозачаточные средства, приходилось открывать и клиники для производства абортов. Конечно, невольно возникает вопрос: если противозачаточные средства недействительны, то каким же образом объяснить повсеместное падение рождаемости?

На этот вопрос мы ответим другим: в какой степени аборт повинен в падении рождаемости сам по себе? Что, если аборт, а не противозачаточные средства, виновны в вымирании Европы и Америки? Вопрос смелый, и ответить на него можно было бы, только имея точные цифры в руках, но их у нас нет, так как аборт преследуется законом, и официально регистрируется меньшее число абортов, чем их было произведено на самом деле. Что, однако, го-

ворит Россия, где до сих пор аборт был допускаем законом? В Москве в 1935 г. на 70 тысяч новорождённых было 155.000 абортотворений. Из 225.000 матерей 155.000 предпочли избавиться искусственно от плода. Сколько из них употребляли противозачаточные средства, мы не знаем.

Можно, конечно, думать, что все они отказались от применения противозачаточных средств, заранее решив произвести аборт впоследствии. Но это мало вероятно. Аборт сопряжен с известным, и немалым, риском для жизни. Естественнее думать, что женщина предпочтёт противозачаточные средства и прибегнет к аборту лишь в случае их недействительности. Какими средствами пользуется советская женщина? Советские гинекологи проф. Малиновский и приват-доцент Шварцман (*) рекомендуют спринцевание, хинные препараты, губки и резиновые колпачки, которые, согласно таблицам Стопс, должны были оказаться недействительными почти в 95 случаях из ста в среднем, т. е., по всей вероятности, 147.000 женщин из этих 155.000 пользовались противозачаточными средствами и успеха не имели.

Число абортотворений в Гамбурге в 1926 г. и в Москве в 1934 и 1935 г. г. — это всё, что у нас есть на руках. Доказательством эти данные служить не могут, но, тем не менее, они дают нам право на весьма вероятную гипотезу, на гипотезу, которая указывает на то, что падение рождаемости и недействительность противозачаточных средств не являются двумя взаимоисключающими моментами там, где процветает аборт.

Следующим за вопросом о действительности или недействительности противозачаточных средств является вопрос о их вредности.

Coitus interruptus осуждается и самой Стопс, и почти всеми неомальгузианцами, что делает и классическая медицина. Не говоря о психических рас-

(*) Малиновский и Шварцмань: Гигиена женщины, стр. 220.

стройствах, которые могут появиться вследствие этой половой аберрации — о них речь будет ниже — прерванный половой акт, как говорит Киш (*), может быть причиной хронических метритов и параметритов.

Графе наблюдал хроническую гиперемию матки и яичников в подобных случаях.

Менсинга перечисляет инфаркт матки, отёк зева, истерические припадки, конвульсии, головные боли и сердечные припадки. Употребление кондома, столь популярное в наше время, также не выдерживает критики. Стопс отвергает его как ненадёжное средство (75% неуспешности в её клинике), и как средство, изнуряющее женщину и понижающее значительно оптимальное выполнение полового акта. У многих женщин применение кондома мужчиной вызывает в конце концов отвращение к соитию вообще.

Кондом, кроме того, лишает женский организм возможности воспользоваться теми продуктами мужской секреции, которые предназначены для женщины и на которые она имеет неоспоримое право. Эндокринология доказала, что женский организм впитывает некоторые элементы спермы, и что эти элементы благотворно влияют на дальнейшее развитие женщины, и необходимы для неё. Томсон (***) полагает, что впитанные таким образом вещества, действуя через щитовидную железу, служат более полному развитию всей сексуальной системы. Фогт объясняет расцветание анемичных и гипопластических девушек после брака именно этим действием некоторых элементов спермы.

(*) Kisch in Eulenbergsche Realenzyklopaedie, Vol XXVI, pp. 372—382.

(**) Henri Vignes: Physiologie gynecologique et medecine des femmes, p. 343.

Профессор Лаффон заявил еще в 1929 г. на Конгрессе гинекологов в Брюсселе: „Совершенно известно, что женский организм впитывает элементы спермы, введенные в него во время полового акта, также как и то, что эти элементы влияют на женщину и способствуют её развитию, в то время как отсутствие их является причиной физических и психических расстройств“.

Это мнение было клинически подтверждено излечением разнообразных гинекологических расстройств и некоторых кожных и нервных заболеваний путём введения сперматических экстрактов в организм больных женщин, не имевших возможности получить их в естественном виде и естественным путем. Подобные результаты наблюдались и у замужних женщин, прибегающих к противозачаточным средствам. Французский врач Седийо полагает, что искусственный контроль деторождений, лишая женщину благотворного действия спермы, может быть причиной нервных и психических расстройств, так часто встречаемых в произвольном бесплодии. Он наблюдал типичный для этих женщин синдром: расстройство менструации, склонность к меланхолии и волнению. Эти явления имели обыкновение возрастать на следующий день после половых сношений с применением противозачаточных средств. Лечение сперматическими экстрактами значительно улучшало состояние больных, а то и вовсе излечивало их.

Это действие спермы на женский организм объясняется, по всей вероятности, большим физиологическим и структуральным сходством между некоторыми мужскими и женскими гормонами.

Ривуар (*) приводит известный опыт, демонстрирующий действие вытяжек из яичка самца на

(*) Rivoire: Les acquisitions nouvelles de l'endocrinologie, p. 141.

организм самки. Впрыскивание подобных вытяжек кастрированной мыши вызывало у неё увеличение полового тракта, матки и появление течки, т. е. именно тех феноменов, которые обычно порождаются действием женского гормона, фолликулина. Проф. Бутенандт (*) доказал наличие структурального сходства между молекулой тестостерона (мужского гормона) и фолликулина, также как и возможность превращения одного в другой. Недавно биохимия добилась создания нового вещества, андростендиоля (ненасыщенный алкоголь), который обладает одновременно физиологическими свойствами мужского и женского гормонов.

Ясно, что употребление кондома, препятствующее проникновению мужских элементов в организм женщины, не может быть оправдано физиологически. Понижая *libido* как у мужчины, так и у женщины, он к тому же лишает последнюю всех тех нужных для неё биологических возбудителей, которых она в праве ожидать.

Несомненно, что и прочие противозачаточные средства грешат в той или иной степени в этом направлении. Все спринцевания и души, удаляющие сперму из влагалища непосредственно после полового акта, должны быть осуждены с физиологической точки зрения.

Стопс признаёт это и осуждает все эти методы. Она предлагает взамен колпачки, надевающиеся на шейку матки и препятствующие проникновению — не всегда — спермы. Теоретически она считает, что этот метод не может быть признан идеальным, но полагает, что стенки влагалища в достаточной мере впитывают в себя нужные для организма элементы. В подтверждение своего мнения она приводит опыты Лезгра, проделанные им в 1925 г. и показав-

(*) Butenand: Chemical constitution and physiological properties of sex hormones.

шие, что у здоровых женщин, между 20—30 годами, с плотно закрытым отверстием матки, стенки влагалища были способны впитывать некоторые вещества.

Так, например, введя йодистый калий во влагалище, реакция на йод в моче была положительной по истечении 30 минут. Робинзон доказал, что хинин, тростниковый сахар и красный фенол также быстро впитываются организмом через этот орган.

Заметим по этому поводу, что опыты были проделаны с йодистым калием, который вообще быстро впитывается организмом. Принятый *per os*, он дает положительную реакцию по истечении 6—20 минут в слюне и моче (*), причём впитывается он, главным образом, начиная от желудка. Таким образом мы видим, что стенки влагалища впитывают йодистый калий со значительно меньшей интенсивностью, чем желудок. Конечно, можно было бы отнести это за счет разных площадей. Общая поверхность влагалища значительно меньше поверхности желудка. Но мы знаем также, что желудок покрыт слизистым, призматическим эпителием, в то время как влагалище выстлано уплощёнными, покровными клеточками. Для гистолога это чрезвычайно понятный и интересный факт. Весь отрезок желудочно-кишечного тракта, предназначенный для всасывания питательных веществ, выстлан цилиндрическим эпителием; начало же его, т. е. рот и глотка, предназначенное для чисто механического прохождения пищи, покрыто эпителием эпидермического типа, т. е. уплощёнными покровными клеточками. Характерно то, что не вся глотка покрыта уплощёнными клеточками, а только лишь та часть её, которая непосредствен-

(*) Sollmann: A manual of pharmacology, p. 867.

но соприкасается с пищей и служит механическому проталкиванию её.

Точно такую же картину мы наблюдаем и во влагалищно-маточном тракте. Влагалище выстлано уплощёнными, покровными клеточками, матка же в верхней части своей покрыта призматическим эпителием, предназначенным, очевидно, для всасывания сперматических элементов, и лишь наружная часть шейки матки выстлана уплощёнными клеточками, как и влагалище. Кроме этих гистологических данных, бьющих в глаза своей очевидностью, добавим, что и вся механика полового акта указывает на то, что семя предназначено для проникновения в матку.

На основании этих данных можно думать, что если влагалище и способно впитывать некоторые вещества, то это всасывание не будет полным и физиологически равноценным всасыванию эпителием матки.

К тому же опыт с йодистым калием, который, как все йодистые соли вообще, хорошо впитывается эпителиальными покровами, отнюдь ещё не доказывает, что сексуальные гормоны будут проникать в организм так же легко. Доказательств у нас, правда, нет. Можно думать — безо всяких оснований, однако, — что сексуальные гормоны впитываются легче, чем металлические соли. Телеологические соображения, гистологические данные и рост невровов среди женщин заставляют нас думать иначе.

Кроме этого, не надо упускать из виду ещё и того обстоятельства, что Стопс, не особенно полагаясь на действие своего чудесного колпачка, рекомендует для пушей верности совместное с этим колпачком применение жирных веществ, присутствие которых вряд ли увеличит всасывательную способность влагалища, т. к. они связывают сперму.

Что касается прочих механических средств, различных колпачков с металлическими пружинами и металлических обтураторов, колец Грэфенберга и внутриматочных пессариев, все эти варварские способы не могут не быть вредоносными. Проф. Вальтар (*) считает, что эти способы в некоторых случаях являются причиной смерти.

Доктор Райст гинекологической клиники Цюриха, цитируемый Стопс, приводит 382 случая различных заболеваний, явившихся прямым следствием применения подобных инструментов:

Смерть от перитонита	17
Гнойный аднексит	70
Общий перитонит	38
Местный перитонит	6
Зачатие, несмотря на присутствие инструмента в маточной полости, ослабление естественной бактериологической сопротивляемости организма и родильная горячка во время беременности	62
Внематочная беременность	4
Прободение маточной шейки	5
" стенки влагалища	1
" мочевого пузыря	1
" кишок	2
" полости живота	1
Воспаление матки	75
Изъязвление зева матки	12
Метрораггия	60
Дисменнорея	28

(*) М. Stopes: Contraception, p. 224.

Лаффон наблюдал воспаление влагалища (*) у женщин, пользовавшихся пессарием. Спринцевания влагалища после полового акта осуждаются Стопс как ненадёжные и вредные физически и психически. Маршал (**) наблюдал воспаление матки и влагалища, явившиеся последствием употребления сильных растворов для спринцевания. О том же пишет Гастон Котт (***). Кольцо Грэфенберга также не выдерживает критики. Профессор Френкель (Германия) считает его причиной хронической гипертрофии маточного эпителия. Врачи пытались также выяснить вопрос о возможной связи рака матки с применением кольца Грэфенберга. Один остроумный медик заметил, что этот вопрос большого значения не имеет, т. к. матку можно всегда удалить.

Химические препараты сами по себе не действительны, согласно мнению Френкеля и Стопс. Чересчур сильные составы убивают не только сперматозоидов, но и оказывают разрушающее действие на эпителий половых органов. Недостаточно сильные вещества могут быть неспособными убить сперматозоид, а только ослабить и изуродовать его. Американский врач Херст (****) приводит 2 случая, отмеченные немецкими врачами, в которых появление на свет Божий двух уродов было следствием такого недостаточного действия химических противозачаточных средств. Базельский гинеколог проф. Лабхардт и проф. Гуггисберг в Берне приписывают учащающиеся случаи внематочной беременности именно применению противозачаточных средств. Маршал видит в них одну из причин появления болей у женщин.

(*) Laffont: Gynecologie, p. 141.

(**) Marchal et Mero: La liberte de la conception, p. 171.

(***) G. Cotte: Les troubles fonctionnels de l'appareil genital de la femme, p. 500.

(****) Hirst: The four major problems of gynecology.

Одно из средств, очень распространённое, по-видимому, в теперешней России — периодическое внутриматочное смазывание йодом — сурово критикуется советскими гинекологами проф. Малиновским и пр.-доц. Шварцманом (*) как причина выкидышей, внематочной беременности и хронических метрита и аднексита. Стерилизация, оперативным путем или при помощи радия, — чересчур жестокое противозачаточное средство для молодой женщины, которая за постоянное бесплодие платит своей молодостью и женственностью.

Аборт — это единственное „действительное“ противозачаточное средство, — покупается ценой здоровья женщины. Чересчур много осложнений, хронических и острых заболеваний, как, например, расстройство и болезненность менструаций, окончательное бесплодие, внематочная беременность и т. д. должны были бы заставить женщин призадуматься, прежде чем идти на это. Проф. Малиновский и Шварцман посвящают несколько сильно написанных страниц, осуждающих это „невинное развлечение“.

В заключение этого беглого обзора главных противозачаточных средств много утешительного не скажешь. Те из них, которые не вызывают немедленной местной реакции у женщины или у мужчины, считаются профанами безопасными. Неискущённому в медицине человеку не всегда легко установить связь между применением им противозачаточных средств и нервностью и неудовлетворённостью жизнью, которая появляется у него три-четыре года спустя или позже. Мы увидим ниже, что думают по этому поводу психиатры.

(*) Малиновский, Шварцманъ: Гигиена женщины, стр. 222.

ЗАКОН ОГИНО И КНАУСА

Неомальтузианцы утверждают, что их способы искусственного контроля деторождений действительны в 93% всех случаев. Мы видим из таблиц самой Стопс, что это не всегда так. Правда, клиентки Стопс принадлежат к низшим классам, а эти классы дают наиболее сильный процент неуспешности в этой области. Вероятно, что более интеллигентные классы более успешны в применении механических противозачаточных средств. Мы не думаем, однако, чтобы цифра в 93% отвечала действительности. Гутенеере заметил, что при составлении своих таблиц неомальтузианцы считали за успешные случаи всех лиц, которые один раз явились в клинику за советом и больше не возвращались, т. к., по их мнению, подобные лица, получив совет и вполне удовлетворившись им, не имели больше нужды в дальнейшей клинической помощи. Возможно, что это именно так. Может быть также и обратное явление: разочаровавшись в противозачаточных средствах одной марки, они продолжают пробовать всё новые и новые средства. Зачислять подобных „мёртвых душ“ в списки не совсем серьёзно.

Мы здесь рассмотрим метод естественного контроля деторождений, который по словам доктора Уэлтона (*), редактора Американского Журнала Хирургии, действителен в 97% всех случаев.

Доктор Огино, профессор Университета Ниигата в Японии, и доктор Герман Кнаус в Университетской Женской Клинике в Граце (Австрия) почти одновременно пришли к заключению, что период овуляции (момент отделения яйца от Граафова пузырька в яичнике) у женщины постоянен. Огино

(*) T. S. Welton: The modern method of Birth Control.

определил время овуляции в 12—16 дней до наступления следующей менструации. Работая в гинекологической клинике, он методично изучал яичники каждый раз, когда ему приходилось делать операции в полости живота, и на основании 557 наблюдений (исключая 15 женщин, не подчинившихся общему закону) заключил, что период выбрасывания зрелого яйца в фаллопиеву трубу имеет место за 12—16 дней до следующей менструации. Кнаус употребил другой метод и пришел к тем же самым выводам. Согласно его наблюдениям, овуляция имеет место за 14—16 дней до следующей менструации. Выводы этих двух учёных были проверены другими специалистами и были найдены правильными. С Кнаусом согласились Аллен, Хартманн, проф. Френкел из Бреслау, проф. Шредер из Киля, Уилфред Шоу в Англии.

Теоретически всё было прекрасно. Нужно только было узнать продолжительность жизни сперматозоида и женского яйца, добавить продолжительность их жизни к периоду овуляции, и у нас был бы определенный период, в который зачатие было бы возможным. Женское яйцо, выброшенное яичником, живёт не больше 48 часов; сперматозоид, согласно Кнаусу и Менху, может существовать от 48-и часов до трёх дней, но не более.

Уэлтон даёт следующие правила для вычисления периодов благоприятного и неблагоприятного для зачатия:

Для женщин с регулярным циклом:

1. Определить число, в которое должна начаться следующая менструация.

2. Вычесть 19 дней. Предположим, что следующая менструация должна иметь место 29-го числа. 29 минус 19: 10. Это число, десятое, обозначает начало периода, в который возможно зачатие.

3. Прибавить к этому числу 7 дней. 10 плюс 7: 17. Это число — семнадцатое — является последним днём периода, во время которого зачатие возможно, т. е. от 10-го до 17-го числа включительно. Теоретически зачатие невозможно во всё остальное время.

Для женщин с нерегулярным циклом:

1. Определить первый возможный день начала следующей менструации.

2. Вычесть 19 дней.

3. Прибавить 7 дней, плюс число дней возможно-го опоздания в наступлении менструации, для того чтобы получить последний день периода, в который зачатие возможно.

Предположим женщину с циклом, варьирующим между 26 и 30 днями. Допустим, что её последняя менструация началась 3-го числа.

Первый день следующей менструации может наступить не раньше чем через 25 дней, т. е. 3 плюс 26: 29-го числа. Вычитая 19 дней, мы получаем 10-е число: число начала „опасного“ периода. Добавив 7 получим 10 плюс 7: 17. К 17 добавляем ещё 4 дня возможной задержки (30 минус 26: 4) и получим 17 плюс 4: 21. Иными словами, зачатие возможно между 10-м и 21-м числом включительно.

Этот закон был проверен на практике и по сообщениям Уэлтона вполне оправдал себя. Миллер (*) писал в официальном журнале Американского Хирургического Общества, что у него имеются данные о 354 сексуальных актах, совершенных до „опасного периода“, и о 371 акте, совершенном после, прошедших без зачатия. Шредер сделал сто наблюдений без единого исключения из общего правила. Раггель имел 2 неудачных случая из 106, Винц ни одного исключения из 27. Всё это врачи, заслуживающие полного доверия, как нам сообщает Уэлтон.

(*) T. S. Welton: Op. cit., p. 9.

В июне 1933 г. в журнале Американского Хирургического Общества появился отчёт опытов, проделанных врачами Шульцем, Миллером и Андерсоном. Эти врачи вызвали через прессу охотников, желающих проверить на практике или опровергнуть закон Огино и Кнауса.

Девяносто семь супружеских пар ответили на призыв. Восемьдесят семь пар желали избежать зачатия, а десять желали иметь детей. Участники этого своеобразного опыта были исследованы на предмет бесплодия, чтобы избежать этой ошибки в окончательных выводах. 95% супружеских пар уже имели детей. Женщины представляли собой двенадцать разных менструальных циклов. Восемьдесят семь пар, не желавших иметь детей, имели нормальные половые сношения 725 раз в указанные периоды и ни в одном случае зачатия не наблюдалось. Все десять остальных пар, имевших сношения в указанный „опасный период“, имели детей.

Докторь Лац (*), цитируя Смолдерса, пишет, что даже в случае большой опасности для жизни женщины от беременности, закон Огино и Кнауса вполне применим, но для большей уверенности лучше прибавлять несколько лишних дней в начале и конце „опасного периода“.

Таков в общих чертах закон Огино и Кнауса, закон, к которому благосклонно относятся те церкви, которые осуждают искусственный контроль деторождений. Он не признан, однако, всеми врачами, и со стороны некоторых встречает суровую и серьёзную критику. Во первых, его трудно применить к женщине с очень нерегулярными циклами менструации. Уэлтон советует записывать точно день начала

(*) Dr. Latz: The rhythm of sterility and fertility in women, p. 19.

менструаций по крайней мере в течение шести месяцев, чтобы определить менструационный цикл.

Проф. Френкель (*), разделяющий общие выводы Кнауса относительно физиологии яичников, не согласен с ним в отношении „безопасных периодов“ в менструационном цикле женщины. Кнаус чересчур полагается, по его мнению, на выводы английских ученых Хаммонда и Асделл, которые установили, что сперматозоид кролика живёт не больше трех дней. Кнаус думает, что и человеческий сперматозоид живёт столько же, что, однако, не было доказано.

По мнению Френкеля, закон Огино и Кнауса действителен только на 30%, но не больше, и он советует не полагаться на него лицам, желающим избежать зачатия. Маргарита Сейнджер считает, что метод Кнауса действителен в 40% всех случаев, так, по крайней мере, нам говорит Бернштейн (**). Неомальтузианцы вообще не желают признавать этот метод, так как он требует несомненной воли со стороны обоих супругов, в то время как вся философия противозачаточных средств построена на полной половой распушенности. Естественный контроль деторождений требует известной силы воли, искусственный контроль деторождений нуждается только лишь в презервативе. Если метод Огино и Кнауса и требует абсолютного воздержания в течение восьми или десяти дней каждого месяца, что, по-видимому, свыше неомальтузианских сил, то его нельзя упрекнуть в нарушении биологических законов. У нормального человека, не страдающего сатириазисом, десять дней воздержания нервного расстройства не вызовет. Половой же акт, когда он совершается, про-

(*) Fraenkel: The female sex hormones.

(**) Cyrus Bernstein: Is „Safe Period“ Birth Control unsafe?

текает естественным путем. Остается открытым вопрос о его действительности.

Возражения проф. Френкеля теоретически весьма серьёзны. С другой стороны, как объяснить тогда результаты, опубликованные американскими врачами? Время необходимо для окончательного выяснения пригодности этого метода, метода, за которым стоит физиология, и который теоретически почти совершенен.

Добавим здесь несколько слов о моральности его применения. Неомальтузианцы говорят, что если аморальны противозачаточные средства, то на том же основании и естественный контроль деторождений должен быть признан безнравственным, т. к. результатом его применения является бесплодие. Это не совсем так. Мораль не может обязать человека иметь неограниченное число детей, для этого у неё нет никаких рациональных оснований. Мораль не может осудить относительное воздержание, т. к. периодическое воздержание физиологически и психологически благотворно для человека. Половой акт у последователей метода Огино не извращён сам по себе и протекает естественным путем. Мораль не может упрекнуть супружескую чету, имеющую уже несколько детей и принужденную по серьёзным причинам ограничить себя. Конечно, мы можем представить себе молодую пару, не желающую вообще иметь детей и прибегающую успешно к методу Кнауса. Они, несомненно, нарушают общие положения, т. к. цель брака — в продолжении вида, и беременность необходима для полного расцвета женщины. Старание обмануть природу и вырвать у неё наслаждения, избегнув при этом материнства, может быть, и вполне естественно для человека нашей эпохи, но не естественно для человека вообще. Неестественно и, следовательно, аморально.

ПСИХИАТРЫ О ПРОТИВОЗАЧАТОЧНЫХ СРЕДСТВАХ.

Связь между духом и телом гораздо теснее, чем думают те, кто мало заботятся о своем теле, и те, кто не верят в существование души. В женщине половая система густо и плотно переплелась с её психической тканью; так тесно и так нераздельно, что удар по одному элементу отзывается эхом в другом.

„Физиологическое функционирование матки и яичников, — пишет доктор Шокерт (*), — влияет на состояние души и нервной системы женщины. Начало менструаций, беременность, менопауза часто сопровождаются самыми различными нервными расстройствами: так, напр., перемена характера, моральная подавленность, повышенная чувствительность, раздражительность, понижение чувства ответственности; и всё это находится в прямой зависимости от физиологических процессов нормальных половых органов. Поэтому понятно, что аномалия этих органов, или их функциональные расстройства, являющиеся результатом применения противозачаточных средств, могут вызвать рефлекторные нервные и даже психические расстройства.

Маршал даёт целый каталог подобных расстройств. У женщины: неврозы боязни, сердечные неврозы, половая холодность, отвращение к половой жизни, неврастения, меланхолия, сумасшествие.

У мужчины: нервная неуравновешенность, психическая импотенция.

Нервное расстройство может наблюдаться у женщины, желающей иметь детей, но ставшей бесплодной от усиленного применения противозачаточных средств в первые годы замужества. На это указывали

профессора Фор и Сиредей, также как и проф. Дальше (*).

Противозачаточные средства значительно искажают психологический момент полового акта.

„Половой акт, — пишет Гутенеере, — оставляет в сознании глубокий и продолжительный след; он порождает в сознании нечто вроде эмоционального шока, который продолжается и увеличивается в этом тёмном царстве бессознательного, границы которого мы едва можем исследовать, весь сложный механизм жизни нашего чувства бывает поколеблен им до своих самых таинственных глубин. Зачем же удивляться тогда, что грубое вмешательство в развитие этого акта под видом предупредительных мер, предполагающих целую серию безнадежно прозаических жестов, глубоко задевает игру этих психологических соответствий и искажает их в высшей степени тонкие взаимоотношения. Кто не видит того беспорядка, который подобное, часто повторяемое, вмешательство не может не произвести в функционировании ассоциаций, представлений и чувств, стройное сплетение которых является подкладкой нашей психики. Уже работы школы Фрейда дали нам возможность увидеть колоссальную территорию нервных расстройств, источник которых может быть найден в изменении и отклонении сексуальной эффективности. Не имеем ли мы основания верить, что значительное число этих невротозов берёт своё начало в произвольных искажениях полового акта, вся самопроизвольность которого разрушается холодной рассудочностью, которая необходима для успешного применения противозачаточных средств. И если не сводить идеал брачных сношений к простому соприкосновению двух слизистых оболочек, каким Шамфор определял грубо любовь, то не правильно ли думать, что, уродуя половой акт отказом от всей его атмосферной чувства, которая его окружает, мы впадаем некоторым образом в психологическую ересь“.

(*) Guchteneere: Op. cit., pp. 192—193

Ван де Вельде, автор хорошо известных трудов по всем вопросам брака, пишет:

„Я знаю немало случаев, в которых умеренное употребление противозачаточных средств было причиной расстройства психики. Большей частью к этим расстройствам присоединяются и гинекологические симптомы психогенного порядка. Эти два вида феноменов являются, по моему мнению, результатом патологического комплекса, вызванного главным образом чувствами вины и посредственности и боязнью, что средство может оказаться не действительным. Но главной причиной этого комплекса является всё же неудавшееся подавление желания беременности.

Это желание живёт в подсознательном гораздо чаще, чем мы думаем, и несмотря на вполне определённое намерение предупредить зачатие. Этим конфликтом между сознательной волей и страстным, но подсознательным желанием, и объяснимы все расстройства“.

Профессор Дэнлоп, цитируемый Гутенеере, пишет: „Все известные противозачаточные средства должны быть осуждены с психологической точки зрения; долгое их употребление приводит к более или менее пагубным результатам, т. к. эти методы ослабляют необходимое возбуждение или прерывают нормальное развитие эмоций и сексуальной активности; в этом их реальная опасность. Не говоря уже о частых осложнениях, как напр., женская холодность, хроническое раздражение и импотенция у мужчины. Приходится чересчур часто констатировать расстройства, ведущие к распаду брачного союза вообще.

„Общение с нервно-больными в течение всей жизни, — пишет Коллинс (*), — должно было сделать неврологов более компетентными наблюдате-

(*) J. Collins: The doctor looks at marriage and medicine, p. 51.

лями, чем профаны. Никто не может употреблять противозачаточные средства, исключая относительное воздержание, — постоянно без нанесения себе психического вреда, и лишь немногие без того, чтобы принести себе вред физический. Некоторые методы более вредны, чем другие. Тот, которым пользовался Онан, наиболее вреден; что нам предлагают Мария Стопс и Иоганн Ферх, — наименее. В жизни есть что-то ещё, кроме здоровья. Это — истина и красота. Все виды противозачаточных средств разрушают их. Я подозреваю, что многие пропагандисты искусственного контроля деторождений настолько бесполы, что они не чувствуют остро всю красоту акта создания человека“.

Coitus interruptus вызывает хроническую гиперемию половых органов у мужчины, ведущую к раннему увеличению простаты, и невроз сердца с изменением ритма, одышкой и т. д. У женщины внезапно прерванный акт вызывает, кроме чувства глубокого психологического неудовлетворения, гиперемию органов таза, что со временем ведёт за собой дисменоррею, кровотечения, параметрит и т. д.

Старый американский гинеколог Хауард Келли писал ещё в 1915 г.: „Я нахожу, что люди, приходившие ко мне за советом и употреблявшие разные механические средства противозачатия, потеряли в своей брачной жизни нечто такое, что должно было бы быть для них более ценным, чем сама жизнь“.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Причин детской смертности и мертворождаемости много. Сама по себе средняя рождаемость не является причиной детской смертности. Наоборот, низкая рождаемость с её большим процентом первенцев является причиной повышенной детской смертности. Противозачаточные средства понижают

рождаемость. Противозачаточные средства повышают детскую смертность. Также много причин материнской смертности. Сами по себе роды дают смертность в 5 % у нормальной женщины.

Десять лет неомальгузианской пропаганды в Англии и безудержного применения противозачаточных средств этой смертности не понизили. Наоборот, низкая рождаемость и большее число первенцев угрожают матери. Первые роды тяжелее последующих. Низкая рождаемость должна повысить материнскую смертность. Низкая рождаемость — следствие искусственного контроля деторождения. Беременность необходима для полного расцвета женщины. Пять-шесть детей являются, по всей вероятности, оптимальным числом для здоровой женщины.

Противозачаточные средства более или менее недействительны. Наука не знает идеального средства для пресечения зачатия, тем менее знают об этом профаны. Возможно, что аборт более ответствен за падение рождаемости, чем сами противозачаточные средства. Женщина нуждается в некоторых продуктах, которые содержит в себе мужское семя. Лишать её их путем применения противозачаточных средств — несправедливо. Противозачаточные средства вредны и физиологически абсурдны.

Наиболее серьёзные учёные осуждают их. Вред, приносимый ими, есть физический и психологический.

Закону Огино и Кнауса может быть будет суждено вывести людей из тупика.

Психиатрия осуждает искусственный контроль деторождений на основании своих клинических наблюдений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вместо скучного повторения и суммирования каждой из предыдущих глав мы попытаемся дать более сжатую и живую картину происшедшего и вероятного будущего.

Так как любовь в её философском смысле людьми осознана иногда очень неполно, а иногда и вообще не ощущается сознанием, как нечто очень важное и ценное для личной жизни каждого человека; так как в большинстве случаев она ощущается чересчур субъективно для того, чтобы можно было ввести её как фактор в наш краткий синтез происшедшего, мы отбросим её, и возьмём только два конкретных фактора: человека и экономические условия, в которых он находится.

Человек — это почти не меняющийся фактор со всеми его добродетелями и недостатками.

Страсть к наслаждениям, к лёгкому труду, к безделью, эгоизм, непонимание страданий другого, боязнь ответственности, лень в мышлении и т. д. суть его отрицательные качества. Вера в конечную победу добра над злом, сознание абсолютного долга, преклонение перед ценностями духовного порядка, самоотверженность, мужество, воля и т. д. — вот его классически положительные черты.

Второй фактор — экономические условия. Это фактор меняющийся. Меняющийся в отношении разных индивидуумов, живущих в одном и том же отрезке времени, меняющийся и во времени вообще. Экономические условия материально

прогрессируют. Техническая цивилизация становится материально богаче. Отдельные лица пользуются всеми её благами. Многие их не имеют. Накопление материальных богатств и погоня за ними, чересчур большая часть времени, отданная на приобретение их и на мечты о них, — всё это отпечаталось в душе человека и заняло чересчур много места в его сердце. Он стал материалистом. Обладание материальными ценностями он называет счастьем. Отсутствие этих вещей делает его глубоко несчастным. Неправильное распределение богатств гораздо тяжелее ощущается материалистами, чем людьми более философски настроенными. В век материализма такие экономические условия должны просто угрожать существующему порядку вещей, порождая чересчур большой контингент обиженных и недовольных. Люди, имеющие власть и причины желать сохранить её, должны будут искать выход из создавшегося положения.

Теоретически имеются два выхода из этого материалистического тупика: объяснить человеку неосновательность его стремлений к одним материальным благам, перестроить его мирозерцание, или же уменьшить количество недовольных.

Первый путь делает ставку на более святые стороны человеческой души. Второй путь, отрицающий существование души у человека, есть путь наименьшего сопротивления.

Первый путь предусматривает более справедливое распределение ценностей, привлечение лучших людей к этой работе, ободрение падающих, помощь страждущим, укрощение несправедливых. Этот путь наиболее радикальный, требующий перевоспитания целых поколений, переустановки всего мирозерцания, путь тяжёлый и едва ли возможный в период духовного обнищания. Вести этим путём должны

были бы какие-то лучшие люди, какая-то духовная аристократия, настолько интеллектуально и духовно воспитанная, вскормленная и выношенная, что она была бы способной отличать вещи вечно ценные от скоро преходящих мелочей. Своей волей и энергией она должна была бы мочь направить целый народ по этому пути. Без этих людей-гигантов, духом сильных, путь духовных реформ, по всей вероятности, невозможен. Можно, конечно, предположить, что народ сам по себе способен воодушевиться и пойти, одержимый идеей, по этому пути. Подобная возможность весьма сомнительна. Истории известны лишь немногие примеры. Для того чтобы заставить думать людей, для мышления не созданных, нужна по крайней мере хорошая всенародная катастрофа.

Второй путь — путь наименьшего сопротивления — гораздо легче. Усилий он не требует. Необходимо лишь благословение свыше на удовлетворение всех стремлений человека, и стремлений отрицательных. Конечно, санкционировать падение лучшие люди не могут. Следовательно, этот метод легче всего применим в странах или в эпоху, где общественным мнением руководят все оттенки отрицательного человечества, от малодушной посредственности до моральной низости.

Но так как какая-то элементарная коллективная совесть всегда существует, то становится необходимым сохранение внешнего декорама.

В человеческой душе всегда полуцветёт идеал правды и правоты, и он ищет оправдания своим поступкам, даже идя на преступление. Создается философия, оправдывающая падение человека.

Производится переоценка ценностей. Половой акт сам по себе оказывается созданным, главным образом, для личного удовлетворения индивидуума только, а не для сохранения вида. Удобный постулат

не только для неомальгузианцев, но и для педерастов и лесбиянок. Неомальгузианская философия, так близоруко жонглирующая основными законами биологии, трудится в конечном итоге над апологией любого полового извращения вообще.

Это, очевидно, и есть та „новая нравственность,” о которой пишет Маргарита Сэйнджер.

Таким нам рисуется возможный психологический генезис неомальгузианства. Ядовитое растение, возросшее на грязной почве человеческих страстей.

В экономической жизни эта философия ничего не достигла.

Вопрос о перенаселённости лачуг разрешается не постройкой санитарных жилищ, а элиминацией будущих жильцов; вопрос о преступности разрешается стерилизацией преступников; чтобы понизить материнскую смертность, женщинам советуется не быть матерями, чтобы ребёнок не умер, рекомендуется делать так, чтобы он не родился (Хитрейшая мысль!), а в конечном итоге ни один экономический вопрос не разрешен; все основные задачи социологии отодвинуты на будущее, условия жизни остаются прежними, принципиально ничего не решено, жилищный кризис не уничтожен, уничтожены только люди.

„Что же, — говорит один из лучших среди них, — вся наша цивилизация в конце концов тоже неестественна. Мы больше не живём, как пещерные люди, и жить, как они, не в состоянии. Хуже мы себя от этого не чувствуем. Контроль деторождений не более неестествен, чем, скажем, электрическое освещение или паровое отопление.“

На первый взгляд, мысли эти кажутся приемлемыми. Заметим, однако, что между контролем деторождений и электрическим освещением существует колоссальная разница в степени их влияния на че-

ловеческий организм. Нельзя сравнивать кондомъ с электрической лампочкой и радиатором. Результаты этого и другого фактора тоже несоизмеримы. Испорченное зрение нельзя приравнять к половому бессилию или бесплодию.

Мы также не можем чересчур оптимистически смотреть на нашу современную цивилизацию и утверждать, что она не имеет отрицательного влияния на человечество. Мы ничего не знаем об этом. Интенсивное развитие техники и повсеместное применение её к жизни имеет место не более шестидесяти, восьмидесяти лет. Для человечества, существовавшего тысячелетия до этого, какой-нибудь век — срок чересчур малый, чтобы утверждать, что электрическое освещение, консервы, ночная жизнь и презервативы не будут иметь влияния положительного или отрицательного.

Положительного? Вряд ли. Мы ничего не знаем. Мы можем только предполагать и прилежно собирать факты, имеющие отношение к этому вопросу.

Сейчас мы видим, что противозачаточные средства и аборт понижают рождаемость и повышают детскую и материнскую смертность. Аборт ослабляет здоровье женщины и этим самым здоровье расы. Падение рождаемости делает неизбежным падение брачности, отчего еще больше падает рождаемость. Создается недостаток молодежи и переизбыток стариков. Изобилие старцев дает повышенную смертность. Разводы растут и распадаются семьи, отчего растет детская преступность. Растут нервные расстройства и прочие болезни на почве извращения нормального полового акта, и неудовлетворенные души идут искать сомнительное счастье в тёмных закоулках сексуальных aberrаций. Вот апофеоз неомальтузианства. Печальная картина... натюрморт, написанный их кистью.

Если неомальгузианство так легко овладело нашими умами, в этом виноваты не одни неомальгузианцы. Виноваты, если вообще уж говорить о вине, виноваты люди. Человечество чересчур легко забыло классически ценные вещи. У современного человека нет философского искания, и ведет он себя так, как будто бы удовлетворением одних физиологических потребностей исчерпывался весь смысл его жизни. Демографическая трагедия есть, по всей вероятности, справедливое возмездие за попираание основных законов природы. Над этим стоило бы поразмыслить. Весьма вероятно, что любовь не есть просто приятное соприкосновение двух слизистых оболочек. Человек не есть просто животное. Наука, по всей вероятности, имеет высокие цели и служит истине, и поэтому самому заслуживает доверия человека.

Разум нам дан не только для успешного введения пессариев на место их назначения, но и для свободного и критического размышления над жизнью и её задачами. Отсутствие критической оценки жизни, неумение отличить важного от пустого, преследование бесценных предметов и небрежное отношение к вещам необходимым, важным для развития человеческой личности — вот причины этой „шатости в умах“, о которой так проникновенно, так серьёзно пишет Ильин: (*)

„Современный человек не испытывает главных, священных предметов, не любит их, не внимает их зовам, духовно не питается ими и не строит ими своего мирозерцания, своего характера, своего жизненного делания. Может быть, он не видит их потому, что не любит их; но может быть и обратное — он не любит их потому, что разучился испытывать и видеть.

(*) И. Ильин: Религиозный смысл философии, стр. 73—95.

Во всяком случае, он часто настолько не видит их, что совсем перестаёт верить в то, что они вообще имеются и обстоят. Но именно поэтому в душе современного человека или не остаётся ничего священного, или же ничтожное приобретает значение главного и руководящего. Души людей или духовно слепы и тогда они живут инстинктом, наподобие животных; или же они близоруки и увлечены тленом, и тогда ими владеет судьба всего тленного и суетного. Но именно поэтому в них нет духовно-состоятельных и предметно непоколебимых основ и граней: ни неба, ни звёзд, ни горизонта, ни достижения, нет того, чем действительно стоило бы жить и за что именно поэтому, стоило бы и умереть; нет безусловно любимого, и потому нет священного огня и священного гнева; нет тех высших обязанностей, обязательность которых была бы субъективно равносильна неизбежности; нет и безусловных запретов, от прикосновения к которым душа трепетала бы. Современный человек совсем не живёт духовными необходимостями, но вращается в пёстрых, условных и относительных не связывающих возможностях. Думать, желать, воображать, говорить, слагать стихи и музыку — поступать — всякий волен по своему усмотрению; и всё, что бы и кто бы ни сделал, будет одинаково „условно хорошо“ и „условно дурно“. Ибо современный „культурный“ человек настолько „умён“ и „образован“, что для него давно уже всё условно и относительно; и чего-нибудь абсолютного, хотя бы просто безусловно верного, для него нет и быть не может. Добро и зло; право и несправедливое; высокое и низкое; правда и ложь; злодеяние и геройство, — всё это до такой степени спорно, субъективно и условно, „зависит от взгляда“ и „вкуса“, что не только доказать, но и различить здесь что-нибудь — невозможно. Но именно поэтому за пределами повседневного быта, его мнимых благ и двусмысленных принципов современный человек не видит ни смысла жизни, ни цели жизни; и не ищет их; и не думает о них. Его воля, внутренне раздробленная и ослабевшая для духовных побуждений и мотивов, гонится за теми мелкими

целями, которые подсказываются ему личными потребностями и страстями, и которые на самом деле не строят жизнь, а только разрушают её. Ибо за мелкою целью укрывается мелкая, но упорная страсть и извилистая беззапретная линия поведения. Вихри мелких целей и страстей скрещиваются, ожесточённо борются, условно и временно, полупредательски солидаризируются, вредят друг другу, государству, культуре, человечеству, — и уносятся временем в то накапливающееся прошлое, которое чревато для всех нас и для наших потомков грядущими бедами. И в основе всего этого лежит какая-то наследственная духовная разочарованность у людей, никогда не испытывавших того, от чего они отвернулись, наивно поверивших, что духовная слепота есть признак умственной зрелости, и бескрыло разлюбивших духовный полёт. Человечество перестало испытывать, видеть, любить и творить главные, священные, зиждущие предметы; оно не верит в их объективную реальность, в их изследимость, в их сущую прекрасность, в их самоценность, в их жизненную силу, в их спасительность. И отсюда всеобщая смута, всеобщая шаткость, духовное разложение; подлинное горе от мнимого ума“.

Мы этим заканчиваем наше краткое исследование вопроса о контроле деторождений. Рассмотренный со всех точек зрения, он представляется совершенно иным, нежели будучи освещённым одной или двумя науками, как это часто делают неомальтузианцы. В этом их коренная методологическая ошибка. Вопрос, вклинивающийся так очевидно в каждую из упомянутых нами наук, нуждается не в анализе специалистов каждой отдельной дисциплины, а в общем философском синтезе.

Он является жизненным вопросом прежде всего, а не только вопросом, касающимся политической экономии, социологии или медицины.

А жизнь не есть социология, не есть медицина. Жизнь есть прежде всего философия.

Философия, наука о мудрости, имеет одной из своих целей отыскание законов жизни, законов, которые дали бы возможность человеку достичь в этой жизни того ограниченного счастья, которое может быть доступно человечеству. И вот именно эта жизненность философии и её заинтересованность в развитии человеческой личности делает из неё необходимую спутницу человека, ищущего правды на своем пути.

Жизнь, понимаемая не как сумма физиологических процессов, но как постепенное расцветание человеческой души, заключённой в пространственных и временных границах её физиологического тела; как акт великой драмы, имеющей очень глубокий и очень важный для человека смысл; как тернистый путь, восходящий к совершенству и требующий напряжения всех духовных и физических сил человека — так воспринятая Жизнь немислима без Философа. А философия требует от человека прежде всего спокойной совести и тихого размышления и беспристрастного сопоставления фактов.

Факты эти, дающие нам возможность осознать наличие Высшего Плана в мироздании, даются нам из непосредственного наблюдения за самой Жизнью. Это работа Биологии — науки о жизненных феноменах.

Биологические законы суть законы, которым мы повинемся помимо нашей воли. Это законы среды, в которой мы рождаемся и умираем. Они больше нас и сильнее нас, и мы — цари творения — побеждаем их только через повиновение им. Неповиновение губительно для человека, независимо от того, сознательно или несознательно он преступает их.

Наши косматые доисторические предки платили своей жизнью за нарушение основных законов природы. Природа автоматически была всякого дерз-

нувшего отклонить ход вещей от предначертанного им пути.

Так ли мы уверены, что мы, люди современности, сможем безнаказанно попирать один из самых основных законов природы — закон о продлении жизни на Земле? Если в прошлом цивилизации гибли по тем же причинам, как только материя ставилась ими выше духа, то помогут ли нам наши небоскрёбы, туннели, электрический свет и синтетические препараты избежать автоматически карающей руки Судьбы?

Что может сделать инструмент, материальная вещь, лекарство, комфорт... с разложением, начавшимся вне материальной плоскости, где-то в неизвестных для нас тайниках души?

Сможет ли теоретический материализм или материализм практический бороться с невесомым, неизмеримым, невидимым?

Выше ли духа материя?

Обманет ли природу человек?

К О Н Е Ц Ъ

Шанхай, Ноябрь 1938

АВТОР ПОЛЬЗОВАЛСЯ СЛЕДУЮЩИМИ
ИСТОЧНИКАМИ

- Bernstein Cyrus: Is "Safe Period" Birth Control unsafe?
in Physical Culture, New York. Vol. LXXVI.
No. 4. Oct. 1936.
- Bloch Iwan: Das Sexuelleben unserer Zeit. Louis Marcus
Verlagsbuchhandlung. Berlin, 1908.
- Боровой А.: Популярный курсь политической эконо-
мии. Книгоиз-во "Польза" В. Антикъ и
Ко. Москва, 1907.
- Brindeau A: "Le depeuplement d'origine obstetricale"
dans Bulletin de l'Academie de Medecine.
Tome 117. No. 25. Juin 1937. Masson et Cie Paris.
- Butenandt A. "The chemical constitution and
physiological properties of the sex hormones" in
Research and Progress. Vol. II. Oct. 1936. No. 4.
Berlin.
- Carrel Alexis: L'homme, cet inconnu, Librairie Plon.
Paris, 1936.
- Collins Joseph: The doctor looks at marriage and
medicine. Rider and Co., London.
- "Comment sauver la famille ouvriere franchise" dans
Dossiers de l'Action populaire. No. 374. Nov.
1936, Paris.
- Cotte Gaston: Les troubles fonctionnels de l'appareil
genital de la femme. Masson et Cie, Paris, 1928

- Couvelaire A.: „Des mesures propres a elever le taux de la nataiite” dans Bulletin de l’Academie de Medecine. Tome 117. No. 25. Juin 1937, Masson et Cie, Paris.
- Cuvillier A.: Manuel de philosophie. Librairie Armand Colin, Paris, 1935.
- Debre R., Joannon P.: La mortalite infantile et la mortinatalite. Masson et Cie, Paris, 1933.
- Dow G. S.: Society and its problems. Crowell, 1930.
- Dumarest F.: “Mariage et tuberculose” dans “L’esprit medical”. No. 154. le 26 fevrier 1937.
- Dumont C. “La famille et Russie” dans Revue Catholique des Institutions et du Droit. Nov-Dec 1936.
- Edwards Wm. Notes on British History. Rivingtons, London, 1919.
- Эльстеръ Л., Экономисты современной эпохи и Робертъ Мальтусъ въ “Новыя идеи въ экономикѣ” Сборникъ второй. Книгоиз-во “Образование”, СПБ, 1914.
- Ferch Johann: Birth Control. Williams Norgate Ltd., London, 1926.
- Foignet R., Manuel elementaire d’economie politique. Librairie Arthur Rousseau, Paris, 1932.
- Fraenkel L. The female sex hormones. Chinese. Medical Journal. Vol. 51. No. 3. March 1937, Shanghai.
- Жидь Шарль: Основы политической экономии. Издание Павленковой, СПБ, 1896.
- Goldenweiser A: “Sex in primitive society” in Sex in Civilization. Garden City Publishing Co., N. Y., 1929.
- Gonnard R: Histoire des doctrines economiques. Nouvelle Librairie Nationale, Paris, 1921.

- Grimm R. Volksaufzucht. Peiyang Press, Tientsin, 1933.
- de Guchteneere R. La limitation des naissances. Gabriel Beauchesne, Paris, 1931.
- Hamilton and MacGowan: What is wrong with marriage. Albert and Charles Boni Inc., 1929.
- de Hevesy Paul: Le probleme mondial du ble. Librairie Felix Alcan, Paris, 1934.
- Hirst Barton Cooke: The four major problems in gynecology. The Journal of the American Medical Association. Vol. 101. No. 12. Sept. 1933.
- Ильинъ И: Религиозный смысл философиі. YMCA Press, Paris, 1923 (?)
- Innthaler A: Die juengste Ehe und Geburtenstatistik Deutschlands in "Schoenere Zukunft". No. 50. Sept. 1935, Wien.
- Kearney. J. F: Birth Control for China. Bulletin. Medical de l'Universite l'Aurore, Shanghai. No. 13. Mars 1936.
- Kekessy E: Die Geburtenkontrolle im Lichte der geschichtlichen Tatsachen. Bulletin Medical de l'Universite l'Aurore. Shanghai. No 13. Mars 1936.
- Laffont A: Gyneeologie. Masson et Cie, Paris, 1932.
- Lange Johannes: Crime and destiny. Charles Boni Paper Books, New York, 1930.
- Latz Leo: The Rhythm of sterility and fertility in women. Latz Foundation, Chicago, 1935.
- Lescure J: Des crises generales periodiques de surproduction. Les Editions Domat-Montchrestien, Paris, 1932.
- Lindsey and Evans: The revolt of modern youth. Garden City Publishing Co., N. Y., 1925.

Lord D. S: What Birth Control is doing to the United States. The Queen's Work Inc., St. Louis Mo U. S. A., 1936.

Малиновский и Шварцманъ: Гигиена женщины. Биомедгиз, Москва, 1935.

Malval Jean: Statistique obstetricale. Bulletin Medica de l'Universite TAurore. Shanghai. No. 21. Mai-Juin 1938.

Manquat M: Eugenique. Revue des Questions Scientifiques. Bruxelles. Tome XXX. Nov. 1936.

Marchal et Mero: La Liberte de la conception. Librairie Medici, Paris, 1935.

Masse Rene: La production des richesses. Edition Marcel Giard, Paris, 1925.

Mercier Charles: Crime and insanity. Williams and Norgate., London.

Messner J. Le communisme et la famille en Autriche. Revue Catholique des Institutions et du Droit, Jan-Fev. 1937.

de Molinari G: Malthus. Felix Alcan, Paris, 1907.

Moreau M. T: Le communisme et la natalite. Revue Catholique des Institutions et du Droit, Jan- Fev 1937.

Nogaro B: Le diagnostic de la crise dans le monde et en France. Revue Economique Internationale, Bruxelles, Oct. 1936.

Parkhurst G: Children wanted. Reader's Digest, Sept. 1936.

Payen G: Déontologie medicale d'après le droit naturel. Tou-sè-wè, Shanghai, 1935.

Rivoire R: Les acquisitions nouvelles de l'endocrinologie. Masson et Cie, Paris, 1932.

- Роледеръ: Какъ предупредить беременность. Издание неизвестно, Тип. Семенова, Москва, 1909.
- Romier Lucien: Explication de notre temps. Ed. Bernard Grasset, Paris, 1925.
- Routier Gaston: Grandeur et decadence des franqais Arthur Savaete, Paris.
- Russel Bertrand: Marriage and morals. George Allen and Unwin Ltd., London, 1932.
- Sanger Margaret: The civilizing force of Birth Controlling Sex in Civilization. Garden City Publishing Co., N. Y., 1929.
- Sanger Margaret: Happiness in Marriage. Blue Ribbon Books, 12th ed., N. Y., 1936.
- Savatie R: Le communisme et le mariage. Revue Catholique des Institutions et du Droit, Nov.-Dec. 1936.
- Scott George Ryley: Marry or burn. Greenberg, N. Y., 1931.
- Sicard de Plauzoles: La surpopulation et la guerre dans "Lu dans la .presse universelle". No. 10 (196). le 8 mars 1935, Paris.
- Spalding A: Woman and morals. China Digest, Shanghai, Nov. 1936.
- Stopes Marie: Contraception. Putnam and Co., London, 1935.
- Stopes Marie: Roman Catholic Methods of Birth Control. Peter Davies, London, 1933.
- Strowski F: L'homme moderne. Bernard Grasset, Paris, 1931.
- Travaux de l'Institut d'Hygiene Publique de l'Etat Tchecoslovaque. Tome VII. No. 3. 1936.

- Тугань-Барановскій М. И.: Теорія народонаселенія при свѣтѣ новыхъ фактовъ. Въ “Новыя идеи въ экономикѣ”. Сборникъ второй. Книгоиз-во “Образованіе”, СПБ, 1914.
- Тугань-Барановскій М. И.: Взгляды Каутскаго на вопросы народонаселенія. То же изданіе.
- Ван-де-Вельде Т.: Тайники брака и техника красоты. Книгоиз-во “Общедоступная библіотека”, Рига.
- Вольфъ Юліусъ: Средства борьбы съ уменьшеніемъ рождаемости, въ “Новыя идеи въ экономикѣ”. Сборникъ второй. Книгоиз-во “Образованіе”, СПБ, 1914.
- Вольфъ Юліусъ: Законъ народонаселенія. То-же изданіе.
- Welton T. S. The modern method of Birth Control. Walker J. Black, Inc., N. Y., 1935.
- Wu Yueng Len: The boat people of Shanam. Nankai Social and Economic Quarterly, Tientsin, Vol. IX. No. 3. Oct. 1936.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие R. P. Germain, s. j. Ректора Университета „Аврора“	11
От автора	15
Введение	16
Глава I. Исторический очерк Контроль деторо- ждений на практике. Первые противो- зачаточные средства. История теорий народонаселения. Домальтузианская эра. Роберт Мальтус. Критика его теории современными экономистами. Боровой. Шарль Жидь. Фуанье	22
Глава II. История неомальтузианства Англия XIX-го века. История движения в XX веке. Европа. Маргарита Сэйнджер. Декларация Лиги Контроля Деторожде- ний. Мария Стопс. Противозачаточные клиники. Основные положения неомаль- тузианцев	42

- Глава III. **Экономический аспект вопроса.** Народнонаселение земного шара. Падающая рождаемость. Вертикальное падение кривой рождаемости в России. Переизбыток стариков. Плотность народонаселения. Средства существования. Переизбыток хлеба на земле. Агробиология. Богатства земли. Теории народонаселения. Рождаемость и религиозность. Экономические кризисы. Распределение богатств... ..56
- Глава IV. **Контроль деторождений и семья.** Роль противозачаточных средств в современном обществе. Брак и развод. Проституция и контроль деторождений. Современная американская супружеская чета. Безработица и контроль деторождений. Детская преступность, Вымирание семьи. Шансы на рождение гения. Аборты. Брак капиталистический и брак коммунистический. Опыт коммунистов в Вене95
- Глава V. **Политический аспект вопроса.** Теория и практика. Оборона страны. Франция и Германия. Муссолини и Гитлер. Меры для поднятия рождаемости. Неудача Франции. Достижения Германии. Россия и рождаемость... ..122

Глава VI. Евгеника и контроль деторождений. Улучшение расы стерилизацией. Рост преступности. Рост психозов. Коэффициент умственного развития. Вымирание лучших. Чарльз Мерсье. Проф. Ланге о близнецах — преступниках. Условия жизни и сумасшествие 132
Глава VII. Моральный аспект вопроса. Неомальтузианцы и нравственность. Полиего значение в интерпретации Марии Стопс. Маргарита Сэйнджер и христианство. Индустриальная революция и развал семьи. Христианская точка зрения. Католицизм и Православие. Англиканская церковь. Есть ли исключения из общего правила. Проф. Покровский. Безнравственность контроля деторождений 153
Глава VIII. Медицинский аспект вопроса. Детская смертность и рождаемость. Причины детской и материнской смертности. Беременность и здоровье женщины. Степень действительности противозачаточных средств. Вред от противозачаточных средств. Закон Огино и Кнауса. Проф. Френкель. Психиатры о противозачаточных средствах 172
Заключение 213
Указатель источников 223

Научное издание

Виктор Прокофьевич Смольников

КОНТРОЛЬ ДЕТОРОЖДЕНИЙ

ООО «Издательство МБА»

Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.

e-mail: izmba@yandex.ru

Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Подписано в печать 06.10.2014. Печать офсетная.

Бумага офсетная 80 гм². Формат 60x90^{1/16}

Усл. печ. л. 14?5.

Тираж 300 экз. Заказ № 405.